

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

ПОЛЬША В БОРЬБЕ ЗА ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ 1920–2020

ПОЛЬША В БОРЬБЕ ЗА ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

1920–2020

КУЧКОВО ПОЛЕ

**Москва
2020**

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6
П53

Под общей редакцией генерального директора
Института внешнеполитических исследований и инициатив
Вероники Крашенинниковой

Ответственный редактор
Дмитрий Буневич

П53 Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. Сб. ст. / Под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д. С. Буневич. — М.: Издательство «Кучково поле», 2020. — 176 с.: ил. — (Реальная политика)

ISBN 978-5-907171-17-6

Междуморье — это геостратегический проект по объединению под польским лидерством государств Восточной Европы, который сто лет назад предложил маршал Юзеф Пилсудский. Тогда его планы окончились крахом, но химеры Междуморья до сих пор продолжают тревожить умы польских политиков и сеять хаос на Востоке Европы. Как и сто лет назад, Варшава сегодня вновь пытается объединить регион и противопоставить его России и Западной Европе. На фоне роста стратегического отчуждения между США и ЕС Междуморье постепенно становится основным орудием Вашингтона, направленным против Евросоюза и России. Авторы сборника — известные историки, политологи и специалисты-международники — подробно и содержательно анализируют историю и современный этап борьбы Польши за региональное доминирование. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Европы и актуальной международной политикой.

**УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6**

На обложке изображена польская памятная медаль 1930 г., посвященная 10-летию окончания советско-польской войны.

ISBN 978-5-907171-17-6

© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», 2020
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2020

МЕЖДУМОРЬЕ. К СТОЛЕТИЮ ХИМЕРЫ

От редакторов

Ровно сто лет назад на равнинах Восточной Европы полыхало пламя Советско-польской войны — и от её исхода зависело будущее всей Европы. Воссозданная в ноябре 1918 г. на руинах трёх империй Польша желала стать новым региональным гегемоном, распространив свои владения далеко за пределы земель, населенных этнически польским населением. В апреле 1920 г. польские войска вторглись на территорию Украины, несмотря на то что с конца 1919 г. РСФСР и УССР сделали Варшаве несколько официальных предложений решить спорные вопросы мирным путём. В феврале 1920 г. советское правительство открыто сформулировало территориальные условия мира, заявив о готовности оставить Польше захваченные ею к тому времени Западную Волынь на Украине и часть Белоруссии. Однако начальник государства (*naczelnik Państwa*) Польского Юзеф Пилсудский выбрал войну.

Она проходила с переменным успехом. В мае поляки взяли Киев и провели в нем парад своих войск. Летом инициатива перешла к Красной армии. Наступление войск Западного фронта под командованием Михаила Тухачевского было остановлено под Варшавой в середине августа. В случае другого исхода Варшавской битвы судьба Европы могла бы сложиться иначе. «Если бы Польша стала советской, Версальский мир был бы разрушен и вся международная система, которая завоёвана победами над Германией, рушилась бы», — отмечал Владимир Ленин в сентябре 1920 г.

Но произошло то, что произошло. 18 марта 1921 г. РСФСР и УССР подписали с Польшей Рижский мир, определивший новую границу между государствами. Недовольными в итоге оказались все. Не получилось ни Польши «от моря до моря», о которой мечтал Пилсудский,

ни социалистической советской Польши. Белорусы и украинцы стали разделёнными народами, часть из них оказалась на территории УССР и БССР, другие — в Польше. Варшава, однако, не оставила своих надежд установить господство в Восточной Европе.

На весь межвоенный период Польша стала, наверное, самым проблемным соседом для Советского Союза. Опасения Москвы не были беспочвенными. Вторая Речь Посполитая (*II Rzeczpospolita* — Вторая Республика) взяла на вооружение геостратегическую концепцию Междуморья: Пилсудский мечтал создать под верховенством Варшавы конфедерацию государств, расположенных между Чёрным, Адриатическим и Балтийским морями. Польские амбиции распространялись на Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию и Финляндию. По плану Пилсудского, эта новая Речь Посполитая должна была доминировать в Восточной Европе и противостоять Германии и России.

Хотя Рижский мир 1921 г. и зафиксировал провал польских планов по полному захвату Украины и Белоруссии, Варшава до 1939 г. так и не отказалась от своей мечты о Междуморье. Не помог и Договор о ненападении между СССР и Польской Республикой от 25 июля 1932 г. В Москве были уверены, что Пилсудский и его наследники лишь ждут подходящего случая, чтобы вновь начать наступление на Минск, Киев и Смоленск.

Амбиции Варшавы не останавливались на Междуморье. Чтобы усилить шансы на успех, Пилсудский выдвинул политический проект «прометеизм» (польск. *Prometeizm*), который ставил целью ослабление и расчленение Советского Союза с помощью поддержки национал-сепаратистских движений: в этом случае Польша, как Прометей огонь людям, несла бы свободу угнетённым советской властью народам. Третий рейх продолжил эту логику военными средствами, создавая национальные легионы СС. Забегая вперёд отметим, что в годы холодной войны «роль Прометея» взяли на себя спецслужбы США, и к концу 1980-х гг. проект вместе с другими мерами принёс результат, катастрофический для Советского Союза.

В 1934 г. опасения Москвы ещё больше усилились после подписания Декларации о неприменении силы между Германией и Польшей и участия Варшавы в разделе Чехословакии в 1938 г. совместно с нацистами¹. В руководстве СССР были убеждены, что при определённых условиях Польша не упустит возможности принять участие в наступлении Германии на Восток.

Через 25 лет после неудачной Варшавской битвы Красная армия всё же вошла в польскую столицу по дороге к Берлину. На дворе был 1944 г., и судьбы мира уже решались без поляков. Хотя «Польский вопрос» и был

одним из предметов горячего обсуждения в Тегеране, Ялте и Потсдаме, сами поляки теперь практически не могли повлиять на его разрешение. Вторая Речь Посполитая, запутавшись в собственных дипломатических манёврах, авантюрах и одурманенная мечтой о Междуморье, осенью 1939 года рухнула под натиском германской военной машины. Лондонское польское правительство в изгнании, хотя и считало себя единственной легитимной властью, находилось в большой зависимости от западных союзников, их планов и фактически не участвовало в освобождении страны.

Люблинский комитет, созданный летом 1944 г. после начала освобождения Красной армией польских земель, поддерживал тесные и дружественные связи с Москвой. В мае 1943 г. на основании обращения активистов Союза польских патриотов Государственный комитете обороны СССР принял постановление № 3294сс «О формировании на территории СССР польской стрелковой дивизии им. Тадеуша Костюшко». Боевое крещение она приняла 12–13 октября 1943 г. под деревней Ленино Могилевской области. По мере освобождения от гитлеровцев территорий Украинской и Белорусской ССР, а потом и самой Польши, число поляков, воевавших с немцами, постоянно росло. Весной 1945 г. в Германии сражались две полевых армии Войска Польского. 24 июня 1945 г. лучшие польские воины приняли участие в Параде Победы на Красной площади. Руководство современной Польши не хочет вспоминать добрым словом тех поляков, которые плечом к плечу с красноармейцами сражались с нацистами.

Новые границы послевоенной Польши были определены в ходе дискуссий лидеров «Большой тройки». Они сохраняются до сих пор — у истоков современной Польша стояли Иосиф Сталин, Франклин Делано Рузвельт и Уинстон Черчилль. Новые границы практически совпали с территорией, где этнические поляки составляли большинство, за исключением Восточной Пруссии, когда Польше были переданы исторически населенные немцами земли. Вскоре после окончания Второй мировой войны Народная Польша стала составной частью социалистического содружества государств и получила стремительное восстановление страны, поставки дешёвого сырья, товаров и быструю индустриализацию.

Сотрудничество Польской объединённой рабочей партии (ПОРП) с Москвой не означало статус сателлита. Ни Владислав Гомулка, ни Эдвард Герек не были лишь послушными исполнителями воли Кремля. Напротив, они порой весьма твёрдо и даже резко отстаивали собственные интересы, вынуждая руководителей СССР идти на уступки. Отношения польской и советской правящих партий, как становится сейчас понятно из архивных документов, строились на сложной системе взаи-

мозависимостей. Период 1945—1989 гг. был временем вовлечения обоих государств в большой наднациональный интеграционный проект. Кажется, химеры Междуморья навсегда остались в прошлом, а Варшава и Москва могут теперь взаимовыгодно сотрудничать. За последнее столетие именно период Народной Польши был самым лучшим для двусторонних отношений.

Однако по мере общей эрозии социалистического блока, при активном участии США в расшатывании единства Востока, ситуация в Народной Польше осложнилась. Всё громче заявлял о себе оппозиционный профсоюз «Солидарность» — крупный подрывной проект, разработанный главой Совета национальной безопасности США Збигневом Бжезинским и реализованный при активном участии Ватикана. Такие действия в самом центре социалистического блока в Европе вызывали все большее беспокойство в СССР. В какой-то момент даже обсуждался вопрос возможного использования советских войск, если польским властям не удастся взять под контроль ситуацию в стране.

Но ответственность за страну взял на себя авторитетный военный руководитель генерал Войцех Ярузельский, быстро сумевший стабилизировать положение в ПНР. В немалой степени этому поспособствовала и масштабная финансово-экономическая помощь со стороны СССР. С началом перестройки Ярузельский, несмотря на свой несколько брутальный образ, оказался в числе тех восточноевропейских лидеров, кто поддержал новый курс Михаила Горбачёва. Очень скоро, впрочем, стало понятно, что Москва постепенно уходит из Восточной Европы. Это, а также системный политический кризис в ПОРП и рост оппозиционных настроений, привели к демонтажу ПНР через механизм «круглых столов» — системы компромиссов между старым партийно-государственным аппаратом и большинством лидеров оппозиции. Результатом этого компромисса и стала новая польская государственность, Третья Польская Республика (*III Rzeczpospolita Polska*). Она открыто объявила себя продолжателем традиций «исторической Польши», Польши Пилсудского и его преемников. Сначала исподволь, а потом всё громче, политики и интеллектуалы заговорили о политическом наследии маршала Пилсудского.

В стране была проведена рыночная «шоковая терапия» и радикально преобразована политическая система. Это, казалось, открыло возможности для выстраивания принципиально новых отношений с Россией, которая также выбрала схожий путь развития в тот период. Ничего подобного, однако, не произошло ни в 1990-е, ни в 2000-е гг. Не помогли ни примирительные исторические заявления и жесты, нередко звучавшие из Москвы в это время, ни объективная взаимная экономическая заинтересованность двух стран. Негативному развитию двусто-

ронного диалога в немалой степени способствовал новый внешнеполитический курс Варшавы. Очень скоро стало понятно, что руководство Третьей Речи Посполитой вновь обращается к старой внешнеполитической доктрине — Междуморью, которая стремительно вернулась в пространство общественно-политических дискуссий.

Добившись вывода советского (российского) военного контингента, поляки тут же принялись искать союзника-патрона. Он был найден в лице США и НАТО. Даже предельно лояльная Вашингтону команда главы российского МИД Андрея Козырева была неприятно удивлена и протестовала против курса Польши на немедленное присоединение к альянсу. Став членом НАТО (1999) и ЕС (2004), Польша проявила себя настолько услужливым партнёром США, настолько готовым участвовать во всех авантюрах Вашингтона, что некоторые европейские авторы даже стали называть страну «троянским ослом» США в Европе.

По мере углубления трансатлантического отчуждения, все заметнее становилось стремление Варшавы играть на американо-европейских противоречиях. Польша надеялась таким образом усилить свой вес в Европе, а также использовать потенциал обеих организаций, для реализации стратегии Междуморья — усиления собственного влияния в регионе, в первую очередь на пространстве ближнего зарубежья России. Именно Варшава была инициатором и стояла в авангарде процессов, связанных с продвижением европейских и атлантических структур на Восток. Польша совместно со Швецией выступила с инициативой «Восточного партнёрства» (2008), которое способствовало процессам, разрушившим Украину в 2014 г.

Попытки вернуться к прагматическим отношениям между Россией и Польшей в эти годы неизменно оканчивались провалом. Владимир Путин и Дональд Туск на определённом этапе пытались найти приемлемый формат диалога, «оставив историю историкам». Большое эмоциональное и политическое значение имело посещение Путиным в 2009 г. мероприятий в Гданьске, связанных с 70-летием начала Второй мировой войны, и его долгая доверительная беседа с Туском на берегу Балтийского моря. Был создан формат так называемого «Калининградского треугольника» — ежегодных встреч министров иностранных дел России, Польши и ФРГ. Эта практика, направленная на развитие трёхстороннего сотрудничества в области политики и экономики, а также взаимодействия регионов и городов, должна была способствовать преодолению навязчивого и иррационального польского страха «германо-российского сговора». После аварии польского Ту-154 в 2010 г., когда погибли президент Польши Лех Качиньский и сопровождающие его лица, президент Дмитрий Медведев объявил в России общенациональ-

ный траур и лично посетил траурную церемонию в Кракове. Эти усилия, казалось, могли способствовать сближению и преодолению предвзятостей, накопившихся между странами. Ничего подобного, однако, так и не произошло. Польская стратегия на Востоке, способствовавшая украинскому кризису, ознаменовала новое долгосрочное обострение российско-польских отношений.

Хотя текущий кризис имеет под собой вполне понятные политические основания, он также базируется на исторических страхах и комплексах большей части польской политической элиты. Неврозы, связанные с историей разделов Польши в конце XVIII в. и трудной судьбой в XX в., активно используются польскими националистами и традиционалистами для выстраивания агрессивной национальной идентичности. Так называемая «историческая политика», взятая на вооружение национал-консерваторами из партии братьев Качиньских «Право и справедливость», построена на страхе и ненависти к другим. Прежде всего к немцам и русским, а также к тем полякам, кто всё же готов вести диалог с Москвой и Берлином. Что говорить, если даже отец действующего премьер-министра Польши Корнель Моравецкий, депутат и активист антикоммунистической оппозиции в ПНР, подвергся настоящей травле со стороны СМИ и политического класса, когда незадолго до смерти признал, что «в интересах и наших народов, и в интересах Европы, и даже в интересах всего мира улучшение отношений между Польшей и Россией».

Извращённая «историческая политика» является одним из идеологических оправданий возвращения Варшавы к курсу на строительство Междуморья. В рамках «исторической политики» возрождаются, создаются и культивируются совершенно антинаучные представления о прошлом Польши и её отношениях с соседями. Польские политики целенаправленно актуализируют самые трудные сюжеты прошлого в настоящем. В рамках этой политики проходит и так называемая десовиетизация — цинично уничтожаются монументы воинам-освободителям, изгнавшим нацистов с польской земли. Сегодня польские национал-клерикалы пытаются представить страну единственным «бастионом христианских ценностей» Европы, вечно сражающимся с мусульманами, «варварами» или «тоталитарными режимами». При этом всячески замалчиваются и искажаются нелицеприятные страницы истории Польши, связанные с её внешней агрессией и внутренней ксенофобией, включая антисемитизм. Согласно новой исторической мифологии «Прав и справедливости», ключевым элементом консолидации нации, наряду с католическим традиционализмом и «исторической политикой», должна быть русофобия и бесконечное раскручивание истерии вокруг мифической «русской угрозы».

Российская сторона пыталась игнорировать «историческую политику» Польши, руководствуясь тем принципом, что «историю нужно оставить историкам». Но принятая 19 сентября 2019 г. резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», согласно которой причиной Второй мировой войны был назван «подписанный коммунистическим Советским Союзом и нацистской Германией Договором о ненападении», в преддверии 75-летия Победы прозвучала особенно кощунственно. Ведь именно польские депутаты Европарламента были в числе главных инициаторов и организаторов принятия этого антиисторического документа. Ещё одной важной причиной этого наступательного манёвра стало наметившееся улучшение отношений Россия — ЕС, которое не устраивает русофобские круги.

В декабре 2019 г. президент Владимир Путин на коллегии Министерства обороны России в необычно резких для него выражениях высказался о польской внешней политике предвоенного периода. Глава российского государства сделал особый акцент на участии Второй Речи Посполитой в разделе демократической Чехословакии вместе с нацистской Германией и Венгрией, и на антисемитизме, процветавшем в межвоенной Польше. Это было очень болезненно воспринято в Варшаве. Последовал вызов российского посла в польский МИД и гневный ответ премьер-министра Матеуша Моравецкого. Со ссылками на Александра Солженицына в заявлении повторялся известный тезис, о том, что Польша якобы стала жертвой «двух тоталитарных режимов», а Германосоветский договор о ненападении 1939 г. был «политическим и военным союзом, делившим Европу на две сферы влияния» и привёл к войне².

Вследствие этого президент Польши Анджей Дуда отказался от участия во Всемирном форуме памяти Холокоста в Израиле, поскольку главным гостем там был российский президент Путин. На фоне участия в этом мероприятии лидеров Германии, Франции, Италии и других государств это выглядело как нежелание Варшавы однозначно осудить антисемитизм, процветавший в Польше значительную часть прошлого века. Затем 9 января 2020 г. польский Сейм, отвечая российскому лидеру, принял очередную резолюцию, согласно которой «к началу Второй мировой войны привели две тогдашние тоталитарные державы: гитлеровская Германия и сталинский Советский Союз, а после заключения 23 августа 1939 г. в Москве позорного пакта Молотова—Риббентропа первыми жертвами обоих тоталитарных режимов стали Польша и государства Центральной и Восточной Европы». Показательно то, что за откровенно антироссийскую резолюцию дружно проголосовали все фракции Сейма. Тем самым политическая элита Польши в очередной раз показала России и всему миру, что, несмотря на острые дискуссии

между польскими политиками по внутривнутриполитическим вопросам, против России они выступают единым фронтом. Единение практически всего политического спектра Польши на фундаменте антироссийской политики перечёркивает надежды на нормализацию отношений между государствами в ближайшем будущем.

Продолжающийся российско-польский спор об истории, конечно, не является исключительно историческим. Он о будущем, будущем Восточной Европы и всего континента. Ведь, раздувая исторические страхи и искажая прошлое, Варшава одновременно пытается консолидировать на антироссийской повестке весь восточноевропейский регион. Одновременно с этим Польша остаётся самым «атлантическим» государством ЕС. Активно поддерживая агрессивную политику администрации президента США Дональда Трампа по развёртыванию в регионе американской военной инфраструктуры, Варшава даже не пытается скрывать тот факт, что стремится торпедировать наметившееся сближение между Россией и странами Западной Европы, Францией и ФРГ. Спустя сто лет Польша вновь пытается создать Междуморье.

Символично, что, выступая в февраля 2020 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, госсекретарь США Майк Помпео поместил в центр своего внимания именно Восточную Европу. По его словам, США выделяют 1 млрд долларов государствам, которые входят в Инициативу трёх морей — современную инкарнацию старого проекта Междуморье, о которой мы ещё поговорим подробнее. В Вашингтоне рассчитывают с помощью восточноевропейцев вбить клин между Россией и Западной Европой.

Символично, что, выступая в феврале 2020 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, государственный секретарь США Майк Помпео поместил в центр своего внимания именно Восточную Европу. По его словам, США выделяют 1 млрд долларов государствам, которые входят в Инициативу трёх морей — современную инкарнацию старого проекта Междуморье, о которой мы ещё поговорим подробнее. В Вашингтоне рассчитывают с помощью восточноевропейцев вбить клин между Россией и Западной Европой.

В представленном сборнике мы говорим как об истории феномена Междуморья — политики по консолидации Восточной Европы под польским лидерством, направленной против России и Германии — так и о современности. Мы собрали коллектив крупнейших специалистов, сотрудников ведущих российских университетов, профильных академических институтов и авторитетных независимых экспертных центров. Обращаясь к широкой аудитории, учёные изложили результаты своих многолетних исследований максимально понятным и доступным язы-

ком. Мы готовы были дать слово и противоположной стороне, при условии, что диалог не выльется в перебранку, но поиск квалифицированных польских экспертов оказались трудной задачей. Таково печальное влияние политической атмосферы двусторонних отношений на диалог учёных. Лишь благодаря содействию представительства германского Фонда Конрада Аденауэра в Москве удалось пригласить к работе доктора Рафала Риделя из Опольского университета. Несомненно, общий тон и отдельные утверждения доктора Риделя, вроде сетований на «аннексию Крыма», вызовут обоснованные возражения со стороны российского читателя. Его материал показывает, как видят реальность даже те польские аналитики, кто в целом готов к диалогу с российскими коллегами.

Сборник состоит из нескольких частей, знакомство с которыми даст читателю представление об истории, идеологических основаниях и современном этапе борьбы Польши за доминирование в Восточной Европе.

В первом разделе «Из истории борьбы Польши за региональное доминирование в начале XX в.» представлена две работы. Крупнейший специалист по истории межвоенной Польши Геннадий Филиппович Матвеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, подготовил статью «Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы». В ней он подробно описал «приводные ремни» этого конфликта и его идеологическую составляющую. Особого внимания заслуживает вывод профессора Матвеева о том, что в начале 1919 г. «никакого марша на Варшаву и вообще вторжения в этнографическую Польшу советское военно-политическое руководство не планировало».

В совместной статье сопредседателя фонда «Историческая патриотика» Александра Владимировича Макушина и кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук Дмитрия Викторовича Суржика «Крах — цена ошибочных военно-политических расчётов: военная машина Второй Речи Посполитой» сделан широкий и подробный обзор военного строительства в межвоенной Польши. Анализируя многочисленные статистические данные, авторы убедительно показывают, как в 1920—1930-е гг. Вторая Речь Посполитая готовилась к большой войне в Восточной Европе и объясняют, почему эти приготовления в конечном итоге обернулись сентябрьской катастрофой 1939 г.

Второй раздел «Прометеизм как идеологическое основание “восточной политики” Польши» состоит из трёх статей и посвящён исследованию феномена «прометеизма». В центре статьи доктора исторических

наук, доцента кафедры социально-правовых и гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству Фёдора Леонидовича Сеницына «Доктрина “прометеизма” в политике Второй Речи Посполитой и Третьего рейха» находится политика ослабления и расчленения Российской империи и впоследствии Советского Союза с помощью поддержки национал-сепаратистских движений. Доктор Сеницын в своём исследовании отмечает неразрывную связь «прометеизма» и Междуморья. Особое внимание автор уделяет тому, как изначально польская стратегия после 1933 г. была перехвачена нацистской Германией и использована против СССР. Сложно не согласиться с одним из главных выводов статьи о том, что «Вторая Речь Посполитая — это неудавшийся имперский проект».

Проблему соотношения проблематики Междуморья и политики «прометеизма» продолжает исследование кандидата исторических наук Татьяна Михайловны Симоновой «Прометеизм в польском сознании: теория и практика». В своём подробном и обстоятельном исследовании автор самым тщательным образом анализирует как развитие идеологических установок «прометеизма», так и его практическое воплощение. Особого внимания заслуживает подробное описание сети различных структур, связанных с реализацией политикой «прометеизма». Исследователь не ограничивается межвоенным периодом и показывает, как «прометеизм» использовался противниками СССР в годы холодной войны и — что особенно важно — как он, вместе с концепцией Междуморья, вернулся в польскую политическую реальность после распада СССР. Автор справедливо заключает, что «современная практика “прометеизма” реализуется в формах гуманитарного воздействия на общество государств Восточной Европы».

Кандидат исторических наук, директор Института русско-польского сотрудничества Дмитрий Сергеевич Буневич подготовил для сборника статью «“Восточная политика” Гедройца—Мерошевского или “прометеизм 2.0”»?». Она посвящена проблеме адаптации к реальной политике теоретических построений крупнейших польских мыслителей-эмигрантов Ежи Гедройца и Юлиуша Мерошевского. Хотя они надеялись преодолеть влияние идеологии «прометеизма» и политики Междуморья на польское общество и политический класс, в реальности этого не произошло. Напротив, автор приходит к печальному заключению, что «в рамках практической реализации концепции Гедройца—Мерошевского, декларировавших отказ от идеологии “прометеизма”, в действительности произошёл ренессанс старых политических подходов».

Последний и наиболее объёмный раздел сборника представлен пятью статьями и говорит о нынешней реинкарнации Междуморья, о его влиянии

на внутреннюю и внешнюю политику Польши. Статья доктора политических наук, заведующего отделом Приднестровья и Молдовы Института стран СНГ Сергея Яковлевича Лаврёнова «Развёртывание инфраструктуры НАТО в современной Польше: краткие итоги и основные выводы» посвящена процессу превращения Польши в главный форпост американского военно-политического присутствия в регионе после окончания холодной войны. Автор описывает основные этапы развития польско-американского военного партнёрства, перечисляет ключевые элементы военной инфраструктуры Альянса в стране и характеризует роль Польши в милитаризации Восточной Европы. «Польша играет одну из ключевых ролей среди восточноевропейских стран по развёртыванию военной инфраструктуры НАТО, укреплению её “восточного фланга” и её приближению к границам России», — справедливо заключает исследователь.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета Вадим Вадимович Трухачёв подготовил для сборника статью «Образ России у политических партий Польши». В рамках своего исследования он кратко охарактеризовал внешнеполитические установки основных партий, представленных в современной Польше. Знакомство с работой даёт представления о международных приоритетах польской политической элиты и подтверждает безрадостный тезис о том, что в настоящее время противодействие и конфронтация с Россией фактически является консенсусом для политического истеблишмента Третьей Речи Посполитой.

Партийно-политическую тему продолжает статья политолога, аналитика Центра общественно-политических исследований «Русская Балтика» и обозревателя портала «RuBaltic.Ru» Александра Александровича Носовича «Альтернатива для Европы. Что предлагает Польше и её союзникам внутренняя политика “Права и справедливости”». Исследователь из Калининграда соотносит внутреннюю политику правящей партии, направленную на сворачивание демократии, с внешнеполитическим измерением, которое характеризуется ростом отчуждения между Варшавой и ЕС. Автор приходит к выводу, что национал-консервативная «Польша Качиньского» является долгосрочным явлением, которое может стать одним из вариантов развития для региона. Более того, свою модель польские власти рассматривают в качестве будущего для части Европы. Возможно, именно такая национал-консервативная модель, построенная на критике либерализма и демократии, станет идеологической основой потенциального Междуморья?

Доктор Рафал Ридель (Rafał Riedel) из Опольского университета подготовил для сборника статью «Новый рыцарь холодной войны

в Центральной Европе — Польша». Справедливо указывая на авторитарные тенденции, возобладавшие в стране с приходом к власти национал-консерваторов, он отмечает роль Польши в качестве главного противника России в Восточной Европе. Сравнивая Польшу с другими участниками региональной Вишеградской группы (Чехия, Словакия, Венгрия) он приходит к выводу, что позиция Варшавы по отношению к Москве является наиболее конфронтационной. Польский исследователь соглашается и с тем, что Польша в отличие от своих соседей имеет амбициозные планы быть лидером региона и определять европейскую политику в отношении стран «Восточного партнёрства». Тем не менее в работе регулярно повторяются традиционные антироссийские тезисы об «угрозе с Востока», «аннексии Крыма» и т. д.

Завершает раздел и сборник в целом статья кандидата исторических наук, генерального директора Института внешнеполитических исследований и инициатив Вероники Юрьевны Крашенинниковой «Возрождение Междуморья: игра Польши и США против Евросоюза и России». В центре материала находятся военно-политические расчёты американских стратегов, а также инфраструктурные планы в рамках Инициативы трёх морей (Триморье). Хотя и последними руководит четырёхзвёздный американский генерал, ранее главнокомандующий силами НАТО в Европе. Автор обращает внимание и на подпольные военизированные возможности Междуморья — таковые могут реализоваться через сеть национал-радикалов «Реконкиста», повторяя паттерн операции «Гладио» времён холодной войны. Убедительно звучит вывод-предупреждение о том, что «угроза строительства национал-консервативного антиевропейского и антироссийского Междуморья является сегодня ключевым вопросом европейской безопасности».

В завершение отметим, что в ближайшие годы отношения России и Польши останутся сложным узлом политики на востоке Европы. Прежде всего разжигать вражду стремятся те группы, которых объединяет идеология атлантизма — веры в то, что США, их военные и политические структуры, должны господствовать в Европе. Самостоятельный Евросоюз, установивший конструктивное партнёрство с Москвой, является самым страшным сном для атлантистов. И поэтому они используют Польшу и её мечту о Междуморье как оружие против европейского единства и против нормализации отношений между ЕС и Россией. Польские национал-клерикалы и либералы могут спорить между собой по вопросам ценностей, но оба фланга легко находят общий язык со своими американскими кураторами на общей платформе вражды к России и борьбы за региональное доминирование.

Системно критикуя политику польского государства, мы считаем, что многие разумные поляки способны оценить многовековые культурные, исторические, экономические и человеческие связи. Путь польских националистических элит — это дорога в никуда, повторение тех ошибок, которые уже допускали польские лидеры в прошлом веке. Для нормального взаимодействия с Россией курс Варшавы должны определять люди, избавленные от пустых исторических страхов, заинтересованные в строительстве общей безопасной Европы. Те, кто не хотят, чтобы их страна была разменной картой в антиевропейской и антироссийской игре Вашингтона. К сожалению, в настоящее время эти силы не могут высказать своё мнение на польской политической сцене, без того, чтобы быть подвергнуты бичеванию.

В общеевропейских интересах Польша должна отказаться от своих необоснованных претензий на доминирование в Восточной Европе. Нельзя годами быть главным бенефициаром европейских «программ выравнивания» и одновременно проклинать «европейскую бюрократию». Невозможно обеспечивать экономический рост за счёт доступа к рынкам ЕС и роли транзитного коридора между Западной Европой и Россией, параллельно подыгрывая США в их игре против Москвы и Евросоюза.

Западноевропейским партнёрам Польши следует применить широкий спектр механизмов для того, чтобы повлиять на политику Варшавы и направить её в конструктивное направление. Франция исторически имеет «особые» отношения с Польшей, а ФРГ — её важнейший экономический партнёр. В интересах стабильной Европы Берлин и Париж могут и должны использовать все имеющиеся ресурсы, чтобы привести Варшаву в чувство. Ибо Польша, несмотря на страстное утверждение национальной идентичности, чутко адаптирует свою политику к внешнему контексту коллективного Запада. Лишь после этого сможет начаться трудный путь к долговременной нормализации отношений России и Польши.

Только отбросив химеру Междуморья, Польша может стать ответственным и конструктивным членом Большой Европы.

*Вероника Крашенинникова,
к. и. н., член Общественной палаты РФ, заместитель председателя Комиссии
по развитию общественной дипломатии, гуманитарному сотрудничеству
и сохранению традиционных ценностей, генеральный директор Института
внешнеполитических исследований и инициатив*

*Дмитрий Буневич,
к. и. н., директор Института русско-польского сотрудничества*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: Падение в бездну Второй мировой. Сб. ст. / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М., 2018.

² За последние годы в России вышло несколько работ, в которых на основе всестороннего анализа было опровергнуто это лживое утверждение. См. подробнее: Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала. Сб. ст. / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. М., 2019; Карлей М. Дж. «Только СССР имеет... чистые руки»: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934–1938 гг.) // Новая и новейшая история. 2012. № 1; Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009 и др.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПОЛЬШИ ЗА РЕГИОНАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ В НАЧАЛЕ XX В.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА И ДВА СЦЕНАРИЯ ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Геннадий Матвеев

11 ноября 2018 г. мир торжественно отметил 100-летие окончания Первой мировой войны. Формально именно в этот день наконец-то замолчали пушки, и в Европу пришел мир. Но так было лишь на западном театре военных действий. В Центральную и Восточную Европу мир возвращаться не спешил, здесь пушки то там, то здесь «говорили» еще два с лишним года. Начало череде вооружённых конфликтов положила 1 ноября 1918 г. польско-западноукраинская война из-за Восточной Галиции, а завершились они лишь в 1921 г. Тогда Польша, поддерживаемая Францией, склонила великие державы Запада к пересмотру в ее пользу результатов мартовского 1921 г. плебисцита в Верхней Силезии, права на которую польский король Казимир Великий еще в XIV в. признал за Чехией. Кроме недолгое время существовавших Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) и Украинской Народной Республики (УНР), в первые годы после восстановления независимости Польша воевала с Германией, Чехословакией, Литвой, и дольше всего — с советскими республиками.

Чем же была вызвана эта повышенная агрессивность Польши на заре ее независимости? Ведь полякам для обретения свободы не пришлось браться за оружие и сражаться с разделившими в свое время их родину соседями. Они получили независимость из рук Антанты при согласии России, данном еще в марте 1917 г. Победоносная коалиция и после войны всячески помогала Польше обустраиваться в новых границах, с одним только условием, чтобы ее рубежи более или менее соответствовали этнографическому принципу¹. Судьбу спорных участков северной, западной и южной границы Польши парижские миротворцы решили определить по результатам плебисцитов (референдумов), а этнически

обоснованные восточные рубежи они указали 8 декабря 1919 г. (после их корректировки в июле 1920 г. эта граница стала именоваться «Линией Керзона» по имени главы британского Внешнеполитического ведомства графа Джорджа Керзона).

Однако Варшаву не устраивала роль послушного подопечного Антанты. Соглашаясь на словах с правом держав-победительниц на установление польских границ, на деле она с первых месяцев независимости взяла на вооружение политику *fait accompli* (свершившийся факт). Польские руководители были уверены, что победителей не судят и все самочинные завоевания Польши западные покровители рано или поздно узаконят². Этой уверенностью и объясняется пространность перечня государств, как самопровозглашенных, так и признанных великими державами, с которыми Польша оружием решала спорные вопросы.

Учитывая, что в числе противников Польши оказались демократические Веймарская Германия и Чехо-Словацкая республика (ЧСР), пролетарские государства РСФСР, СССР и периодически существовавшая советская Белоруссия, а также не желавшие быть советскими государствами Литовская и Украинская Народная Республики, к военному конфликту толкали не политические предпочтения польских руководителей, не их приверженность тому или иному политическому устройству. Объяснение польской агрессивности социальными причинами, главным образом стремлением защитить крупных польских землевладельцев от революции, также далеко от универсальности. В Верхней и Тешинской Силезиях польских помещиков практически не было, впрочем, как и польской буржуазии. В числе причин польской агрессивности достаточно часто называют национальный фактор. Действительно, во всех названных выше государствах проживали поляки. На востоке они были размещены неравномерно, в отдельных крупных городах, таких как Львов или Вильнюс численно преобладали, но этого нельзя сказать о местечках и, за редким исключением, о сельской местности. В Восточной Галиции, в западной части Волыни и в Западной Белоруссии восточнославянское население в совокупности с евреями преобладало абсолютно. В спорной части Тешинской Силезии поляков было больше чем чехов, но там проживали еще немцы и т. н. прочие. Плебисцит в Верхней Силезии показал, что желающих остаться в Германии на 220 тыс. больше, чем оппонентов (707 605 к 479 359). В польской литературе причиной этого поражения часто называют участие в нем около 200 тыс. уроженцев плебисцитной области, переехавших когда-то на постоянное местожительство в другие земли Германии. Но таковы были условия принятой в Версале процедуры волеизъявления силезцев

независимо оттого, были уехавшие немцами или поляками. Не захотели присоединиться к Польше участники плебисцита на Мазурах в Восточной Пруссии. В ряде случаев, когда национальная аргументация была сомнительной, польские политики аргумент численного преобладания поляков подменяли на их исключительную культурно-цивилизационную роль, особенно в бывших восточных воеводствах шляхетской Речи Посполитой³. Не тянут на универсальность и экономические соображения. Развитые промышленность и сельское хозяйство были только в Верхней и Тешинской Силезии, а в украинско-белорусских землях абсолютно преобладало примитивное сельское хозяйство, к тому же сильно пострадавшее во время Великой войны. Его восстановление и последующая модернизация требовали колоссальных финансовых средств, которых у Польши не было и не могло быть даже в весьма отдаленной перспективе.

На статус главной причины повышенной польской агрессивности тянет только одна. Ее называют польские политические и военные руководители, участвовавшие в планировании и проведении политики *fait accompli*. Первым номером среди них конечно же был Ю. Пилсудский, в 1918–1922 гг. начальник (глава) государства и главнокомандующий польскими вооруженными силами. В 1924 г. в своем ответе на брошюру М. Н. Тухачевского «Поход за Вислу», озаглавленном «1920 год», первый маршал Польши (именно такое звание ему было присвоено в день его именин 19 марта 1920 г.) писал, что, приняв решение о войне на востоке, еще в конце 1918 и уже в 1919 г. решил задачу «...как можно дальше от мест, где выклеывалась и ковалась новая жизнь, сделать невозможными любые попытки и поползновения еще раз навязать чуждую жизнь, жизнь, не устроенную нами самими... Я так далеко отбросил советскую угрозу, что в работу по восстановлению нашей жизни... Советы не могли вносить сумятицу и мешать ему»⁴. Совершенно очевидно, что Пилсудский имел в виду именно литовские, белорусские и украинские области, захваченные польской армией на тот момент⁵. Плебисциты по вопросу о границах Польши с Чехословакией и Германией должны были произойти в 1920 г.

Из признания Пилсудского следует, что войны трактовались им как средство решения стратегической задачи обеспечения безопасности Польши. Также думали и другие высокопоставленные армейские чины, обосновывая жизненную необходимость для Польши территориальных приращений за счет восточных соседей. В мартовском номере военного журнала «Беллона» за 1919 г. своими соображениями на этот счет в статье «Стратегические границы Польши на востоке» поделился полковник М. Жегота-Янушайтис, не входивший в число адептов

Пилсудского. По его мнению, «...отношения на востоке Европы еще долго будут слишком неопределенными и мало соответствовать идеалам союза наций. Поэтому Польша, веря в торжество высоких вильсоновских помыслов, должна все же стремиться к установлению таких границ (особенно на востоке), которые бы и в военном отношении гарантировали ей мир и преобладание на случай войны с варварским восточным соседом». Для этого, по его убеждению, следовало создать «стратегическую оборонную область», в силу природных условий абсолютно или в значительной степени непреодолимую для «оперативных масс» противника. Граница Польши должна была бы проходить от Риги на севере, вдоль Березины и Днепра до впадения в него Припяти, далее на юг вдоль рек Случ и Смотрич до Каменец-Подольска на Днестре, а затем по довоенной русско-австрийской границе, то есть в целом соответствовать той границе, которая будет установлена Рижским миром 1921 г.⁶

В мае того же года свои взгляды на вопрос о границе представил в форме меморандума генерал Т. Розвадовский, профессиональный военный, бывший генерал австро-венгерской армии, виднейший военачальник независимой Польши, одно время возглавлявший Генеральный штаб. Как и Янушайтис, он выступал за проведение восточной границы Польши с учетом главным образом географических и военных потребностей. Из намеченных им трех возможных ее вариантов, максимальный почти совпадал с рубежами шляхетской Речи Посполитой до 1772 г., а минимальный был близок границе 1921 г.⁷, то есть и для него стратегические интересы были важнее национального характера присоединяемых территорий на востоке.

Таким образом, Пилсудский и военные, не верившие в надежность создаваемого державами Антанты и США нового устройства Восточной Европы, считали агрессию как таковую средством повышения безопасности Польши, а применительно к Белоруссии и Украине — инструментом создания «стратегической оборонной области». Для овладения ею Варшава провела серию войн с восточными соседями, длившихся в общей сложности два полных года и позволивших ей овладеть более чем 200 тыс. кв. км украинско-белорусских земель, при общей площади межвоенной Польши в 380 тыс. кв. км. За счет Германии равноценную стратегическую область поляки приобрести не могли. Правда, если предоставлялась возможность что-то урвать на западном направлении, Варшава перед этим не останавливалась. Но не путем открытой интервенции польской армии, а камуфлируя его под национальные восстания. Так было, например, в случае с третьим Силезским восстанием в мае 1921 г.⁸

Итак, главным мотивом политики свершившихся фактов было желание обеспечить безопасность Польши путем максимального расширения ее пределов, а главным стратегическим вектором приложения военных усилий Польши определен восток. Руководство всеми польскими военными и дипломатическими действиями на этом направлении осуществлял лично Пилсудский, не позволяя контролировать свои действия ни правительству, ни сейму. Объектами польской агрессии были Западно-Украинская, Украинская народная и Украинская советская республики, советские Литва и Белоруссия, Литовская республика. В своих действиях на востоке Пилсудский руководствовался определенным планом, известным как федеративный. Он предусматривал, с одной стороны, включение в состав Польши территории примерно до линии границы 1921 г., то есть ту самую вождеденную «стратегическую оборонную область». С другой стороны, недопущение непосредственного соседства Польши с Великороссией, для чего следовало помочь созданию вдоль ее западной границы независимых литовско-белорусского и украинского государств, связанных с Польшей союзными узами. Их платой за покровительство Варшавы стал бы отказ в пользу Польши от Виленской области, Восточной Галиции, западных районов Белоруссии и Волыни.

Главным препятствием в реализации плана Пилсудского была Россия как таковая, особенно поддерживаемые Антантой белые. В случае победы белых в Гражданской войне польской армии пришлось бы уйти со всех территорий к востоку от границы бывшего Царства Польского с Российской империей. Воевать с белыми поляки не могли, ибо сразу потеряли бы западных спонсоров, снабжавших их военными материалами, деньгами и оказывавшими политическую поддержку на международной арене.

Сделав объектами польской агрессивной политики советские Белоруссию и Украину, Пилсудский автоматически обретал врага в лице РСФСР, их фактического и формального военно-политического союзника. Да и с точки зрения западных держав Россия сохраняла все права на окраинные территории империи за исключением бывшего Царства Польского, «отпущенного» на свободу Временным правительством. После того как 13 ноября 1918 г. Москва аннулировала мирный договор с Центральными державами, по которому отказалась от прав на Литву, Западную Белоруссию и Западную Волынь, она вернула себе право на владение Северо-Западным и Западным краями, входившими в Российскую империю. Поэтому продвижение Красной армии на запад вслед за эвакуирующимися немецкими войсками Ober-Ost Komando (Верховного командования на Востоке) согласно международному праву не было агрессией (наступление А. И. Деникина на Украине в 1919 г.

также не квалифицировалось как агрессия ни западными державами, ни Польшей), на законных основаниях там проходила и мобилизация в Красную армию.

Большевики сразу же после Октябрьского переворота в России поставили перед собой задачу продержаться у власти до начала пролетарской революции в европейских странах. В том числе ради этого они заключили Брестский мир в марте 1918 г., в частности, позволивший им через свои дипломатические представительства установить контакты с революционными силами в странах Четверного союза, прежде всего в Германии. В Германии особенно активно вели себя полпред А. А. Иоффе и К. Б. Радек, за что незадолго до Ноябрьской революции были объявлены персонами нон грата. С 1918 г. велась спешная подготовка к созданию Коммунистического Интернационала. Но одно дело планы, расчеты и надежды, особенно таких новичков в государственном управлении, как большевики, и другое дело их реализация. Выход европейских государств из войны пошел не по российскому сценарию. Исключением были только Венгрия и Бавария, но они не сумели изменить общей картины событий. Возникновение новых государств и демократизация политических систем в Центральной и Восточной Европе снижали шансы на успех сторонников социалистического переворота. И большевики, демонстрировавшие необыкновенную способность учебы на собственных ошибках, достаточно быстро с идеи мировой революции переориентировались на необходимость неопределенно долгого существования в капиталистическом окружении.

Эта эволюция хорошо просматривается на примере В. И. Ленина, наиболее авторитетного вождя большевиков. Так, еще 26 января 1919 г. он уверял, что «мы близки к полной и решительной победе не только в русском, но и в международном масштабе»⁹. В конце февраля Ленин в проекте программы РКП(б) ставил перед партией цель: «...Всесторонне и всемерно использовать зажженный в России факел всемирной социалистической революции для того, чтобы... перенести революцию в более передовые и вообще во все страны»¹⁰.

Но уже 6 марта, в заключительной речи при закрытии I Конгресса Коминтерна, Ленин характеризовал революционную ситуацию много сдержаннее. Он восхищался растущим в Европе движением «в пользу Советов» как самым значительным шагом «вперед к диктатуре пролетариата, к полной победе коммунизма», уверял, что репрессии со стороны буржуазии служат лишь просвещению масс, помогают им освободиться от буржуазно-демократических предрассудков и закаляют их в борьбе, но ни слова не сказал о прямом штурме капитализма, то есть по существу констатировал явный спад революционных настроений

в Европе. И поэтому нелогичным представляется его вывод, явно предназначенный для поддержания оптимизма у собравшихся в зале заседаний Конгресса единомышленников: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики»¹¹.

Еще более значимым свидетельством перемен в оценке Лениным перспектив революции в Европе служит его доклад на VIII съезде РКП(б) 18 марта 1919 г., в котором акцент, как и на Конгрессе Коминтерна, был сделан на росте популярности Советов в зарубежных странах, а не на прямом штурме капитализма. Но особенно ярко об изменении его взгляда на сроки мировой революции свидетельствует не включение в окончательный текст программы партии положения о «всестороннем и всемерном использовании зажженного в России факела всемирной социалистической революции». Перемена видна и в сдержанной оценке состояния революционного процесса в Польше («...по нашему революционному календарю... не то август, не то сентябрь 1917 года»), и предостережение от попыток внедрить в Польшу коммунизм «путем насилия» и прямого «декретирования» революции из Москвы¹². Итак, Ленин, до конца февраля 1919 г. пророчествовавший скорое пришествие мировой революции и считавший обязанностью Советской России всячески ей содействовать, в марте изменил свою позицию. Вопрос о причине этой перемены во взглядах советского лидера требует специального изучения.

Для нас важнее другой вопрос, а имели ли ленинские слова первых двух месяцев 1919 г. прямое переложение на практику государственной политики РСФСР? Каких-либо убедительных доказательств наличия у Кремля в конце 1918 — начале 1919 г. конкретных планов вторжения на территорию этнографической Польши нет. Большевикам в тот момент важнее было утвердить советские режимы в Прибалтике, особенно в Литве, граничившей с Германией, на пролетариат которой они возлагали особые надежды. До второй половины февраля 1919 г. на западном театре военных действий от Белого моря до Украины действовало несколько слабых советских армий. Приказ о занятии территорий до линии Поневеж, Вильна, Лида, Барановичи, Пинск советская Западная армия получила 12 декабря 1918 г. Его исполнение не составило большого труда, армия просто следовала за эвакуирующимися немецкими войсками. К 15 февраля она достигла заданного рубежа, и начальник Полевого штаба Реввоенсовета республики Ф. В. Костяев обратился к наркому по иностранным делам Г. В. Чичерину со следующей просьбой: «Военная обстановка позволяет дальнейшее продвижение, особенно на Брест-Литовск и Ровно, но политическая обстановка, главным

образом со стороны Польши, остается неопределенной, посему благоволите указать, до какой линии или до каких пунктов считаете возможным наше продвижение, не нарушая политических соотношений, а также определить восточные границы Польши, которые для военного командования остаются совершенно неизвестными»¹³. Вывод из обращения Костяева может быть только один: никакого марша на Варшаву и вообще вторжения в этнографическую Польшу советское военнополитическое руководство в середине февраля не планировало. Показательно и расформирование в июне 1919 г. польской Западной стрелковой дивизии Красной армии.

Пилсудский же, реализуя свой план с помощью Франции, получил 8 февраля согласие немцев на проход польских войск через их боевые порядки в Белоруссию. 13 февраля 1919 г. в окрестностях Барановичей произошел первый бой советско-польской войны. Но и после этого советская сторона не теряла надежды на перевод конфликта из военной в политическую область. В Москве с большой надеждой восприняли визит А. Венцковского, формально представлявшего Польскую социалистическую партию, но фактически исполнявшего дипломатическую миссию. Но вместо мирных переговоров, как того добивалась Москва, польские войска 19 апреля 1919 г. захватили столицу Литовско-Белорусской Советской Республики Вильну, а в августе заняли Минск и достигли Березины.

1919 г. был особенно трудным для РСФСР из-за успехов белых, но их победа грозила также срывом восточного плана Пилсудского. Отложив в сторону антисоветскую риторику, Пилсудский осенью 1919 г. вступил в секретные переговоры с РСФСР, завершившиеся негласным перемирием на польском фронте. Это позволило советскому командованию перебросить десятки тысяч бойцов на деникинский фронт и способствовало успеху РККА. Однако уже зимой 1920 г. он приступил к подготовке весенней кампании на востоке, в рамках которой в апреле были подписаны союзные соглашения с УНР.

Разгром Деникина и затишье на польском фронте породили у Кремля надежду на скорое завершение Гражданской войны и переход к восстановлению страны. Хорошим сигналом стали также решения Великобритании и Италии об отказе от военной поддержки всех противоборствующих сторон в России, а затем и о снятии морской блокады. В Копенгагене начались англо-советские переговоры об обмене пленными и восстановлении торговых отношений. Для закрепления позитивных сдвигов на внешнеполитической арене ВЦИК и СНК РСФСР в конце января 1920 г. обратились к польскому правительству с конкретными мирными предложениями, в том числе соглашаясь на границу

по линии разграничения войск по рекам Березина, Припять и Горынь. Эта т. н. «линия Ленина» проходила восточнее рижской границы 1921 г. и с лихвой удовлетворяла территориальные аппетиты Польши. Но она оказалась неприемлемой для Пилсудского, не оставляя места для столь желанных ему буферных государств. Важно также признание в феврале, июле и августе 1920 г. Москвой буржуазных Эстонии, Литвы и Латвии, а в июле того же года воссоздание Советской Белоруссии. Все они должны были играть в числе других роль буфера между РСФСР и Западом.

25 апреля 1920 г. Пилсудский возобновил полномасштабные военные действия на Украине и в Белоруссии. Началась кампания 1920 г., которую часто неоправданно считают собственно польско-советской войной. Мирное урегулирование двусторонних отношений по вине польской стороны было отодвинуто на полгода, наполненных боями, людскими потерями, разрушениями инфраструктуры и просто угрозой самому существованию Второй Речи Посполитой. Несмотря на то, что формально в этой необъявленной войне победила Польша, Пилсудскому, в отличие от Ленина, создать пояс союзных буферных государств вдоль восточной границы Второй Речи Посполитой не удалось. А тем самым не удалось и коренным образом повысить стратегическую безопасность новой Польши.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Показательно в этом отношении заявление британского премьера Д. Ллойд Джорджа на заседании имперского кабинета в марте 1917 г.: «Желательно... изменение географической карты Европы на основе широкого признания национальных прав; это предупредит волнения в будущем, обеспечит более прочный мир, сделает крепче и солиднее фундамент демократической свободы в Европе». См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. IV. М., 1937. С. 48.

² И действительно, помимо уже упомянутой Верхней Силезии, в 1923 г. Антанта признала польские завоевания в Восточной Галиции, на Волыни, в Белоруссии и Литве.

³ Вот как объяснял эту позицию польский историк Т. Ендрушак в 1970-е гг.: «Сегодня существует всеобщее убеждение, что территории, на которых украинцы, белорусы и литовцы составляли подавляющее большинство, принадлежат этим народам, независимо от прошлого там польского присутствия и сыгранной ими роли в культуре... тогда нельзя было не считаться с фактом, что на огромных пространствах Украины, Белоруссии и Литвы живут поляки, судьба которых не может быть безразлична Польше, потому что они интегральная часть нации». См.: *Jędruszczyk T.* Powstanie II Rzeczypospolitej // *Dzieje najnowsze*. 1978. № 4. S. 51–52.

⁴ *Piłsudski J.* Rok 1920. Warszawa, 1924. S. 203–204. В начале декабря 1918 г. в ответ на критику соратников за компромисс с правыми Пилсудский с раздражением бросил: «Меня ждет борьба с Россией, а не с Дмовским».

⁵ В июле 1919 г. он поделился своими мыслями на этот счет с графом М. С. Косаковским: «Сейчас такой неоценимый момент, такая прекрасная возможность для нас совершить на востоке великие дела, занять место России». Цит. по: *Lewandowski J. Imperializm słabości*. Warszawa, 1967. S. 50.

⁶ *Żegota-Januszajtis M. Strategiczne granice Polski na wschodzie* // Bellona. R. II. 1919. Z. III (marzec). S. 174–175.

⁷ *Rozwadowski A. Generał Rozwadowski*. Kraków, 1929. S. 68–72.

⁸ Скрытая сторона восстания хорошо представлена в воспоминаниях В. Домбровского, секретаря руководителя восстания А. Корфанты: *Dąbrowski W. Trzecie powstanie śląskie. Rok 1921*. Londyn, 1973. См. также: *Zarzycka Z. Polskie działania niaspecjalne na Górnym Śląsku 1919–1921*. Warszawa, 1989. Последний раз Варшава применила эту тактику в сентябре 1938 г., имитируя стихийное восстание польского населения чешской части Тешинской Силезии. См.: *Матвеев Г. Ф. Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 г.* // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 134–156.

⁹ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 37. С. 468.

¹⁰ Там же. Т. 38. С. 98.

¹¹ Там же. Т. 37. С. 510.

¹² Там же. Т. 38. С. 161.

¹³ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сб. док.: в 4-х т. Т. 1. М., 2017. С. 28; АВПРФ. Ф. 122. Оп. 1а. П. 1а. Д. 7. Л. 8.

КРАХ — ЦЕНА ОШИБОЧНЫХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РАСЧЕТОВ: ВОЕННАЯ МАШИНА ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Александр Макушин, Дмитрий Суржик

Представление о том, что Польша могла быть военным соперником СССР в 1930-е гг., сегодня, по итогам Второй мировой войны, представляется абсурдным. Красная армия образца 1945 г. была мощнейшей военной машиной и сравнивать с ней Войско Польское невозможно. Но накануне начала Второй мировой войны польские вооруженные силы выглядели и представлялись со стороны совершенно иначе.

Республика Польская (Вторая Речь Посполитая) с самого начала государственного строительства мыслилась своим основателем Ю. Пилсудским как военизированное государство, целью которого является возврат к границам 1772 г. Подобные устремления, естественно, привели к военным конфликтам Варшавы со своими соседями. Милитаризация народного хозяйства, идеологии и общественной жизни достигалась, в частности, через назначение на ключевые позиции в государственном и муниципальном аппарате, экономике бывших соратников Пилсудского по службе в Польских легионах в годы Первой мировой войны.

Влияние легионеров на политическую, военную и идеологическую составляющую Второй Речи Посполитой в 1919–1939 гг. огромно. Примером здесь может служить граф Станислав Шептицкий. Кадровый офицер австро-венгерской армии, он в 1888 г. окончил военно-техническую академию в Мёдлинге, с 1892 г. занимал командные должности в австро-венгерской армии, в 1912 г. назначен военным атташе Австро-Венгрии в Риме. С 1916 г. он командовал 3-й бригадой Польских легио-

нов, затем — всем легионом, а с 1917 по 1918 г. — войсками марионетного Королевства Польского. 16 ноября 1918 г. Шептицкий вступил в должность начальника Генерального штаба Польши, с апреля 1919 г. командовал Литовского-Белорусским, в 1920 г. — Северным фронтами. С 1 сентября 1921 г. он служил военным инспектором в Краковском военном округе, а в 1923 г. с 13 июня по 19 декабря занимал пост военного министра. В 1926 г. из-за конфликта с Пилсудским генерал вышел в отставку и возглавил Польскую национальную ассоциацию нефтепроизводителей. И это — лишь один пример. Ветераны Польских легионов в 1939 г. занимали 64 генеральские должности из 100, а также 80 % должностей армейских инспекторов и командиров корпусных округов.

Легионеры, с юных лет получивших русофобскую «прививку» в вооруженных силах Австро-Венгрии, по завершении Первой мировой войны руководили Польшей, имевшей своеобразную природно-географическую среду и этно-социальную структуру. В 1931 г. площадь Второй Речи Посполитой составляла 388 634 км², а после участия Варшавы в разделе Чехословакии — уже 389 720 км². Население по состоянию на 1938 г. составляло 34 849 000 человек, из которых от 64 до 69 % составляли поляки, от 9,6 до 14 % — украинцы, 8,6 % — евреи, 3,6 % — русины, 3,1 % — белорусы, а немцы, русские и другие национальности совокупно составляли 11,1 %. Грамотность была различной в разных районах. «Еще в середине XIX в. в Пруссии около 90 % польских детей имели начальное образование, в Царстве Польском и Галиции соответственно 28 и 20 %». Столь неоднородный этнический состав, как отмечали в докладе Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) вермахта 15 июня 1937 г., создавал проблемы для интеграции их в вооруженные силы и их лояльности в военной службе¹.

В политическом плане польское государство представляло авторитарный режим, в котором после установления режима «санации» проводилась политика активной ассимиляции непольского населения и подавления гражданских прав инородцев. Вместо демократических прав население воспитывалось в ожидании фантома государства «от моря до моря». Этот имперский экспансионизм порой достигал абсурдных форм, к коим можно отнести создание в 1930 г. Морской и колониальной лиги (*Liga Morska i Kolonialna*).

Высшим военно-политическим органом страны являлся Комитет обороны республики (*Komitet Obrony Rzeczypospolitej*, KOR), в который входили президент республики (председатель комитета), глава Совета министров (заместитель председателя), генеральный инспектор вооруженных сил, министры военный, финансов, промышленности и торговли, иностранных и внутренних дел. (Кроме того, членами KOR без

права голоса были начальник и заместитель начальника Главного штаба и начальник Военной администрации.) Комитет был учрежден 12 мая 1936 г. указом президента республики И. Мосцицкого, прида на смену Комитету обороны государства (*Komitet Obrony Państwa*). Правом созывать и задавать повестку заседаний комитета обладали президент республики и генеральный инспектор вооруженных сил. Исполнительным органом комитета являлся Секретариат KOR, находившийся при генеральном инспекторе Войска Польского. Основным направлением деятельности комитета была разработка руководящих принципов военной политики государства и оборонной деятельности правительства, а также разработка военной доктрины.

Столь же разнородным, как и в национальном плане, было положение в народном хозяйстве страны. Около 76 % населения была занята в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, около 11 % — в промышленности и горнодобывающей промышленности, менее 6 % — в торговле и транспорте, а остальные — в других профессиях. «Узким местом» польской металлургии было сырье. Так, для коксования подходил только верхнесилезский каменный уголь, так что Польша зависела от поставок из Восточной Верхней Силезии на 100 %. Не лучше обстояло дело и с нефтью. «Добыча нефти в течение многих лет снижалась в результате снижения выхода из недр, — отмечали немецкие военные разведчики в уже упомянутом докладе. — Наиболее важные нефтяные месторождения находятся в районе Борислав—Прохобыч—Стрый и недалеко от Ясло—Кросно на севере Карпат. Еще одно нефтяное месторождение, но менее продуктивное, находится недалеко от румынской границы возле Станислава. Нефтяные месторождения в национальном политическом плане [расположены] неблагоприятно, так как они в значительной степени достигают [реки] Сан — чисто украинского языкового пространства». Польша была в достаточной степени обеспечена цинком и свинцом. Однако другое сырье (особенно все цветные металлы и хлопок), джут и резина поставлялись извне. Страна имела дефицит серы, азотной кислоты и шерсти. Железная руда добывалась в сравнительно небольших объемах в Ченстохове, Кельце и Радоме; и здесь Речь Посполитая сильно зависела от импорта из Швеции и СССР. Несколько лучше выглядела ситуация с продовольствием. По оценке немецкой военной разведки, страна могла прокормить себя в случае войны. Наиболее важными аграрными районами были западные (Познань, Померания, Силезия) и центральные воеводства (Варшава, Лодзь—Кельце, Люблин и Белосток). Восточные воеводства (Вильно, Новогрудок, Полесье и Волынь) давали лишь небольшие излишки на внутренний рынок и выращивали в основном

пшеницу, картофель и сахарную свеклу. Основными дотационными районами были территории Кракова, Львова, Станислава и Тарнополя. По сравнению с периодом до начала Первой мировой войны урожайность в бывших немецких и австрийских частях страны резко снизилась в абсолютном выражении и пропорционально почти во всех арахисовых культурах, в то время как урожайность на востоке и в центре Польши возросла. Западные и южные воеводства славились своими продуктами животноводства и молочного производства, которые поставлялись и на внутренний рынок страны. В то же время центральные и восточные воеводства испытывали дефицит в мясо-молочной продукции².

Важной чертой польской *промышленности* был неравномерный характер ее отраслевого и территориального развития. Аграрно-индустриальная страна (в сельское хозяйство было занято 72,3 % самодеятельного населения, а в промышленности — 10,3 %)³. Основными отраслями промышленности были машиностроение (Варшавский промышленный район), горнодобывающая (Домбровский район), металлургическая (Верхнесилезский район), текстильная (Лодзинский промышленный район). Тяжелая промышленность была сосредоточена в Восточной Верхней Силезии, машиностроение группировалось вокруг Варшавы и текстильных фабрик возле Лодзи, Белостока.

Хотя уровень промышленного производства в Польше падал в 1924—1926 гг. и в 1929 г. Вторая Речь Посполитая первой из стран Восточной Европы попала под удар мирового экономического кризиса, она довольно быстро оправилась. Уже в 1938 г. ее уровень промышленного производства превысил докризисный на 17 % и составил 94 % от уровня 1913 г. Промышленный потенциал Польской Республики очень высоко оценивался германскими военной разведкой и Министерством иностранных дел, интересовались польским экономическим потенциалом и германские монополии. Аналитический обзор Польши, подготовленный ОКХ 15 июня 1937 г., среди проблем народного хозяйства страны называл неравномерное развитие железнодорожной сети (более густое на бывших прусских территориях и более редкое — на территории бывшей Российской империи)⁴.

Уровень развития польской *военной промышленности*, конечно, не соответствовал германскому (чьему военно-промышленному комплексу в немалой степени поспособствовало участие Варшавы в Чехословацком кризисе на стороне Берлина). Однако было бы ошибкой представлять Польшу беззащитной жертвой. Одной из самых наиболее затратных для национального бюджета была статья расходов на оборону, весь период существования Второй Речи Посполитой держав-

шаяся на уровне не ниже 30 %. С начала тридцатых годов финансирование армии увеличивалось. Военный бюджет 1938/39 г. составлял уже 800 млн злотых. Доля иностранного (прежде всего — французского капитала) в польской военной промышленности достигала 25 %⁵.

Польская военная промышленность была сосредоточена Верхней Силезии. При этом с 1926 г. государство неоднократно предпринимало систематические попытки расширить оборонную промышленность и избавить ее от засилья иностранных технических специалистов и капитала, с целью чего выкупало частные предприятия. Наиболее ранней и фактически единственной до 1926 г. отраслью польского ВПК было производство патронов и снарядов к артиллерийским орудиям. Начавшая работать в Варшаве в 1919 г. государственная *Wojskowa Wytwórnia Amunicji Karabinowej* уже через два года производила 24 млн винтовочных патронов в год. В дальнейшем это производство было закрыто, но в 1927 г. открыт новый завод в Скаржиско (FA), чей годовой объем производства должен был составлять: 30 млн винтовочных патронов в год, а также производство 75-мм, 105-мм и 155-мм снарядов. Кроме этих государственных заводов в производстве боеприпасов были задействованы и полугосударственные предприятия: артиллерийский завод в Стараховицах, патронно-снарядный завод *Pocisk* («Снаряд») в Варшаве (и его отделение в Рембертове). В Барышеве находился завод искусственного шелка, в Невядове — завод взрывчатых веществ *Nitrat*⁶.

В 1927 г. в результате реформы системы ВПК были созданы две крупные государственные компании. Первая — «Государственное предприятие порохов и взрывчатых веществ» (PFP), об основном предприятии которой было сказано выше. Вторая пореформенная компания носила название «Государственное предприятие вооружения» (PWU), в которое входили «Государственный авиационный завод» (PZL; Варшава), «Государственный инженерный завод» (PZInż; Варшава; производил автомобили, радиостанции, саперное имущество). Также имелись «Государственная фабрика обмундирования» (PZUmund; Познань), а также орудийно-пулеметные и орудийные заводы, верфи в Модлине, авиазаводы, воздухоплавательные мастерские, завод противогазов. В результате экономического кризиса 1930-х гг. государственные предприятия ВПК смогли поглотить несколько бывших частных производств. В 1931 г. были созданы «Государственные теле- и радиотехнические заводы» (PZTiR), которые начали выпуск военной продукции. В 1936 г. был разработан план промышленного развития, который предусматривал перенос основных мощностей ВПК в центральный район Польши для защиты от вероятных боевых действий с СССР и Герма-

нией. В 1937 г. развернулось строительство новых предприятий ВПК в Явидзе и Столовой Воле, Дебице и Дева⁷.

Продолжая дипломатическое сотрудничество в последние годы правления Пилсудского, с 1935 г. Варшава стремилась унифицировать свою военную промышленность с нацистской. Основой для этой деятельности была работа строго секретных военных комиссий во главе с генералами Казимежем Фабрици и Вальтером фон Рейхенау. Представители комиссий (поляки — в Германии, а немцы — в Польше) изучали мощности военной промышленности обеих стран, пересматривали военные планы «с ориентировкой на германскую военную промышленность и на унификацию польского и германского вооружения»⁸.

Вся польская конструкция бронированных автомобилей и танков, а также высококачественных двигателей для наземных и воздушных транспортных средств была сосредоточена в Варшаве. Военно-морской флот полагался на заказы в зарубежных странах. На Гдыньской верфи могли осуществлять лишь строительство небольших судов и проводить мелкий ремонт. Дабы исправить ситуацию, в 1937 г. государство начало строить большую военно-морскую верфь в Гдыне. Таким образом, польская оборонная промышленность могла обеспечить себя пулеметами среднего и крупного калибра и, отчасти, — их боеприпасами. Страна полностью покрывала потребности Войска Польского в авиационных и противотанковых орудиях, отчасти — в легких полевых пушках и минометах, а также полностью зависела от импорта военных оптики и точного механического оборудования⁹.

Отметим, что производственные мощности польского ВПК превышали потребности армии мирного времени, и вполне могли соответствовать планам на ведение войны. Польские винтовки и легкие боеприпасы, а также самолеты были представлены на мировом рынке. Но после изменения политической ситуации в конце 1938 — начале 1939 г. эта промышленность, в силу общей слабости экономики, не смогла обеспечить быстрое перевооружение польской армии современными образцами оружия. Соответствующие переговоры о строительстве новой военно-промышленной базы в центре страны велись с Францией, но требовали слишком крупных финансовых затрат.

Польские легионеры, начинавшие военную службу еще в войсках Австро-Венгрии и окончившие высшие военно-учебные заведения уже во Второй Речи Посполитой, сумели создать ВПК, который в значительной степени определял развитие всей польской промышленности, приводя к перекосам в промышленном развитии одних отраслей в ущерб другим. При этом строительство вооруженных сил, ВПК шло на пределе финансовых возможностей Польской Республики, что заставляло

правительство прибегать к внутренним заимствованиям и иностранным кредитам. Польская промышленность (особенно — оборонный сектор) сильно зависела от иностранных капиталовложений. Так, доля иностранного капитала (в данном случае — французского) в нефтяной промышленности достигала 80 %. В 1934 г. Варшава привлекла 8,5 млрд злотых. При этом ежегодно около 400 млн злотых уходило на выплату процентов по займам и дивидендов иностранным инвесторам. Последние были представлены США (37 % иностранного капитала), Францией (16 %), Германией (12 %), Великобританией (9 %), Бельгией и Швейцарией (по 4 %) и другими странами (18 %) ¹⁰.

* * *

Как подтверждают польские авторы, исходными документами для формирования польской военной мысли были кайзеровские военные уставы. Однако они находились в прямом противоречии с личным боевым опытом польских легионеров, а военные конфликты рубежа 1919—1920-х гг., сопровождавшиеся импровизированным управлением войсками, «на ходу» формировавшими боевые группы и фронты, поставили вопрос о формировании военной доктрины. На ее формирование большое влияние оказал политический союз с Францией, заключенный 19 февраля 1921 г.

Этот политический союз имел большое значение для развития польских вооруженных сил. К середине 1921 г. принятием трех уставов: Устав пехоты (*Regulamin piechoty*), Устав кавалерии (*Regulamin jazdy*), Устав полевой службы (*Regulamin służby polowej*) — была заложена нормативно-правовая основа жизни Войска Польского. Принятые наспех, они зачастую представляли собой буквальные переводы с соответствующих уставов французской армии. Французами были также и преподаватели польской Военной школы Генерального штаба, в 1921 г. переименованной в школу Генерального штаба, а через год — в Высшую военную школу ¹¹. Представители Третьей Республики также играли первую скрипку в офицерских училищах всех видов и родов Войска Польского, а также в Центре высших военных исследований, основанном в 1923 г.

Польская военная мысль 1921—1926 гг. связана с именем французского полковника Луи Фори, директора по науке Высшей военной школы. Проведя анализ опыта Первой мировой войны, а также стратегического положения Польши, он создал военную доктрину (хотя и не принятую на государственном уровне, но ставшую основой для подготовки польских офицеров). Фори отказался от позиционно-оборонительной стратегии в пользу сочетания разных видов боевых действий. После майского переворота 1926 г. решающее влияние

на формирование польской военной доктрины оказывал лично Пилсудский. При нем польская дипломатия и военная мысль взяла крен в сторону Германии, отношения с которой поляки стремились улучшить вне зависимости от того, какой режим находился в Берлине. При этом отношения с Чехословакией и Советским Союзом по-прежнему оставались натянутыми. С именем Пилсудского связано ослабление внимания к германской и активная разработка противодействия советской угрозе. Пилсудский отверг проект военной доктрины Фори и все дальнейшие предложения по модернизации польских вооруженных сил. Под его руководством была создана Генеральная инспекция вооруженных сил, которая фактически взяла на себя функции Генштаба, пытаясь участвовать в разработке военных доктрины и планов, а также руководить военным производством через 120 своих представителей на предприятиях ВПК. Антисоветский крен в планировании и недостаточное внимание к Германии привели к отъезду в 1928 г. французской миссии. Все «неудобные» Пилсудскому офицеры были выведены из состава Войска Польского, а их место заняли сторонники позиционной войны. Соответственно изменилась и программа обучения в Высшей военной школе: новому лидеру страны и армии были нужны не думающие офицеры, а прилежные исполнители и единомышленники¹².

В 1930 г. Генеральная инспекция вооруженных сил создала «Общую боевую инструкцию» — военную доктрину межвоенной Польши. В документе, с одной стороны, подчеркивается необходимость вести маневренные действия, с другой стороны весьма значительный объем в этой инструкции занимает описание оборонительных боев. Основываясь на опыте Советско-польской войны 1919—1921 гг. и «Общей боевой инструкции», польский генералитет полагал, что основные боевые действия в будущей войне будут вести кавалерия и пехота, которым для теснейшей координации будет вредить сложная иерархическая структура, а потому было решено отказаться создания корпусов и конных армий. Большинство кавалерийских дивизий было расформировано, а вместо них остались независимые бригады, которые уже не могли выполнять крупный оперативный маневр. В «Общей инструкции» роль кавалерии определялась следующим образом: «Кавалерия движется верхом, сражается пешком». То есть кавалерия не входит в прямое соприкосновение с противником, ограничиваясь лишь мощным огневым контактом. Далее этого инструкции о действиях в бою разных видов кавалерии (коих в польской армии, как будет показано далее, было несколько видов) разработаны не были. Все остальные рода сухопутных войск несли вспомогательную роль в этой кавалерийско-пехотной доктрине.

Эдвард Рыдз-Смиглы, возглавивший польские вооруженные силы после кончины Пилсудского, попытался вернуться к курсу на военное взаимодействие с Францией. В результате работы французских инспекторов было выявлено неудовлетворительное состояние Войска Польского. Генеральный штаб разработал шестилетний план, направленный на расширение военной промышленности и модернизацию всех видов вооруженных сил. Это требовало огромных финансовых затрат (уже более 40 % бюджета) и европейского мира, по крайней мере, до 1942 г.¹³

* * *

В конце 1930-х гг. в военно-административном отношении Польша делилась на десять корпусных округов: Варшава (I), Люблин (II), Гродно (III), Лодзь (IV), Краков (V), Львов (VI), Познань (VII), Торунь (VIII), Брест-над-Бугом (IX) и Пшемьсль (X). Основой Войска Польского, комплектовавшегося по принципу всеобщего воинского призыва, были *сухопутные войска*. По состоянию на 1936—1938 гг. пехота (30 дивизий) состояла из 90 пехотных полков (в т. ч. 9 элитных легионерских), 3 отдельных стрелковых батальонов, столичного батальона, 2 морских стрелковых батальонов. В составе кавалерии (14 бригад) числились 27 уланских, 10 конно-стрелковых, 3 шеволежерских полка, а также 10 конных саперных эскадронов. В артиллерии насчитывалось 39 полков легкой полевой артиллерии, 10 полков тяжелой артиллерии, 1 полк артиллерии особой мощности и 59 отдельных артиллерийских дивизионов. Бронетанковые войска были представлены 10 самоходными дивизионами, одним экспериментальным танковым дивизионом в учебном центре в Модлине и двумя отрядами бронепоездов. В 1939 г. перед началом мобилизации, польские танковые войска были реорганизованы и получили следующую структуру: 3 дивизиона и 3 отдельные роты легких танков, 11 смешанных самоходных дивизионов, 15 отдельных разведывательных танковых рот, 10 бронепоездов. Численность сухопутных войск Войска Польского в 1939 г. была увеличена до 418 474 человек, авиации — до 12 170 и военно-морского флота — до 9074 человека. Мобилизационный ресурс Второй Речи Посполитой оценивался в 3 млн человек, однако имевшегося в наличии стрелкового оружия и обмундирования на складах хватало лишь еще на дополнительное обеспечение еще около 400—450 тысяч солдат. Итого польская армия могла выставить около одного миллиона солдат¹⁴.

Эти данные лишь отчасти соответствуют открытым советским источникам того периода. По ним, бюджетная численность Войска Польского официально с 1924 г. составляла около 264 тыс. человек, но в действи-

тельности стоило говорить о 320 тыс. человек. Пехота включала в себя 30 дивизий; конница (всего 40 кавполков) состояла из 12 кавалерийских бригад и 1 кавдивизии (в составе 3 кавбригад, 2 дивизионов конной артиллерии, 1 саперного эскадрона и 1 взвода связи), 3 полков шеволетеров, 27 уланских полков и 10 полков конных стрелков¹⁵.

Интерес представляют также и сведения М. Норвид-Нойгебауэра — бывшего генерал-инспектора Войска Польского, а затем военного атташе в Великобритании. По его словам, «в соответствии с новой мобилизационной схемой, принятой в 1936 г., Польша на военной основе могла поднять 30 пехотных дивизий, 10 резервных дивизий, одну моторизованную бригаду, одну стрелковую бригаду и 11 кавалерийских бригад. Кроме соединений, в состав этой армии войдут 50 пехотных батальонов, 7 пулеметных батальонов, 35 батальонов национальной обороны, 38 артиллерийских групп (в том числе 28 тяжелых), 29 рот 2-тонных танков, 9 рот легких танков (по 8 тонн), 10 бронепоездов и другие соединения и подразделения для обороны фронта и тыла. Противовоздушная оборона состояла из 49 батарей, из которых 13 были представлены орудиями старого типа, а 11 — современного 75-мм типа польского производства; 15 батарей для мобильных подразделений и 10 батарей 40-мм типа, не связанных ни с одной дивизией. Кроме того, предполагалось поднять 20 батарей с 40-мм пушками и 89 пулеметных рот, но этот план все еще находился в процессе реализации. Эффективная численность армии, лишь частично задействовавшей подготовленные резервы и людские ресурсы, составляла примерно 50 000 офицеров и 1 700 000 человек, организованных в шесть армий, четыре оперативные группы пехоты и две — кавалерии»¹⁶. Рассмотрим структуру и вооружение Войска Польского по родам войск.

Польские пехотные подразделения формировались в основном из крестьянского населения и имели все плюсы и минусы подобного формирования. Польский пехотинец был неприхотлив, вынослив, имел хорошую физическую подготовку. В процессе службы проводилась активная идеологической обработка личного состава в русле официальной политики «санации» и «пацификации». Целью этого было стремление обеспечить лояльность вооруженных сил, формировавшихся из разных национальных диаспор по призывной системе, а также оградить их от проникновения альтернативных идей и настроений. Во многом эта идеологическая работа была успешной.

Офицерский корпус пехотных подразделений польской армии формировался в основном, по национальному принципу. Структура пехотных соединений и воинские уставы копировались с французской армии, которая считалась польским военным командованием лучшей в мире.

Штатный состав пехотной дивизии¹⁷

	Войско Польское	Вермахт
Количество военнослужащих	16 492 человек (15 977 солдат и унтер-офицеров, 515 офицеров)	16 859 человек
Артиллерия	— 3×155-мм гаубицы — 3×105-мм гаубицы — 12×100-мм гаубиц — 30×75-мм орудий — 4×40-мм зенитных пушки — 42×81-мм миномета — 81×46-мм гранатомет	— 12×155-мм гаубиц — 36×105-мм гаубиц — — 20×75-мм орудий — — 54×81-мм миномета — 84×50-мм миномета
Противотанковое вооружение	— 27×37-мм противотанковых орудий — 66×7,92-мм противотанковых ружей	— 75×37-мм противотанковых орудий
Пулеметы	— 326 ручных — 132 станковых	— 495 ручных — 118 станковых

Таким образом, с учетом 767 пистолетов-пулеметов в составе стрелковых рот польская дивизия по огневой мощи примерно была равна своему аналогу в вермахте и превосходила стрелковую дивизию РККА по штату 04/620 от 31 декабря 1935 г. По мнению военных экспертов, польская пехота была лучшей среди армий Восточной Европы, немного уступая чехословацкой по вооружению, но значительно превосходя её по моральному духу, сплоченности, политической и военной подготовке. В целом политико-идеологическая работа с польскими офицерами и в кадровых польских частях давала положительные результаты для Варшавы. Но в 1939 г. из-за призыва большого числа военнообязанных (в том числе представителей национальных меньшинств) моральный дух польских пехотных подразделений сильно понизился.

Основой ударных сил *польских сухопутных войск* была кавалерия. Она, в отличие от Красной армии и вермахта, составляла бóльший процент численности вооруженных сил (соответственно, около 10, 6 и 2,1 %). Это было обусловлено не только слабой индустриальной базой для формирования танковых подразделений, но в основном происходило из традиций и представлений об основном театре будущих

военных действий польской армии. Восточный театр военных действий, с его осенней и весенней распутицей, слабой дорожной сетью, огромными лесными массивами, как нельзя лучше подходил для действий больших масс кавалерии. Подтверждением этого служит географическое расположение мест дислокации кавалерийских подразделений: Краков (Краковская кавалерийская бригада), Броды (Кресова кавалерийская бригада), Варшава (Мазовецкая кавалерийская бригада), Барановичи (Новгородская кавалерийская бригада), Белосток (Подляская кавалерийская бригады), Станислав (Подольская кавалерийская бригада), Быдгощ (Поморская кавалерийская бригада), Сувалки (Сувальская кавалерийская бригада), Познань (Великопольская кавалерийская бригада), Вильно (Виленская кавалерийская бригада), Ровно (Волинская кавалерийская бригада). При этом некоторые из бригад (например, Волинская и Сувальская) состояли из пяти полков. Польские кавалерийские части были насыщены противотанковой и 75-мм артиллерией¹⁸. Служба в кавалерийских частях считалась крайне почетной, и опыт боевых действий сентября 1939 г. подтверждает храбрость и хорошую выучку польских улан. Польская кавалерия представляла из себя хорошо организованную и подготовленную составляющую польской армии, которая хорошо соответствовала своему основному предполагаемому противнику (СССР) и вероятному театру военных действий.

История *танковых войск* Второй Речи Посполитой началась с передачи ей в 1919 г. Францией большого количества оружия и боеприпасов¹⁹, а также полка из 120 танков *Renault* FT-17, что в одночасье превратило Речь Посполитую в третью танковую державу в мире и в немалой степени способствовало польской экспансии. Эти танки участвовали в войне против СССР в 1920 г. и оккупации Верхней Силезии в 1921 г. В ноябре 1930 г. было организовано Командование броневых сил (*Dowództwo Broni Pancernych*; DBP) и с 1930 по 1937 г. проведено несколько реорганизаций структуры танковых подразделений. Итогом этого стало формирование восьми батальонов (самоходных дивизионов — *Dywizjon Samochodowy*) разной численности, расположенных в Варшаве, Журавице, Познани, Бресте-над-Бугом, Кракове и Львове, в Луцке и Стеже. В 1939 г. на их вооружении состояли следующие модели бронетехники: 102 полностью устаревших танка *Renault* FT-17, сведенных в три роты «тихоходных танков», а также 19 машин *Renault* M26/27 и 10 *Renault* NC-27, приобретенных в 1927 г. для обучения танковых экипажей и научно-исследовательских работ. В формировании польских танковых частей принимала участие и Великобритания. В 1930—1931 гг. Варшава приобрела 38 машин *Vickers* Mk E и 15 *Carden-Loyd* Mk VI с лицензиями на их производство. В 1939 г., когда война ста-

новились уже неизбежной, был заключен договор на поставку 100 танков *Renault R35* и *Renault H35*, однако их этого числа успели доставить и испытать в боях 49 первых и 3 вторых модели²⁰.

Основой же для «брони панцерной» была бронетехника собственного производства. Подобно другим аграрно-индустриальным странам (при 1,6 % мирового населения страна производила 0,7 % мировой промышленной продукции), Польша начала собственное танкостроение с улучшения лицензионных образцов. В 1931 г. в Варшаве завод PZInz начал выпуск танкетки, или по польской классификации «разведывательного танка» ТК-3 или ТК. С 1931 по 1934 г. было выпущено, по разным источникам, от 265 до 282 единиц. Развитием ТК стал «легкий быстроходный танк обр. 1933 г.» или TKS. С 1934 по 1936 г. завод PZInz выпустил от 263 до 281 единицы. Кроме базовых моделей на базе TKS были созданы опытная САУ TKS-D (4 единицы) и бронированный артиллерийский тягач C2P (произведено 196 единиц), который был самым массовым тягачом в польской армии и не имел полноценного аналога в Красной армии. В 1935 г. началось производство польской версии *Vickers Mk E* под названием легкий танк 7ТР (сокращение от *siedmiotonowy, polski*, то есть «7-тонный польский») сначала в двухбашенном, а после 1937 г. в однобашенном варианте. В 1939 г. разрабатывался улучшенный вариант 7ТР под маркой 9ТР. Было выпущено от 135 до 149 танков 7ТР и 151 бронированный тягач C7P на его базе. Кроме танков и танкеток на вооружении армии Польши находилось большое количество бронеавтомобилей. Бронеавтомобиль *Samochód pancerny wz. 29*, выпущен в количестве 20 единиц, а *Samochód pancerny wz. 34* — 11 единиц. Также в строю числились 4 единицы *Samochód pancerny wz. 28*²¹.

Бронетанковые войска Польши развивались подобно бронетанковым войскам других аграрно-индустриальных стран того времени, не уступая другим по инженерной мысли, а по некоторым направлениям и превосходя. Схожие с европейской частью СССР география и климат, слабое развитие дорожной сети диктовали схожие конструкторские решения. Особенности военного планирования и предполагаемого театра военных действий позволяли польскому Генеральному штабу надеяться на успешный исход войны с СССР, ведь структура и вооружение бронетанковых войск Польши соответствовали Красной армии. Бронетанковые силы Войска Польского состояли из 10 танковых батальонов (самоходных дивизионов), 2 бронедивизионов, 2 дивизионов бронепоездов²². После изменения весной 1939 г. международной ситуации и вероятного противника попытки исправить ситуацию, даже путем покупки иностранной техники, не увенчались каким-либо результатом. Танковые войска, оснащенные в значительной степени устаревшими

моделями стали одним из слабых мест Войска Польского в ходе военной кампании сентября 1939 г.

Артиллерия сухопутных войск Войска Польского выглядела столь же разнопланово, как и танковые войска. По сведениям открытых советских источников кануна Второй мировой войны, артиллерия Войска Польского состояла из 11 артиллерийских групп, 31 полка, 2 дивизионов легкой артиллерии, 10 полков тяжелой артиллерии, 1 полка сверхмощной артиллерии, 14 дивизионов конной артиллерии, 1 полка мотоартиллерии, 1 полка и 8 дивизионов зенитной артиллерии²³. Как отмечают современные российские исследователи, к 1939 г. в Польше находилось достаточно много образцов артиллерийских орудий разных систем разных годов выпуска. Один из наиболее массовых (около 2100 единиц), 81-мм миномет был представлен образцами собственной разработки и иностранными приобретениями. Для борьбы с бронетехникой противника у шведской фирмы *Bofors* была куплена лицензия на производство 37-мм противотанковой пушки. На своих заводах поляки смогли выпустить около 900 орудий и 300 штук было куплено в Швеции. Франция также поучаствовала в формировании польских артиллерийских частей, экспортировав не менее 1374 единиц 75-мм орудий французской фирмы *Schneider*. Также на вооружении поляков состояли 466 единицы 75-мм полевых пушки обр. 1902/26 г., представлявших перестроенное русское орудие образца 1902 г. Но особое внимание польское командование уделяло осадной артиллерии большой мощности. Гаубичная артиллерия была представлена 900 единицами 100-мм легкой гаубицей фирмы *Škoda*, 341 стволами 155-мм гаубиц фирмы *Schneider*, а также 27 мортир калибром 220-мм производства предприятия *Škoda*, из которых были сформированы три артдивизиона по 9 орудий в каждом. Надо отметить, что количество 220-мм мортир в Польше было больше чем в Чехословакии, где их было всего 18. Однако такие калибры этого наступательного оружия показались польским генералам недостаточными, и в 1938 г. они планировали приобрести у компании *Bofors* еще и 310-мм мортиры. Государственный бюджет спасли лишь неудовлетворительные испытания орудий. Увлечшись противокрепостной артиллерией и, видимо, рассчитывая на штурмы вражеских крепостей, польское военное командование неоправданно мало уделяло внимания зенитным системам. Польская зенитная артиллерия состояла из 306 единиц 40-мм зенитных автоматов *Bofors*, выпуск которых был налажен на местных заводах, 12 стволов 75-мм самоходных зениток образца 1914 г. французского производства и 52 штук 75-мм зенитных орудия собственного образца²⁴. В целом артиллерия (всех видов) армии Польши развивалась в концепции Первой мировой войны и, несмотря на ряд удачных

образцов, не соответствовала современным требованиям. Справедливости ради, отметим, что невнимание к противовоздушной обороне не было исключительно польской проблемой. Подобные проблемы в 1935—1940 гг. демонстрировали армии и более развитых стран. Для большинства же восточноевропейских государств наличие даже сопоставимого с польским артиллерийского парка было несбыточной мечтой.

Еще парадоксальнее выглядели польские *военно-воздушные силы*. По данным открытых советских источников кануна Второй мировой войны, польские ВВС в составе 2000 машин (в том числе — резерв) были сведены в 2 группы воздухоплавания, 6 авиаполков, 2 батальонов воздушных шаров²⁵. Уже цитировавшийся нами польский генерал дивизии М. Норвид-Нойгебауэр писал впоследствии: «Хотя Польша имела в общей сложности около 1500 самолетов, только 377 из них были военными. Польские военно-воздушные силы, которые в мирное время были организованы в шесть полков, находились в процессе расширения в 1939 г. Польские авиастроительные заводы достигли удовлетворительной стадии технического развития, и в них готовились кадры польских авиастроителей, инженеров и квалифицированных рабочих. В рамках крайне малого бюджета они достигли полной самодостаточности. Действительно, они могли конкурировать со старыми и опытными иностранными фирмами и даже обеспечили себе ряд заказов за рубежом, что послужило хорошим предзнаменованием для их дальнейшего развития»²⁶.

Польша была страной, которая не только разрабатывала, производила, но и довольно успешно продавала свои самолеты. С начала 30-х гг. поляки вполне оправданно гордились своим авиапромом. В 1930 г. на международном авиасалоне в Ле-Бурже истребитель Р.6 от компании «Государственные авиационные заводы» (PZL) был признан одним из лучших. Следующая модель Р.7 была окружена завесой секретности. Это был высотный скоростной, на то время, цельнометаллический истребитель. Дальнейшая модификация Р.7, модель Р.11с, стала самым массовым истребителем польских ВВС (общий выпуск для польской армии 255 машин, на экспорт было выпущено 335 самолетов и 80 изготовили по лицензии в Румынии). Но к середине 30-х гг. эти истребители устарели морально и технически, уступая и советским И-16 и немецким *Messerschmitt* Bf.109. Польское руководство понимало своё отставание в этой области и стремилось его преодолеть. Было разработано несколько опытных образцов истребителей, но лучший из них, PZL-50 *Jastrząb* («Ястреб») «встал на крыло» лишь в августе 1939 г. Предчувствуя дыхание приближавшейся войны, командование польских ВВС, не дожидаясь окончания полного цикла испытаний, в июне 1939 г. заказало партию из 30 самолетов, но было уже поздно. Из них

к 1 сентября 1939 г. в разной степени готовности были лишь 5 машин. При таком положении естественным было обратиться к союзникам за военной помощью, что и было сделано. Было заключено соглашение о кредите и поставке из Франции 160 истребителей *Morane-Saulnier* MS. 406. Великобритания была скромнее, выделив 11 одноместных истребителей *Hawker Hurricane* и один *Supermarine Spitfire*²⁷. Но попасть в Польшу до её разгрома Германией эта авиатехника не успела.

Бомбардировочная авиация в ВВС Польши была представлена более совершенными моделями, чем истребительная, но в крайне малом количестве. Основным самолетом здесь был PZL. 23 *Karaś* («Карась»). Машина соответствовала требованиям начала 1930-х гг., представляя собой одномоторный ближний бомбардировщик. В армии Польши было 210 машин этого типа, 54 купила Болгария. Вторым по количеству в польских ВВС был бомбардировщик PZL P. 7. Он соответствовал всем требованиям конца 30-х гг. и мог конкурировать с немецкими, французскими и английскими машинами. Но из 130 заказанных этих машин на «Государственных авиационных заводах» успели сделать только 36, которые приняли активное участие в боях. Разведывательная авиация польских ВВС состояла из 273 самолетов *Lublin R. XIII* и 69 машин RWD-14 *Czapla* («Цапля»). Их тактико-технические характеристики в целом соответствовали советским Р-5 и По-2, но уступали немецким *Fieseler Fi. 156C* и *Henschel Hs. 126B-1*²⁸.

Уровень подготовки польских летчиков оценивался англичанами и французами достаточно высоко. Но немецкие генералы придерживались противоположного мнения: «1-й воздушный флот господствует над зоной боевых действий. В большой степени вражеская авиация остается незаметной», — писал Альберт Кессельринг о боевых действиях люфтваффе в ходе Польской кампании²⁹. С этим мнением можно было бы согласиться, если бы не дальнейшие успехи бывших пилотов *Sily Powietrzne* (ВВС), которых они добились, воюя на английских или советских самолетах в 1940—1945 гг.

В целом ВВС Польши были одними из лучших в странах Восточной Европы межвоенного периода по части боевой подготовки, но создание современных и сопоставимых с германскими и советскими военно-воздушными силами стало для Польской Республики непосильной задачей. В её решении даже прибегали к попыткам внутреннего заимствования у населения. Но, несмотря на активное участие поляков в этих кампаниях, они не исправили ситуацию.

Военно-морской флот Польши так же, как и сухопутные войска, испытывал серьезное влияние со стороны Франции и Великобритании. ВМФ Польши состояли из одного дивизиона эсминцев, основными типами

кораблей которых были *Wicher* и *Grom* («Гром»). К первому типу относились корабли *Burza* («Буря») и *Wicher*, построенные на французской верфи *Chantiers Naval Français* в Бланвилле по типу эсминцев *Bourrasque* («Буря»). Ко второму же типу относятся эсминцы *Błyskawica* («Молния») и *Grom* английской постройки, которые были одними из лучших европейских кораблей этого класса перед войной. Основные классы надводным кораблей были представлены четырьмя единицами: минный заградитель *Gryf* («Гриф»), транспортный и учебный корабль *Wilia*, учебный парусник *Iskra* («Искра»), гидрографический корабль *Pomorzanin* («Помор»), учебный бронепалубный крейсер *Bałtyk* («Балтика») и учебно-артиллерийской корабль *Mazur* («Мазур»). Также ВМС Польши имел пять подводных лодок: три типа *Wilk* («Волк») — *Wilk*, *Żbik* («Лесная кошка»), *Ryś* («Рысь») — и два типа *Orzel* («Орел») — *Orzel* и *Sęp* («Сип»). Первые три строились во Франции, в 1927–1932 гг, и были улучшенной копией подводных лодок типа *Saphir* («Сапфир»). Вторые были изготовлены в Голландии в 1938–1939 гг. и были хорошо подготовлены к специфике Балтийского моря. Также в состав ВМФ входили две канонерские лодки типа *General Haller* («Генерал Галлер») — *General Haller* и *Komendant Piłsudski* («Командир Пилсудский»), два монитора типа *Kraków* («Краков») — *Kraków*, *Wilno* («Вильно»), и четыре монитора типа *Warszawa* («Варшава») — *Warszawa*, *Toruń* («Торунь»), *Pinsk* («Пинск»), *Horodyszcze* («Хородыще»). Имелись также корабли специального назначения: 6 тральщиков собственной постройки типа *Jaskółka* («Ласточка») — *Jaskółka*, *Czajka* («Чайка»), *Mewa* («Чайка»), *Rybitwa* («Крачка»), *Czapla* («Цапля»), *Żuraw* («Журавль»)³⁰. Последний играл также роль президентской яхты и учебного корабля, что влияло на его боевую ценность. Пинская военная флотилия на реках Припяти и Пине состояла из 8 речных мониторов, 4 вооруженных пароходов, моторных катеров, гидроглиссеров, гидросамолетов и др.³¹

Качество боевой подготовки и боевой дух польских моряков можно оценить как очень хорошие, что подтверждает ряд прорывов польских военных кораблей в 1939 г. в Англию и боевые действия поляков во Второй мировой войне. Военно-морской флот Второй Речи Посполитой полностью соответствовал оборонительной стратегии страны 1920–1930-х гг., когда основным противником рассматривался Советский Союз, и вполне мог обеспечить оборону побережья до прихода флота союзников. Отсутствие у СССР возможности обеспечить господство в воздухе у польского побережья позволяло даже небольшому по численности ВМФ Польши успешно сдерживать превосходящий по численности Краснознаменный Балтийский флот. С конца 1938 г., когда вероятный союз с Германией сменился конфронтацией, польский флот был вынужден действовать

в совершенно других условиях. Полное господство авиации Германии, превосходство Кригсмарине и отсутствие помощи со стороны британского и французского флотов привели к тому, что польский флот не смог оказать серьезного сопротивления гитлеровской агрессии.

Боевая подготовка Войска Польского в техническом и тактическом отношении оценивалась в Советском Союзе как тщательная, несмотря на указывавшийся ранее разнонациональный состав, чьи представители на себе испытывали политику насильственной ассимиляции и полонизации. Воинские подразделения воспитывались в духе лояльности польским властям, шовинизме и антисоветизме. Воинская дисциплина была основана на жестких мерах по принуждению. По оценкам французской разведки, польские вооруженные силы по состоянию на 30 января 1939 г. могли противопоставить агрессору 50 пехотных дивизий и 11 независимых кавалерийских бригад, в том числе одна моторизованная, 350—400 танков и 600 легких боевых машин, вооруженных пулеметами, а также 500—600 самолетов первой линии. (Ту же цифру по авиации: 550 самолетов в первой линии и до 950 всего — повторит в своей разведсводке 5 мая командование французских ВВС, традиционно завысив количество единиц польской боевой техники на десятки машин.) Профессиональная подготовка и вооружение сухопутных войск оценивались также достаточно хорошо. Количество артиллерии, танков и авиации оценивалось как в неполной мере достаточное. Лишь небольшая тревога проскальзывала в документе в связи с количеством боеприпасов, причиной чему были скромные запасы полезных ископаемых на территории самой Второй Речи Посполитой. Эти оценки, как и сам доклад, были весьма оптимистичны и превосходили реальные числовые данные от нескольких до нескольких десятков процентов. Французский посол Л. Ноэль в телеграмме в Париж, отправленной в начале апреля, настаивал, что хотя личный состав польских ВВС «кажется идеальным», польские боевые самолеты «должны быть полностью обновлены». Ему вторил и французский военный атташе, недвусмысленно заявлявший о необходимости более существенных иностранных военных кредитов Варшаве для модернизации оборудования военно-промышленного комплекса, а вместе с ним — обновления вооруженных сил. Эти доклады, дошедшие до председателя Совета министров Э. Даладье и начальника Штаба национальной обороны генерала М. Гамелена, способствовали выделению Польше очередного военного кредита (в объеме 430 млн франков), которые поляки получили лишь 18 августа.

Куда менее интересующимися развитием военной промышленности и вооруженных сил Польши выглядели представители туманного Альбиона. И тому были свои причины. Если французская разведка без

особых проволочек получала материалы по Польше из ее Генштаба на вполне официальных основаниях, то в феврале 1937 г. аналогичная просьба британского военного атташе осталась неудовлетворенной. Ситуация стала исправляться лишь после того, как 31 марта 1939 г. британский премьер-министр Н. Чемберлен в Палате общин гарантировал суверенитет Польши и несколькими днями позже согласовал с польским министром иностранных дел Ю. Беком детали будущего военного союза, подписанного 25 августа. В марте—апреле 1939 г. на берегах Темзы изучали доклады о военном потенциале Польши бывшего посла в Варшаве Х. Кеннарда и военного атташе Э. Р. Суорда. Однако и их общий тон не оставлял места для объективности и, тем более — критики. «Польская армия, — сказал подполковник Суорд, — имеет хороших командиров и хорошо обучена, мощная и очень прочная», но у нее отсутствуют тяжелая и зенитная артиллерия, а также бронетехника и механические транспортные средства и авиация. Эти недостатки могут серьезно ограничивать маневренность и боевые возможности Войска Польского, чей состав британец оценил еще более великодушно, чем его французские коллеги: 54 пехотные дивизии, 1 дивизия и 12 бригад кавалерии, 12 танковых батальонов и 500 самолетов первой линии. Польша, отмечал Суорд, потенциально способна мобилизовать даже 2,2 млн солдат, но нехватка оружия и обмундирования означает, что значительная часть из них будет находиться в резерве или же займется партизанской борьбой. Несмотря на усилия по развитию образования, уровень умственного развития среднего призывника остается относительно низким, и значительная часть последних является представителями национальных меньшинств.

Неоправданный оптимизм — уже в отношении польских ВВС — испытывал и британский военно-воздушный атташе полковник Дж. Л. Вачелл. По его словам, польские военно-воздушные силы постоянно развиваются, и «их организация, подготовка и оснащение заслуживают самой высокой похвалы, учитывая ограничения, вызванные отсутствием финансирования». Это было тем более странно, учитывая, что при рассмотрении тактико-технических характеристик польских самолетов Вачелл называл бомбардировщик PZL. 37 Łoś («Лось») единственным современным польским самолетом и характеризовал другие машины как морально устаревшие, подчеркивая превосходство немецких самолетов в скорости. Подобно французским наблюдателям, Вачелл считал, что положение может измениться, если Польша получит соответствующий финансовый транс из-за рубежа, ведь ВПК страны способен на качественный рывок: «Ключевым фактором здесь является время <...> финансовые ограничения исчезнут, <...> польские военно-воздушные силы, хотя по-прежнему определено слабее по численности, чем немецкие, и в некоторой

степени уступающие в качественном отношении, могут сыграть гораздо большую роль, чем можно предположить сейчас».

23 мая 1939 г. состоялись польско-британские межведомственные переговоры, в отчете о которых британцы наконец-то смогли сформулировать объективную оценку действующей армии и резерва Войска Польского. В обширном отчете по итогам переговоров говорилось, что польские мобилизационные возможности до сих пор были значительно преувеличены, и нехватка амуниции означает, что 600 тысяч резервистов не смогут быть предоставлены фронту. Поэтому фактически польская армия будет состоять из 40 пехотных дивизий, 11 кавалерийских бригад и одной бронетанковой бригады. Польская авиация, отмечалось в документе, испытывает недостаток в истребителях (они составляют только 30 % ее силы), и в целом они имеют весьма низкое качество. Польская оборонная промышленность, конечно, впечатляет, но лишена больших запасов сырья, квалифицированной рабочей силы и капитала и в то же время чувствительна к последствиям воздушных бомбардировок, которые поляки, похоже, игнорируют, питая «неоправданную веру в точность своих зенитных орудий». С другой стороны, подтвердилась информация, что польские военно-воздушные силы предназначены почти исключительно для действий, проводимых в тесной связи с операциями сухопутных сил. Как полагали британцы, польские летчики смогут атаковать даже топливные склады в Штеттине и даже военноморскую базу в Кенигсберге. Авторы отчета также писали о тенденции поляков недооценивать мощь вермахта. Однако этот документ «утонул» в излишне радужных докладах военных атташе³².

Наиболее ярким документом, в котором представлена советская оценка военного потенциала и устремлений Второй Речи Посполитой, является записка начальника Генштаба РККА командарма 1-го ранга Б. М. Шапошникова наркому обороны СССР маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову. Приводимые в документе данные по количеству бронетехники и самолетов, как можно судить из предыдущего, преувеличены, но цифра по авиации примерно совпадает (с учетом изготовленной на экспорт техники). Шапошников дал также объективную оценку и оружию вероятного противника: «Вооружение, количественно вполне достаточное, состояло в основном из устаревших образцов времен Первой мировой войны. Моторизация еще только начинала развиваться. Танковые войска имели всего 9 рот легких танков и 29 рот легких бронеавтомобилей. В шести смешанных авиационных полках насчитывалось максимум 1 тыс. самолетов, из которых не более 400 машин отвечали современным требованиям. Не лучше обстояло дело с зенитной артиллерией, в которой ощущался большой недостаток»³³.

Несмотря на нарастание претензий со стороны нацистской Германии с конца 1938 г., начало боевых действий 1 сентября 1939 г. стало полной стратегической внезапностью, спутав все карты *польского военного планирования*. После победы в Советско-польской войне 1919–1921 гг. Варшава ожидала, что в будущем военном конфликте боевые действия будут происходить как на востоке, так, возможно, и на западе. Каждый из вариантов был отражен в стратегических планах — соответственно *Wschód* («Восток») и *Zachód* («Запад»). Данные документы не сохранились, и мы можем делать предположения о содержании только на основании отрывочных сведений о них в других документах и воспоминаниях или по косвенным материалам (например, по дислокации воинских подразделений). «Россия воспользуется первой же возможностью, чтобы вторгнуться в Польшу и остаться в ней. Красная армия уже является грозным оружием и постоянно укрепляется... То, чего хочет Россия, это однозначно исчезновение польского государства, красные оставили нам разве что название “Польша” и наш язык, но с духовной точки зрения мы оказались бы полностью уничтожены», — говорил в 1934 г. начальник 2-го (разведывательного) отдела польского Генштаба полковник Т. Пелчинский. При этом гитлеровская Германия рассматривалась как союзник в совместном военном походе против СССР: «Господин Бек не скрывает, что Польша по-прежнему претендует на Советскую Украину и на выход к Чёрному морю. Полагая, что этого можно добиться совместно с Рейхом и даже с Румынией, а остальные вопросы решать на основе компромисса», — резюмировал итог своих переговоров 26 января 1939 г. с главой польской дипломатии Беком имперский министр иностранных дел И. фон Риббентроп.

План «Восток» предусматривал следующее развитие событий. Основной планой была подвижная оборона и расчленение советских сил на северную и южную группировку, используя Полесские болота как природную преграду, которая вынудит нападавших разделить свои силы. Польская армия должна была сдерживать одновременно наступление на севере (направление Барановичи — Белосток) и на юге (направления Ровно — Люблин и Тарнополь — Львов). В это время оборонный район в Полесье нужно было удерживать любой ценой с целью недопущения объединения агрессора и прикрытия района концентрации польских войск возле Бреста, откуда последние должны были ударить как на север, так и на юг. Предусматривалось, что Красная армия понесёт большие потери при штурме пограничных укреплений, затем завязнет в боях с основными польскими силами, после чего удары запасных армий, резерва Верхов-

ного Главного Командования и союзников позволят полякам добиться победы над, очевидно, недооцененной Красной армией.

Военно-стратегический план «Восток» оказывал влияние и на дипломатию Варшавы после прихода Гитлера к власти в Германии. По мнению современных российских исследователей, 27 июля 1933 г. между Ю. Пилсудским и А. Гитлером было заключено «джентльменское соглашение», которое обязывало обе стороны не примыкать к Восточному пакту без взаимных консультаций и заключить оборонительный союз между собой и с участием Токио против СССР и Франции, если последние начнут военное сотрудничество³⁴. Таким образом Вторая Речь Посполитая фактически шла на военный союз с Третьим рейхом против одного из своих спонсоров (выше уже было сказано о значении французских танков для становления Второй Речи Посполитой), если Париж начнет реализацию советского плана «коллективной безопасности», Варшава выступала на стороне Берлина. Точнее сказать — на стороне оси «Берлин — Токио». Ведь еще «8 июля 1934 г. в Польшу с трехдневным визитом прибыл брат японского императора принц Кайо, доставивший маршалу Пилсудскому личное послание бывшего военного министра С. Араки, который сообщил, что нападение на СССР можно осуществить в любой момент, используя в качестве вероятного повода КВЖД. Араки далее сообщал, «что японцы медлят начинать войну, только по причине состояния японской авиации. Для ее усиления Японии нужно подождать с войной до марта — апреля 1935 года. Но если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации»³⁵.

В решающие недели Чехословацкого кризиса 1938 г. Варшава действиями своих вооруженных сил пыталась предупредить оказание помощи Праге со стороны СССР. Самым крупным и значимым в военном плане мероприятием Польской Республики в 1938 г. были «Большие маневры на Волини», проведенные с 14 по 19 сентября. В них приняли участие 3, 13, 21, 27 и 30-я пехотные дивизии, 10-я бригада кавалерии, 5-я учебная кавалерийская дивизия (в составе Подольской и Кресовой кавалерийских бригад) и 2-я бригада легких бомбардировщиков. Также принимали участие танковые подразделения и войска Корпуса охраны пограничья. Сценарий учений предусматривал отражение атаки «красных» (намеки считывались уже здесь) и последующее контрнаступление «синих» с разгромом противника. Также отрабатывалось взаимодействие танковых войск с кавалерией и пехотой.

Эти учения проходили в те дни, когда 15 сентября 1938 г. Н. Чемберлен прибыл на встречу с А. Гитлером, а 19 сентября 1938 г. президент Э. Бенеш запросил правительство СССР относительно его позиции в случае военного конфликта. В ответном послании в Пражский град Кремль подтвердил верность договору 1935 г. и подтвердил готовность его выполнить. Теперь требовалось добиться от Варшавы и/или Бухареста разрешения на проход Красной армии через их территорию, но обе страны отказали. 19 сентября 1938 г. после окончания маневров министр иностранных дел Польши Юзеф Бек направил послу Польши в Германии Юзефу Липскому письмо, в котором рекомендовал придерживаться курса на сближение с Германией. 23 сентября 1938 г. Москва предъявила Польше ультиматум, угрожая расторгнуть взаимный договор о ненападении 1932 г. при участии Варшавы в разделе Чехословакии. Дальнейшие события вокруг Чехословацкой Республики и участие в них Польши хорошо известны. Как видно, формально не вступившая в «Антикоминтерновский пакт» Вторая Речь Посполитая фактически до 1939 г. проводила согласованную внешнюю и военную политику с Берлином, рассчитывая таким образом решить свои территориальные притязания на востоке³⁶. О них откровенно заявлял начальник 2-го (разведывательного) отдела Главного штаба Войска Польского в своем декабрьском докладе 1938 г.: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России»³⁷.

Однако совершенно неожиданно для Варшавы оказалось, что ей нет места среди выгодополучателей будущего разгрома СССР. Следующей жертвой гитлеровской агрессии оказалась сама Польша, что стало для её руководства «холодным душем».

Еще в мае 1923 г. французский маршал Фердинанд Фош, прибывший в Варшаву, предложил Пилсудскому в качестве варианта совместных действий против Германии французское наступление на Берлин. Если учесть, что как раз на эти годы приходился Рурский конфликт, связанный с франко-бельгийской оккупацией важнейшего сырьевого и промышленного района Германии, эта угроза могла иметь для молодой германской демократии катастрофические последствия. Однако эти планы так и остались «в воздухе». Возможные действия против Советского Союза в 1920-е гг. ограничивались обороной. Но этот план, оставшийся на уровне устных договоренностей, к середине 1939 г. не имел четких разработанных инструкций и скоординированных военных планов Варшавы

и Парижа. После девятилетнего охлаждения в отношениях двух держав, связанного с руководством Пилсудского, совместное военное планирование началось лишь на рубеже 1935—1936 гг. с критической оценки стратегического положения Польши, которое в этот период постоянно ухудшалось в связи с расширением Третьего рейха. Предварительные наброски были представлены маршалу Эдварду Рыдз-Смиглы 22 марта 1939 г. Основой плана «Запад» были следующие положения: принятие битвы с Германией на всей протяженности границы, затем организация сопротивления на очередных рубежах обороны в глубине страны, вплоть до вступления в боевые действия западных союзников, что ожидалось на третью неделю войны. Но сколько именно и какие потери польской армии и территории при этом допускается, сегодня можно только гадать. Отметим, что генерал дивизии Т. Кутшеба считал, что союзники Польши смогут полноценно ступить в войну через 6—8 недель. Такие же оценки содержатся в воспоминаниях ряда польских дипломатов. Поэтому 2-недельный срок, на который опирался Рыдз-Смиглы в инструкциях Генеральному штабу, выглядит несколько странно.

Оба польских оборонительных плана выглядят достаточно схематичными, лишенными четких деталей и конкретных действий. Но если план «Восток», с учетом контактов руководства Польши и Германии, их достаточно тесного сотрудничества до начала 1939 г. выглядит осуществимым, то план «Запад» выглядит чистой импровизацией, и в связи с отказом Варшавы от сотрудничества с СССР полностью утопичным.

* * *

Вооруженные силы Польской Республики представляли серьезную силу в Восточной Европе, и советское военное командование справедливо оценивало их как потенциальную (хотя и несамостоятельную, во всех своих военных действиях вынужденную искать военной опоры у своих союзников) угрозу. Польское военное планирование, носившее весьма схематичный характер, ориентировалось на поддержку Лондона и Парижа в случае, если придется обороняться, и на поддержку Румынии и Германии, если придется вести наступательные действия. Причиной подобной несамостоятельности следует назвать в первую очередь слабую природно-сырьевую базу, а во вторую — просчеты в определении потенциальных противников и характера боевых действий в будущей войне, которые вели к соответствующему распределению государственного бюджета страны, почти на треть состоявшего из военных расходов, и несмотря на это, германская военная разведка констатировала: «С населением в 33 миллиона человек Польша не считается крупной державой с военно-экономической точки зрения. Это[т ее статус]

зависит от помощи [иностранных держав]. Военная слабость Польши заключается в пограничной близости ее тяжелой промышленной зоны [в] Верхней Силезии, в которой расположена значительная часть ее пер-вокласных производств... потеря Верхней Силезии будет означать крах Польши в сфере вооружений. Без Восточной Верхней Силезии Польша не сможет вести долгую материальную войну в течение длительного времени, даже если ее обширные районы дадут ей возможность прокормить население и пополнить свои войска [призывниками и резервистами]. Поставка военной техники из-за рубежа [возможна только] через два морских порта Гдыня и Гданьск»³⁸. Поэтому планы Парижа и Лондона «отсидеться» в обороне и экономической блокаде Германии в случае ее агрессии против Польши³⁹ изначально были обречены на провал.

Нерациональные траты на осадную артиллерию сверхкрупных калибров и создание нового военно-промышленного района в центре страны во второй половине 1930-х гг. «съедали» значительную часть польского военного бюджета, поэтому создание новых, актуальных видов оружия финансировалось в значительной степени за счет займов. Активное участие в них польского населения говорило об успехе внутренней милитаристской пропаганды и о том, что сподвижники Пилсудского, расставленные на ключевые позиции в политической, общественной и экономической жизни, успешно справлялись со своей ролью «духовных скреп нации». Впрочем их однозначная политика по радикальному решению национального вопроса, а также невнимание к актуальным концепциям военной мысли пагубно отразилось на армии — ключевом инструменте обороны и нациестроительства в духе ассимиляции всех национальных диаспор и постоянной боевой готовности (несмотря на очевидную разность в военных потенциалах) против СССР.

Формировавшееся кадровыми офицерами австро-венгерской армии и ветеранами Первой мировой войны Войско Польское при ближайшем рассмотрении представляло собой весьма неоднородную (как количественно, так и качественно) субстанцию. С одной стороны, у нее были весьма хорошо развиты кавалерия и осадная артиллерия (сосредоточенная в восточных крессах) — очевидный хорошо выученный урок из Первой мировой и советско-польской войн. С другой же стороны виды и рода войск (танки и авиация), отвечавшие современным концепциям моторизованной и молниеносной войны, финансировались по остаточному принципу, за счет внутренних и внешних займов, и были представлены (в значительной степени) устаревшими моделями французских танков и авиации. Военно-морской флот ориентировался на кратковременную оборону до момента подхода союзников. Но всем этим расчетам, равно как реваншистским настроениям, не суждено было сбыться.

Руководство Второй Речи Посполитой, взявшее односторонний антисоветский и русофобский курс, оказалось преданным всеми своими союзниками, и юридическими, и мнимыми. Среди других проблем, которые привели к скоротечному и трагическому для польской государственности финалу в сентябре 1939 г., отметим ошибки в планировании в развитии отдельных отраслей военной промышленности и родов войск, отсутствие детально проработанных военных планов на случай действий против внешней агрессии. Девятилетняя диктатура Пилсудского была ознаменована абсолютизацией его военного опыта и настойчивым нежеланием приобщаться к современным военно-теоретическим разработкам.

Анализируя развитие военной промышленности межвоенной Польши, некоторые послевоенные авторы утверждают, что именно иностранные инвестиции тормозили унификацию разных видов оружия и, как следствие, развитие огневой мощи Войска Польского⁴⁰. Мы, однако, полагаем, что главным тормозом в развитии вооруженных сил страны были не иностранные разработчики патентов на военные разработки, но заказчики этих патентов, которые не могли правильно определить необходимые, а затем и получить технологии в необходимом объеме. Ведь эти расходы на покупку патентов и обслуживание иностранных военных кредитов были порой настолько высоки, что возникал вопрос о рентабельности производства и существовании отдельных предприятий ВПК.

Как следствие малопрофессионального высшего военно-политического руководства, военная доктрина Второй Речи Посполитой была разработана лишь частично, взаимодействие на оперативно-стратегическом и стратегическом уровнях командования Войска Польского (и тем более — с французским союзником) не было отработано, и в условиях молниеносной войны польским командующим приходилось импровизировать на ходу, не имея связи с Верховным командованием, а последнее, в свою очередь, было лишено целостной картины, а военная промышленность в 1939 г. не смогла обеспечить Войско Польское актуальными средствами борьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. М.: АСТ, 2004. С. 302; ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 8. Л. 4.

² Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand — Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 8. Л. 5–7; Малая советская энциклопедия. М.: ОГИЗ, 1939. Т. 8. С. 457.

³ Там же.

⁴ Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand — Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 8. Л. 4, 7. См.: *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией 1939—1944. М.: Наука, 1971. С. 14.

⁵ *Grabowski T.* Z dziejów kształtowania się gospodarki obronnej w Polsce w latach międzywojennych // *Wojskowy Przegląd Historyczny*. 1962. № 2. S. 124—128; *Czajor J.* Wpływ doktryny wojennej na rozwój technicznych rodzajów wojsk i struktury przemysłu wojennego w Polsce // *Materiały z VI konferencji poświęconej rozwojowi polskiej sztuki wojennej*, Warszawa, 1967. S. 101—107, 118—120; *Малая советская энциклопедия*. Т. 8. С. 456; *Ciałowicz J.* Polsko-Francuski sojusz wojskowy 1921—1939. Warszawa: PWN, 1970. S. 125;

⁶ Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand — Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 8. Л. 7—9. См.: *Малая советская энциклопедия*. Т. 8. С. 457.

⁷ См.: *Morgala A.* Samoloty wojskowi w Polsce 1924—1939. Warszawa, 2014. S. 21—37; *Шишов А. А.* Польский флот. М., 2002. С. 14—17.

⁸ *Морозов С. В.* К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Германии против СССР (1933—1935 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 6 (44). С. 70—76.

⁹ Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand — Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 8. Л. 9—10.

¹⁰ Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand — Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 8. Л. 5, 7—8; *Малая советская энциклопедия* Т. 8. С. 457.

¹¹ См.: *Encyklopedia Wojskowa*. Т. VI. Warszawa, 1937. S. 641; *Lechnicki T.* Z doświadczeń oficera w polu. Warszawa, 1921. S. 178—181; *Szymkiewicz Cz.* O wspólny język w naszych regulaminach. Warszawa, 1929. S. 547;

¹² *Chocianowicz W.* 50-lecie powstania Wyższej Szkoły Wojennej. L., 1969. S. 104, 138, 208—209; *Ciałowicz J.* Sojusz polsko-francuski 1921—1939. Warszawa, 1971. S. 144, 109, 229—230; *Kozłowski E.* Wojsko Polskie 1936—1939. Próba modernizacji i rozbudowy. Warszawa, 1964. S. 154—155.

¹³ *Iwanowski W.* Kampania wrześniowa. Warszawa, 1961. S. 65.

¹⁴ См.: *Тарас Д. А.* Операция «Weiss». Разгром Польши в сентябре 1939. URL: <http://www.katyn-books.ru/library/operaciya-weiss-razgrom-polshi-v-sentyabre-1939-g.html>; дата обращения 30.11.2019; *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. М., 2001. С. 153; *Rozdżestwiński P. M.* Polskie wojska piechoty 1939 — Organizacja i uzbrojenie broni. Warszawa, 2012. S. 3—47.

¹⁵ См.: *Малая советская энциклопедия*. Т. 8. С. 456.

¹⁶ *Norwid-Neugebauer M.* The Defence of Poland, September 1939. L., 1942. P. 2.

¹⁷ Составлено нами на основании: *Тарас Д. А.* Указ. соч.; *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 155.

¹⁸ *Усовский А. В.* Проданная Польша: Истоки сентябрьской катастрофы. Минск, 2014. С. 74—95.

¹⁹ Без учета соответствующих боеприпасов, Париж передал Варшаве 1552 пушки, 8600 станковых и 3800 ручных пулеметов, 750 тысяч винтовок, 291 самолет, 250 автомо-

билей, 800 прицепов, 24 000 лошадей, 4000 конных повозок (*Czajor J. Rozwój przemysłu o przeznaczeniu wojskowym w pierwszych latach Polski międzywojennej* // *Najnowsze Dzieje Polski. Materiały i Studia z okresu 1914–1939*. Т. XIX. Warszawa, 1969. С. 147), что существенно повысило не только огневую мощь, но и мобильность польских войск, которые с первых дней существования Второй Речи Посполитой провели шесть войн.

²⁰ См.: *Барятинский М. Б.* Бронетанковая техника стран Европы 1939–1945 гг. // *Бронеколлекция*. 1999. № 5 (26). С. 1–4.

²¹ *Szubanski R. Polska bron pancerna 1939*. Warsaw, 1989. S. 213.

²² См.: *Малая советская энциклопедия*. Т. 8. С. 456.

²³ Там же. С. 456.

²⁴ См.: *Тарас Д. А.* Указ. соч.; *Мельтюхов М. И.* Указ соч. С. 153–157.

²⁵ *Малая советская энциклопедия*. Т. 8. С. 456.

²⁶ *Norwid-Neugebauer M.* Op. cit. P. 7.

²⁷ См.: *Morgala A.* Op. cit. Pp. 21–370; *Усовский А. В.* Указ. соч. С. 74–95.

²⁸ См.: *Morgala A.* Op. cit. Pp. 21–370; *Мерников А. Г.* Вооруженные силы СССР и Германии, 1939–1945. Минск, 2011. С. 30–302.

²⁹ *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933–1947. М., 2014. С. 17.

³⁰ *Шишов А. А.* Польский флот. СПб., 2001. С. 14–176.

³¹ *Малая советская энциклопедия*. Т. 8. С. 456.

³² *Mazur W.* Armia II RP w opinii sojuszników // *Polityka*. 19.09.2011.

³³ См.: 1941 год: В 2 кн. / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 1998. Кн. 2. С. 557–571.

³⁴ *Морозов С. В.* К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Японии против СССР (1931–1935) // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 11 (53). С. 75.

³⁵ Там же. С. 104–107

³⁶ Эти устремления польского правительства достаточно трезво оценивались Генштабом РККА. Так, в упомянутой в записке Б. М. Шапошникова наркому обороны К. Е. Ворошилову от 24 марта 1938 г. представлены предложения по стратегическому развертыванию РККА в случае совместной германо-польской агрессии против СССР. См.: 1941 год... Кн. 2. С. 557–571.

³⁷ Цит. по: *Назаров О. Г.* О роли Польши в развязывании Второй мировой войны // *Информационные войны*. 2015. № 1 (33). С. 71.

³⁸ Übersicht über die wehrwirtschaftliche Lage von Russland / UdSSR (Stand — Juni 1937). ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 8. Л. 13.

³⁹ См.: *Мельтюхов М. И.* Англо-франко-польская коалиция против Германии в 1939 г. // *Антигитлеровская коалиция-1938: Формула провала*. М., 2019. С. 145.

⁴⁰ *Grabowski T.* Z dziejów kształtowania się gospodarki obronnej w Polsce w latach międzywojennych // *Wojskowy Przegląd Historyczny*. 1962. № 2. S. 143.

**«ПРОМЕТЕИЗМ»
КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ОСНОВАНИЕ
«ВОСТОЧНОЙ
ПОЛИТИКИ» ПОЛЬШИ**

ДОКТРИНА «ПРОМЕТЕИЗМА» В ПОЛИТИКЕ ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Федор Сеницын

В XIV в. Польша присоединила к себе юго-западные земли Руси, а в XVII в., объединившись с Великим княжеством Литовским, уже в качестве Речи Посполитой получила в свой состав и другие русские земли вплоть до Смоленска. С XVI в. Россия начала отвоевывать у Речи Посполитой то, что считала своим по праву¹. К концу XVIII в., в том числе в результате трех разделов Речи Посполитой, исконно древнерусские земли, ранее присоединенные к себе Польшей, а также Литва, вошли в состав России. Собственно этнические польские земли были поделены между Австрией и Пруссией, и в 1795 г. Польша перестала существовать как независимое государство. В 1815 г., по результатам войны с наполеоновской Францией, в состав России вошла восточная часть Польши с Варшавой, которая получила в рамках Российской империи автономный статус (в 1863 г., после Польского восстания, эта автономия фактически была упразднена).

На рубеже XIX–XX вв. в польских интеллектуальных кругах стали распространяться идеи возрождения Речи Посполитой в формате «от Балтийского моря до Черного» (*od morza do morza*)². Такие идеи, в том числе приняли форму «федерализма». В 1893 г. на съезде польских социалистов в Париже был выдвинут проект создания добровольного федеративного союза народов во главе с Польшей. Россию польские национальные деятели считали главным врагом своей нации и поэтому поставили целью, во-первых, отодвинуть границы России как можно дальше на восток и, во-вторых, максимально ослабить ее путем поддержки стремлений других народов, особенно живущих между этнически польскими и русскими территориями (украинцы, белорусы,

литовцы и др.), тем самым создав «буфер» между Польшей и Россией³. Как отмечает польский историк С. Грегорович, польский патриотизм приобрел антирусский характер, а в польском сознании родилось чувство превосходства, а порой и презрения к России⁴.

Кроме того, на формирование таких идей оказал влияние «польский мессианиззм». Первый его аспект был связан с самоощущением Польши как форпоста западного христианства и всей западной цивилизации на востоке, которому постоянно угрожает опасность со стороны России⁵. Сторонники этой концепции, которую можно назвать Ягеллонской⁶, считали, что поляки традиционно выполняли «цивилизаторскую функцию» на территориях Украины и Белоруссии, а польский контроль над этими территориями якобы являлся шагом вперед для населяющих их народов и знаменовал собой присоединение их к европейской цивилизации. Польша, в свою очередь, мыслилась как своеобразная региональная сверхдержава⁷. Вторым аспектом «мессианизма» был порожден реакцией на ликвидацию польской государственности, происшедшей в конце XVIII в. Сторонники идеи мессианской роли Польши считали, что поляки, сами пережившие катастрофу своего государства, должны оказывать поддержку всем угнетенным и борющимся за свое национальное освобождение народам под лозунгом «За нашу и вашу свободу»⁸.

В 1918 г. была восстановлена независимость Польши, после чего она в 1919–1920 гг. присоединила к себе Западную Белоруссию, Западную Украину и часть литовских земель, включая древнюю столицу Литвы Вильнюс (Вильно). Фактически в весьма урезанном варианте была воссоздана Речь Посполитая (Польская Республика 1918–1939 гг. именовалась Второй Речью Посполитой). Однако руководству Польши этих приобретений показалось мало, и оно стало разрабатывать планы по дальнейшей экспансии на территорию СССР.

В рамках реализации таких планов лидер Польши Ю. Пилсудский разработал доктрину «прометеизма»⁹, которая заключалась в ослаблении и последующем расчленении СССР путем поддержки националистических движений «нерусских» народов¹⁰. (Таким образом, «прометеизм» фактически стал воплощением Ягеллонской концепции польского мессианизма¹¹.)

Согласно этой доктрине, территория России подлежала сокращению до размеров оной в XVI в.¹², а из вновь созданных «нерусских» стран (Украина, Белоруссия, крымское и казачье государства, Союз кавказских государств, а также Финляндия и страны Прибалтики) должна была быть создана федерация во главе с Польшей. «Прометеисты» считали выполнение этой задачи реальным — так, польский публицист В. Бончковский сравнивал Россию с апельсином, который можно разделить на части, сняв с нее оболочку «царизма», силой объединяющего разные части страны¹³.

Для практической реализации доктрины «прометеизма» польское руководство сделало ставку на сотрудничество с силами антисоветской эмиграции. В 1926 г. польские спецслужбы создали организацию «Прометей» («Лига угнетенных Россией народов Азербайджана, Дона, Карелии, Грузии, Идель-Урала, Ингрии, Крыма, Коми, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана и Украины») со штаб-квартирой в Париже¹⁴. Деятельность «Прометея» состояла в ведении пропаганды, подготовке молодежных кадров, выплате стипендий антисоветским деятелям, организации службы офицеров-контрактников из числа эмигрантов в Польской армии, агентурной деятельности на территории СССР. Основные структуры и органы организации включали в себя клуб «Прометей» в Варшаве, агентство деловой информации «Офино» и печатный орган — ежемесячник *Prométhè* («Прометей»), издававшийся на французском языке¹⁵. (В качестве примера пропаганды, которая велась «Прометеем», можно привести одну из его публикаций, которая гласила, что в СССР якобы развернулось «сопротивление организаций и местных учреждений в нерусских районах против центральной власти»¹⁶, чего на самом деле не было.) Кроме того, в 1927 г. при финансовой поддержке польской разведки в Стамбуле началось издание журнала *Yeni Türkistan* («Новый Туркестан»), в 1928 г. — журнала *Yaş Türkistan* («Молодой Туркестан»)¹⁷.

Российская политолог Д. А. Звягина сделала вывод, что «конец политики прометеизма» пришел после подписания в 1932 г. польско-советского пакта о ненападении, ведь с этого времени Польша приняла новую внешнеполитическую концепцию — «политику равноудаленности», балансирования между СССР и Германией¹⁸. Однако, очевидно, это не так. Организация «Прометей» продолжала свою работу. Кроме того, с 1934 г. польский Генштаб начал активное сотрудничество с вновь созданной эмигрантской «Кавказской конфедерацией» (в нее вошли национальные центры эмигрантов из Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа)¹⁹. Реализация доктрины «прометеизма» сошла на нет только в конце 1930-х гг.

Иногда «прометеизм» объединяют с польской внешнеполитической доктриной, получившей название Междуморье²⁰. Однако, хотя у них есть некоторые общие основы, все-таки это два разных проекта. После Первой мировой войны Пилсудский выдвинул внешнеполитический проект Междуморье (*Międzymorze*), предложив объединение в своеобразную конфедерацию (разумеется, под эгидой Польши) стран, расположенных между Балтийским, Черным, Адриатическим²¹ и даже Эгейским морями. Этот блок рассматривался как противовес Малой Антанте — союзу Чехословакии с Югославией и Румынией, которого не без оснований опасались поляки²². Источником таких идей было пред-

ставление польских интеллектуалов о «ключевом положении» Польши и ее «превосходстве» над другими странами региона²³.

Польский историк М. Корнат дает несколько спорные оценки доктрины Междуморья. Он считает, что она имела оборонительный характер, который должен был гарантировать безопасность Польши (прежде всего — от Германии), ввиду того, что политическая система, созданная в Европе после Первой мировой войны, распадалась, а международное положение Польши ухудшалось²⁴. Однако попытки воплощения в жизнь проекта Междуморье начались еще в 1920-х гг., когда Германия была относительно слаба. Корнат также пишет о том, что эта доктрина непосредственно не задевала интересы СССР и не сказалась принципиально отрицательно на польско-советских отношениях. Однако Корнат сам же отмечает, что в Москве Междуморье воспринималось с большим недоверием, т. к. там подозревали, что его успех возможен лишь на развалинах Чехословакии, которая была союзником СССР²⁵. Таким образом, эта доктрина напрямую затрагивала интересы Советского Союза.

Нельзя согласиться и с утверждением, встречающимся в исторических трудах, что после подписания в 1925 г. соглашений в Локарно²⁶ наступил «конец заинтересованности Польши в проблематике “Интермарум”»²⁷ (то есть Междуморья). Очевидно, это было не так. В 1934 г. известный нацистский деятель А. Розенберг отмечал «желание Польши: коридор к Черному морю, граница с Венгрией. Варшава собирает всех лимитрофов от Финляндии до Турции, Пилсудский только и ждет того, чтобы лягнуть Россию»²⁸. В конце 1930-х гг., в условиях относительной и недолговременной стабилизации положения Польши, министр иностранных дел этой страны Ю. Бек предпринимал попытки реализовать доктрину Междуморья. В частности, на 1938 г. — последний предвоенный год — пришелся пик активности польской политики в Скандинавии²⁹. В этот период польские власти мыслили, что блок Междуморье должен был стать «Третьей Европой», находящейся и вне гитлеровского Антикоминтерновского пакта, и вне сферы влияния Великобритании, Франции и СССР. Ядро Междуморья должны были составить Польша, Венгрия и Румыния³⁰.

Однако воплощение этого проекта постигла неудача. Во-первых, ошибкой польских политиков была их неприязнь к Чехословакии. Пилсудский и Бек недооценили стабилизирующую роль этой страны в расстановке политических сил в Центральной Европе. Они не сознавали, что падение Чехословакии приведет к гегемонии Третьего рейха во всей Юго-Восточной Европе (как в итоге и получилось. — Ф. С.). Во-вторых, Междуморье не поддержали Великобритания и Франция. Кроме того, польских политиков постигла неудача в сближении со странами Прибалтики и Скандинавии³¹.

Польские историки справедливо отмечают и изначальную нереалистичность проекта Междуморье³², и ложные амбиции Польши, которая в 1930-х гг. стала только лишь объектом, а не субъектом международной политической игры³³. Однако неудаче и Междуморья, и концепции «прометеизма» способствовали не только ложные внешнеполитические амбиции Польши, но и реалии ее внутренней политики.

Во Второй Речи Посполитой этнические меньшинства составляли до 35 % населения (украинцы, евреи, белорусы и др.). Статьи 109 и 110 польской Конституции 1921 г. гарантировали всем гражданам страны право на сохранение своей национальной идентичности, самоуправление, исповедание своей религии, национальные школы и пр. Однако, несмотря на это, польское правительство осуществляло в Западной Украине и Западной Белоруссии систему национального гнета. Власти Польши проявляли недоверие к представителям этнических меньшинств³⁴.

В Галиции в 1924 г. был введен в действие «Закон С. Грабского» (*Lex Grabski*), согласно которому украинские школы были преобразованы в двуязычные (на деле — польскоязычные). Целью этого шага была ассимиляция украинцев в следующем поколении³⁵. Так, если в 1919 г. на Западной Украине было 3600 украинских школ, то к 1934/35 г. — осталось 457, к 1939 г. — 200³⁶. Такая политика привела к отчуждению украинской молодежи от польских властей³⁷. В Западной Белоруссии ситуация была еще хуже — к 1934/35 учебному году там осталось 16 белорусских школ, а к 1937/38 г. — ни одной³⁸.

После переворота 1926 г., когда к власти в Польше вновь пришел Пилсудский, национальная политика была несколько изменена — теперь ее целью стала не «национальная», а «государственная ассимиляция» (то есть создание в Польше единой политической нации). Тем не менее национальные меньшинства были по-прежнему оттеснены от участия в политической жизни. Их представители никогда не были ни министрами в Польском правительстве, ни региональными или местными администраторами. Поляки практически не воспринимали национальные устремления этнических меньшинств всерьез и не пытались предложить им привлекательные альтернативы националистическим и коммунистическим идеям³⁹. Характерно, что в 1930-х гг. еще более снизилось представительство украинцев в высших законодательных органах Польши⁴⁰.

На белорусские и украинские земли заселялись польские колонисты — «осадники», которые были наделены полицейскими полномочиями⁴¹. Особенно сильная колонизация шла на Волыни, где поляки-колонисты получили от властей большие привилегии. В этом регионе возросла межэтническая напряженность⁴², которая в годы Второй мировой войны вылилась в кровавый украинско-польский конфликт (Волынская резня).

Польские власти боролись с проявлениями недовольства среди украинского и белорусского населения. Так, после того, как в ноябре 1922 г. большинство украинского населения уклонилось от выборов в сейм и сенат, польские власти провели в Галиции массовые превентивные аресты (было арестовано несколько тысяч человек)⁴³.

В 1930 г. на Западной Украине была проведена военно-полицейская карательная акция («пацификация»), поводом для которой стала кампания саботажа, организованная Организацией украинских националистов (ОУН)⁴⁴. Осенью 1930 г. в Галиции было выявлено около 2200 актов саботажа. Кроме того, оуновцы организовали атаки на государственные объекты и местное польское население. В ответ по приказу Пилсудского в период с 16 сентября по 30 ноября 1930 г. была проведена репрессивная акция, в ходе которой было арестовано 1739 человек, из них 1143 человек — осуждены. Были разгромлены украинские национальные организации и учреждения. Эта акция противоречила закону⁴⁵. «Пацификация» проводилась в том числе в местностях, где не было антипольских акций. В ходе нее применялась коллективная ответственность, налагались контрибуции, применялись пытки. В «пацификации» принимали участие члены польских националистических организаций (например, военизированной организации Стрелецкий союз — *Związek Strzelecki*). В январе 1931 г. новый сейм Польши одобрил ход и итоги «пацификации»⁴⁶.

Однако в реальности итоги этой акции были пагубными для самой Польши. Результатом ее стало отчуждение украинского населения, которое окончательно поняло, что Польша «является им чуждой, враждебной силой»⁴⁷. «Пацификация» толкнула часть западных украинцев в сторону крайнего национализма и шовинизма, которые были основой идеологии ОУН⁴⁸.

В новой Конституции Польши, принятой в 1935 г., было указано, что «ни происхождение, ни вероисповедание, ни пол, ни национальность не могут быть причиной ограничения... прав» граждан, однако о гарантиях прав этнических меньшинств уже не говорилось. Возможно, это в том числе развязало руки польским властям в плане преследования Православной церкви. В середине 1930-х гг. они осуществили акции по «ревиндикации», то есть по переводу в католичество украинского населения Волыни (православных и сектантов). Смена вероисповедания при этом отождествлялась со «сменой» украинской национальности на польскую. В 1937 г. в Волынском воеводстве из православия в католичество перешли 1189 человек, в 1938 г. — 6630 человек. Широкие масштабы «ревиндикация» приняла также на Холмщине. В 1938 г. там было ликвидировано 127 православных объектов (церкви, часовни и др.)⁴⁹.

Польское правительство фактически взяло курс на выселение еврейского населения из страны. В 1937 г. была отправлена комиссия на

Мадагаскар с целью определить возможность переселения туда евреев из Польши. Несмотря на то что реальные возможности для приема иммигрантов на Мадагаскаре оказались очень невелики, и, кроме того, против иммиграции выступало местное население, польский министр иностранных дел Бек пытался заручиться согласием на этот проект со стороны Франции, колонией которой в то время являлся Мадагаскар⁵⁰. (В итоге, как известно, этот план реализован не был.)

Сложным во Второй Речи Посполитой было положение литовского населения. Еще во второй половине XIX в. лидеры литовского национального движения в основном негативно относились к союзу с поляками, считая, что ранее такой союз привел к постепенной денационализации литовцев⁵¹. Характерно, что и в XX в. польские политики продолжали рассматривать литовцев как часть польской политической нации⁵². В 1919 г. польская делегация на мирной конференции в Париже настаивала на том, чтобы литовские земли вошли в состав Польши «как отдельный край»⁵³. Вильнюс, оккупированный Польшей в 1920 г., в межвоенный период практически был полонизирован. В город переселялись поляки, была запрещена литовская культурная жизнь, велась повседневная пропаганда о «второразрядности» литовцев⁵⁴.

В целом, как писал польский историк А. Айненкель, Польша «не могла соответствовать постулатам, надеждам, желаниям своих жителей, включая украинцев»⁵⁵ и представителей других этнических меньшинств.

Взаимодействие Второй Речи Посполитой с соседними странами также оставляло желать лучшего. Тяжелыми были отношения с Литвой. После того как в 1920 г. Польша захватила Вильнюс, литовцы были вынуждены перенести свою столицу в Каунас. Однако Польша стала претендовать уже и на этот город с прилегающим районом, а также на Мемель (Клайпеду). После того как в 1923 г. на международном уровне была утверждена передача Польше Виленского края, Литва это решение не признала и прекратила все дипломатические и экономические связи со Второй Речью Посполитой⁵⁶. (СССР так же признавал Вильнюс литовской территорией.) Только в 1938 г. после польского ультиматума, выдвинутого из-за инцидента на границе, между Литвой и Польшей были установлены дипотношения⁵⁷.

Таким образом, Вторая Речь Посполитая проявила неспособность наладить отношения со своим ближайшим соседом, решить вильнюсскую проблему и начать конструктивный диалог и сотрудничество (равно как не смогла это сделать и Литва)⁵⁸. С формальной точки зрения виленский вопрос был разрешен с помощью СССР. Как известно, в сентябре 1939 г. советские войска заняли Вильнюс, а 10 октября того же года этот город и прилегающая область были переданы Литовской Республике⁵⁹.

Про негативное отношение польских властей к Чехословакии уже было сказано. В довершение в 1938 г. Польша вместе с Германией и Венгрией приняла участие в разделе этой страны, забрав себе область под названием Заользье. Польский историк М. Волос справедливо указывает на то, что этому предшествовал затяжной польско-чехословацкий спор вокруг этого региона, и что Польша стремилась защитить права польского населения Заользья⁶⁰, которое могло достаться Германии. Однако в любом случае участие Польши в разделе Чехословакии еще раз показывает недальновидное отношение руководства Второй Речи Посполитой к своему ближайшему соседу, который мог бы стать потенциальным союзником Польши в противодействии Третьему рейху.

Как раз появление в 1933 г. на политической арене Европы и всего мира нацистской Германии стало еще одной причиной упадка польских проектов — «прометеизма» и Междуморья. Вначале польские идеологи «прометеизма» считали, что, находясь между двумя врагами (Германией и СССР), Польша сможет избавиться от одного врага руками другого — а именно избавиться от СССР руками Германии. Было налажено определенное польско-германское сотрудничество против СССР в пропагандистской сфере — так, по согласованию с польской разведкой Германия финансировала издание ежемесячника *La Georgie* («Грузия»)⁶¹. Мало того, в начале 1935 г. информированные международные наблюдатели были уверены в том, что Гитлер и Пилсудский совместно готовят войну против Советского Союза⁶².

Однако в итоге Третий рейх сыграл в свою игру, разрушив польские планы. Так, польская политика по реализации проекта Междуморья встретила с активным противодействием со стороны германской дипломатии, а неудача в сближении со странами Прибалтики и Скандинавии постигла Польшу в том числе из-за германского влияния в этих регионах⁶³. В итоге Германия в 1938–1941 гг. сама подчинила страны Междуморья, либо оккупировав их (Польша, Чехословакия, Югославия, Греция), либо получив их к себе в союзники и сателлиты (Венгрия, Румыния, Болгария).

Реализация доктрины «прометеизма» так же была перехвачена у Польши нацистской Германией. Уже с 1933 г. Третий рейх стал проявлять интерес к украинской эмиграции. В Мюнхене был организован «Национальный украинский комитет», в который вошли представители ОУН и сторонники гетмана П. П. Скоропадского, проживавшие в Германии. Расширились контакты германской разведки с грузинской эмиграцией. В итоге практически все лидеры антисоветской эмиграции перешли на службу к нацистской Германии, в результате чего в 1938 г. произошел фактический развал созданной поляками организации «Прометей»⁶⁴.

В декабре 1938 г. в оккупированной Праге под контролем германских властей было создано «Украинское ведомство», которое возглавил эмигрант Н. Сушко. По причине того, что Подкарпатская Русь, входившая в состав Чехословакии, получила автономию, во Внешнеполитическом управлении НСДАП решили использовать этот факт для игры на Украинском вопросе⁶⁵, создав в Закарпатье плацдарм для влияния на украинские области Польши и СССР. Эти планы отпали после того, как в марте 1939 г. Закарпатье было аннексировано Венгрией, и автономия этого региона была упразднена⁶⁶.

Польша, как известно, сама стала целью германской агрессии. В 1939 г. нацистское руководство вынашивало планы создания из восточных областей Польши (Западной Украины и Западной Белоруссии) зависимых от Германии государств, которые стали бы плацдармом для нападения на СССР⁶⁷. После начала Германо-польской войны нацистская агентура на Западной Украине развила активную деятельность по подготовке провозглашения «независимого государства», которое должно было состояться при подходе германских войск. Начальник германской военной разведки (Абвер) В. Канарис получил приказ поднять с помощью ОУН восстание в населенных украинцами районах Польши, «провоцируя восставших на уничтожение евреев и поляков». Этот приказ был отменен лишь после вступления на Западную Украину Красной армии⁶⁸. В итоге нацистские планы захвата Западной Украины и Западной Белоруссии были нарушены вхождением этих регионов в состав СССР в сентябре 1939 г.

Тем не менее после присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР власти Третьего рейха продолжали развивать сотрудничество с украинскими националистами. Германский консул в венгерском Закарпатье открыто содействовал деятельности «мельниковского крыла» украинских националистов (ОУН-М). Хотя в сентябре 1940 г. гестапо отмечало наличие «радикальной антигерманской направленности» у украинских националистов, находившихся в Генерал-губернаторстве⁶⁹, в том числе у С. Бандеры, к началу 1941 г. были налажены отношения между германскими властями и бандеровского крыла ОУН (ОУН-Б), которое получило от Третьего рейха финансирование⁷⁰. В феврале 1941 г. представители Абвера провели переговоры с референтом разведки и связи ОУН-Б Р. Ярым, в результате которых было достигнуто соглашение о военном обучении членов ОУН. Из 800 оуновцев в составе Абвера были созданы диверсионные подразделения «Нахтигаль» и «Роланд»⁷¹, которые в июне 1941 г. приняли участие в германском вторжении в СССР.

Хотя количество вооруженных выступлений ОУН на территории СССР в 1939 г. — начале 1941 г. было относительно небольшим, перед

началом войны, благодаря германской помощи, оуновцы существенно активизировались. В апреле 1941 г. они совершили 47 терактов, в мае 1941 г. — 58 терактов. На 1 мая 1941 г. в СССР было выявлено наличие 22 бандгрупп (105 чел.), на 1 июня 1941 г. — 61 бандгруппы (307 чел.), на 15 июня 1941 г. — 74 бандгрупп (346 чел.). Под влияние ОУН попали некоторые представители западноукраинской молодежи, призванные в Красную армию, которые дезертировали из РККА и пытались перейти через границу на германскую сторону⁷².

В рамках реализации своих устремлений в лимитрофной зоне Германия также расширила сотрудничество с белорусскими эмигрантами. В сентябре 1939 г. были организованы «Белорусское представительство в Германии», «Белорусский комитет самопомощи» и «Белорусский клуб». После захвата Польши Третьим рейхом, с 1940 г. в Варшаве начал работу «Белорусский комитет в Генерал-губернаторстве», а в округах Генерал-губернаторства — «Белорусские отделы». В Варшаве, Кракове, Бялой-Подляске и других городах были открыты белорусские молодежные лагеря, школы и курсы⁷³.

Характерно, что план по переселению евреев на Мадагаскар тоже перехватила нацистская Германия — в 1938 г. он обсуждался самим нацистским руководством и выносился на переговоры на международном уровне (фигурировали аналогичные планы также относительно бывшей Германской Восточной Африки, Эфиопии, Гвианы)⁷⁴.

В период Великой Отечественной войны пропаганда, которую вели власти Третьего рейха на оккупированной территории СССР, была фактически основана на идеях «прометеизма». Одним из главных ее тезисов было «освобождение» народов СССР от российского владычества. Особенно ярко это проявилось в первый период войны, когда население оккупированной территории еще не осознало истинных целей германских оккупантов.

На Украине велась массированная пропаганда, направленная на разжигание русофобии⁷⁵. Рейхскомиссар Украины Э. Кох вынашивал идею о переводе украинской письменности на латиницу⁷⁶, что разорвало бы связь украинцев не только с русским народом (а также со многими другими славянскими народами), но и с общерусским историко-культурным наследием.

Политика нацистов в отношении белорусского народа также имела своей основной задачей разжечь русофобию и ликвидировать у белорусов общерусское самосознание. С этой целью пропагандировалась некая «белорутенская» идентичность белорусов. Германская пропаганда стремилась доказать белорусам, что русские — их враги (равно, как поляки и евреи), и что «белорутены» не имеют отношения к общерусскому единству. Преподавание истории в школах оккупированной Белоруссии было нацелено на демонстрацию «отсутствия единой тен-

денции в развитии Белоруссии и России». Германские власти запретили в Белоруссии употребление русского языка, а также пытались перевести белорусский язык на латиницу. Белорусам внушали, что они — арийцы, «славянские немцы», что название «Русь» якобы происходит от старонемецкого слова «ротсман» («гребец», «морской человек»), а «Белая Русь» — это «свободная Русь, независимая, не поработенная татарами»⁷⁷ (в отличие от другой, «Московской» Руси).

В Прибалтике германские власти строили свою пропаганду на разжигании русофобии. История Литвы, Латвии и Эстонии изображалась как непрерывная «борьба» с русскими, которые якобы «закабалляли прибалтов» и «разлагали» их культуру. Германская пропаганда в русофобском духе муссировала вопрос о депортациях из Прибалтики, осуществленных в середине июня 1941 г., — в частности, нацисты утверждали, что власти СССР планировали депортировать всех эстонцев, «а русских поселить в Эстонии, и только начало войны помешало этому». Одновременно нацистская пропаганда пыталась внушить, что «немцы во все века помогали прибалтам избежать русского рабства»⁷⁸.

Польское население оккупированной территории СССР нацистская пропаганда настраивала в русофобском духе⁷⁹. Аналогичная пропаганда велась в период оккупации и в других национальных регионах СССР (Крым, Северный Кавказ).

Разумеется, истинные цели нацистской Германии не были направлены на «освобождение» народов СССР. Пропаганда такого «освобождения» служила одним из основных средств обеспечения экономической эксплуатации, а также безопасности тыла вермахта и германской гражданской администрации. Она была построена на манипулировании национальными чувствами народов СССР с целью направить реализацию этих чувств на службу Третьему рейху, снизить политизацию национального фактора и разобщить народы оккупированной территории Советского Союза.

Как известно, реальные планы нацистской Германии в отношении захваченной территории СССР состояли в ее аннексии, колонизации и постепенном вытеснении местного населения (путем ассимиляции наиболее подходящей по «расовым» характеристикам части, максимального сокращения рождаемости, депортации или уничтожения остальных). Первыми на очереди стояли Прибалтика, Галиция и Крым с прилегающими районами юга Украины⁸⁰. Отдельные группы населения — евреи, цыгане и другие люди, признанные нацистами «расово неполноценными» или «опасными» для их режима, — подлежали немедленной «изоляции» (помещение в гетто и концлагеря) и уничтожению.

Таким образом, цель польского «прометейского» проекта, осуществившегося в 1920-е и 1930-е гг., состояла в развале СССР путем разжига-

ния русофобских настроений и сепаратизма среди «нерусских» народов. Одновременно Вторая Речь Посполитая осуществляла внешнеполитический проект Междуморье, направленный на объединение вокруг Польши уже существовавших на то время независимых государств (от Балтики до Балкан). Оба эти проекта были замешаны на восприятии польскими политиками своей страны как важного геополитического игрока, способного объединить вокруг себя другие страны и народы.

Однако Вторая Речь Посполитая не смогла реализовать эти проекты по ряду причин. Во-первых, плохое отношение к собственным этническим меньшинствам подрывало авторитет Польши как государства, способного объединить вокруг себя другие нации. Можно сделать вывод, что Вторая Речь Посполитая — это неудавшийся имперский проект.

Во-вторых, Польшу постигли неудачи во внешней политике. Она проявила неспособность ужиться с соседними странами, а также питала ложные внешнеполитические амбиции. Руководство Второй Речи Посполитой не понимало истинное место Польши в 1930-х гг. как объекта, а не субъекта мировой политики.

В-третьих, противодействие польским планам с 1933 г. стала оказывать нацистская Германия, которая в итоге и перехватила у Второй Речи Посполитой «прометейский» проект, и сама реализовала подчинение Междуморья.

Нацистская Германия применяла «прометеизм» на оккупированной территории СССР в качестве чисто пропагандистской фикции, направленной на манипулирование сознанием народов Советского Союза с целью дальнейшего полного подчинения и колонизации этих территорий, депортации и уничтожения населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия была законной и единственной наследницей Древнерусского государства — из всех русских земель только северо-восточная часть Руси во главе с Москвой к этому времени была независимой, и династия Рюриковичей осталась у власти только в Москве.

² Гольцов А. Г. Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации // Сравнительная политика. 2017. Т. 7. № 4. С. 97.

³ Пызель П. Отношения Польши с балтийскими странами в 1918–1939 годах // Восточная Европа: феномен Балтии: Мат-лы IV междунар. науч. конф. СПб., 2004. С. 186–187.

⁴ Грегорович С. Место и роль СССР в политике Польши в 30-е годы // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сб. ст. М., 2004. С. 40.

⁵ Чернова А. В. «Восточная политика» Польши: от концепции «УЛБ» до «Восточного партнерства» // Вестник МГИМО(У). 2013. № 6. С. 16.

⁶ По названию династии Ягеллонов, возникшей в 1386 г. в результате брака между великим князем литовским Ягайло и польской королевной Ядвигой.

⁷ Бовдунов А. Восточный вектор внешней политики Польши: геополитическая традиция и современность // Россия XXI. 2012. № 2. С. 58.

⁸ Симонова Т. М. Концепция «прометеизма» и политика Польши в отношении эмиграции из России (1920–1930) // Проблемы истории Русского Зарубежья: мат-лы и иссл. М., 2005. С. 266.

⁹ Названа по имени древнегреческого мифологического титана Прометея, которому предписывалось создание людей и/или похищение у богов огня, который Прометей передал людям.

¹⁰ Бовдунов А. Указ. соч. С. 59–60.

¹¹ Чернова А. В. Указ. соч. С. 16.

¹² Есть мнение, что, согласно планам «прометеистов», России предстояло и вовсе «откатиться» за Урал. — См.: Морозов С. В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Германии против СССР (1933–1935 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 70.

¹³ Симонова Т. М. Концепция «прометеизма» и политика Польши в отношении эмиграции из России (1920–1930) // Проблемы истории Русского Зарубежья: мат-лы и иссл. М., 2005. С. 267, 288.

¹⁴ Бовдунов А. Указ. соч. С. 60.

¹⁵ Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометеиское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М., 2007. С. 332, 334–335, 337, 349, 351, 354.

¹⁶ РГВА. Ф. 501. Оп. 1. Д. 497. Л. 5.

¹⁷ Симонова Т. М. Концепция «прометеизма»... С. 278–279.

¹⁸ Звягина Д. А. Политика Польши в Восточной Европе: возрождение концепции междуморья? // Россия и мир: Вестник Дипломатической академии МИД России. 2018. № 1. С. 80.

¹⁹ Симонова Т. М. Концепция «прометеизма»... С. 285.

²⁰ См., напр.: Звягина Д. А. Польско-украинские отношения: детерминанты прошлого, перспективы будущего // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2016. № 3. С. 136–147; Чернова А. В. Указ. соч. С. 16.

²¹ Гольцов А. Г. Указ. соч. С. 97.

²² Бабенко О. В. Политическая мысль межвоенной Польши. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2011. № 2. С. 141.

²³ Офицеров-Бельский Д. В. Эволюция внешней политики Польши в системе европейских отношений, 1925–1935 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004. С. 11.

²⁴ Корнат М. Польская концепция «Междуморья» в 1937–1938 гг.: политический миф и историческая реальность // Мюнхенское соглашение 1938 года: История и современность: Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2009. С. 78–79.

²⁵ Корнат М. Указ. соч. С. 78.

²⁶ В рамках этих соглашений были гарантированы западные границы Германии, но вопрос о восточных границах, фактически, остался открытым, хотя Германия официально отказалась от военного решения споров с Польшей и Чехословакией.

- ²⁷ *Бабенко О. В.* Указ. соч. С. 141.
- ²⁸ Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. М., 2015. С. 37.
- ²⁹ *Офицеров-Бельский Д. В.* Указ. соч. С. 21–22.
- ³⁰ *Корнат М.* Указ. соч. С. 61–62.
- ³¹ Там же. С. 63, 72, 80–81.
- ³² Там же. С. 79.
- ³³ *Матерски В.* Польско-советские отношения (1932–1939). Узловые проблемы // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х гг. XX столетия: Сб. ст. М., 2004. С. 105.
- ³⁴ *Snyder T.* The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven — London, 2003. P. 144.
- ³⁵ Ibid. P. 144.
- ³⁶ *Мин Д.* Западная Украина. М., 1939. С. 38–39.
- ³⁷ *Snyder T.* Op. cit. P. 144.
- ³⁸ Западная Белоруссия (Статистический справочник). Минск, 1939. С. 136.
- ³⁹ *Snyder T.* Op. cit. P. 144, 150.
- ⁴⁰ Політичний терор і тероризм в Україні. XIX–XX ст. Київ, 2002. С. 551.
- ⁴¹ *Яковлева Е. В.* Польша против СССР: 1939–1950 гг. М., 2007. С. 22–23, 25.
- ⁴² *Snyder T.* Op. cit. P. 146.
- ⁴³ Політичний терор і тероризм в Україні... С. 549.
- ⁴⁴ *Snyder T.* Op. cit. P. 144.
- ⁴⁵ *Ajnenkiel A.* Druga Rzeczpospolita a Ukraińcy // Od Żółkiewskiego i Kosińskiego do Piłsudskiego i Petlury: Z dziejów stosunków polsko-ukraińskich od XVI do XX wieku. Warszawa, 2000. S. 173–174.
- ⁴⁶ Політичний терор і тероризм в Україні... С. 550–551.
- ⁴⁷ Там же. С. 556.
- ⁴⁸ *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 174.
- ⁴⁹ Політичний терор і тероризм в Україні... С. 552–554.
- ⁵⁰ *Friedman Ph.* Roads to Extinction: Essays on the Holocaust. New York, 1980. P. 44.
- ⁵¹ *Пызель П.* Указ. соч. С. 187.
- ⁵² *Кретинин Г. В., Федоров Г. М.* Исторические и национальные истоки формирования современного польско-литовского конфликта // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 12. С. 50.
- ⁵³ *Пызель П.* Указ. соч. С. 188.
- ⁵⁴ *Кретинин Г. В., Федоров Г. М.* Указ. соч. С. 51.
- ⁵⁵ *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 176.
- ⁵⁶ *Кретинин Г. В., Федоров Г. М.* Указ. соч. С. 50.
- ⁵⁷ *Пызель П.* Указ. соч. С. 192.
- ⁵⁸ *Каспаравичюс А.* Советская дипломатия и литовско-польский конфликт, 1925–1935 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х гг. XX столетия: Сб. ст. М., 2004. С. 136.
- ⁵⁹ *Кретинин Г. В., Федоров Г. М.* Указ. соч. С. 51.

⁶⁰ *Волос М.* Была ли альтернатива? Внешняя политика Польши накануне Второй мировой войны (1938–1939) // Вторая мировая война как проблема национальной памяти: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб., 2010. С. 243.

⁶¹ *Симонова Т. М.* Концепция «прометеизма»... С. 284, 288.

⁶² *Морозов С. В.* Указ. соч. С. 73.

⁶³ *Корнат М.* Указ. соч. С. 72, 81.

⁶⁴ *Симонова Т. М.* Концепция «прометеизма»... С. 282–284, 290.

⁶⁵ *Kuusisto S.* Alfred Rosenberg in der Nationalsozialistischen Aussenpolitik 1933–1939. Helsinki, 1984. S. 155–163.

⁶⁶ Правительство Венгрии в Закарпатье сделало ставку не на украинский, а на русинский (карпаторусский) фактор. — См.: *Казак О. Г.* «Освобождение от чешского ярма»: культурно-национальная политика Венгрии в Закарпатье в 1939–1944 гг. // Русский сборник. Т. XII. М., 2012. С. 328–344.

⁶⁷ *Буханов В. А.* Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах: 1939–1945. (Идейно-политические проблемы). Екатеринбург, 1994. С. 64–65.

⁶⁸ *Розанов Г. Л.* Сталин — Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941 гг. М., 1991. С. 112, 114.

⁶⁹ Административная единица, созданная нацистской Германией на оккупированной территории Польши.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104. Л. 120; Там же. Д. 172. Л. 9; РГВА. Ф. 500к. Оп. 6. Д. 13. Л. 2; Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: Документы. Т. 1. М., 2012. С. 9.

⁷¹ *Табачник Д. В.* Пролог власовщины: Военные и полицейские формирования Третьего рейха, созданные в 1941 г. из украинских националистов // Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне: Власов и власовщина: Материалы межд. круглого стола. М., 2010. С. 92–93.

⁷² ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 5. Л. 11; НКВД—МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): Сб. док. М., 2008. С. 13.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104. Л. 120.

⁷⁴ См.: *Friedman Ph.* Roads to Extinction: Essays on the Holocaust. New York, 1980. P. 45–51.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 17–18, 31, 33.

⁷⁶ *Баринов И.* Направление — Украина: Опыт изучения нацистской оккупационной политики, 1941–1944. М., 2014. С. 194.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 75; Там же. Д. 167. Л. 19–20; Там же. Д. 179. Л. 30; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1067. Л. 248 об; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 190; Там же. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 126. Л. 5, 18–19; РГВА. Ф. 1363к. Оп. 5. Д. 67. Л. 5.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 15; Там же. Д. 172. Л. 8; НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 2. Оп. 15. Д. 2. Л. 15–15об.

⁷⁹ *Głowiński T.* O nowy porządek europejski: Ewolucja hitlerowskiej propagandy politycznej wobec Polaków w Generalnym Gubernatorstwie, 1939–1945. Wrocław, 2000. S. 394.

⁸⁰ Политический дневник Альфреда Розенберга... С. 186, 310–311.

«ПРОМЕТЕИЗМ» В ПОЛЬСКОМ СОЗНАНИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Татьяна Симонова

«Прометеизм» — распространенный термин в современной отечественной и мировой культурологии. Античный миф о Прометее, прикованном к скале в горах Кавказа за своеволие, в современном мире концентрирует в себе антропософские и антропотеистические веяния и псевдопророчества¹. Это понятие сформировано на основе идеи трагедии «Прометей закованный» Эсхила, где титан Прометей — мужественный, сильный, волевой, и непобедимый — готов к самопожертвованию во имя людей. Но у «прометеизма» есть обратная сторона: укравший огонь с Олимпа ради людей титан был наказан Зевсом за своеволие: первая женщина — Пандора открыла ящик с бедствиями и несчастиями, на дне которого осталась лишь надежда.

«Прометеизм» — неотъемлемая часть польского национального самосознания, нацеленного на поддержку освободительных движений народов, проживающих на территории России². Предвозвестниками прометейского движения в польской культуре принято считать князя А. Е. Чарторыйского³. Духовный лидер польской эмиграции после поражения Ноябрьского восстания 1830 г. поднял вопрос о разделении (демонтаже) Российской империи, ввиду ее этнической сложности и многонационального своеобразия. Русский патриотизм князь считал фальшивым⁴, в период восстания он сформулировал лозунг, который стал впоследствии морально-идеологическим обоснованием «прометеизма»: *W imię Boga za Naszą i Waszą Wolność* («Во имя Бога за нашу и вашу свободу»). Под знаменами с этим призывом на польском и русском языках восставшие «врывались в ряды противника»⁵.

Исконно польскую Ягеллонскую идею восстановления Великой Польши в границах великого княжества Литовского в те же годы развивали многие польские интеллектуалы. Так, участник восстания 1830 г. публицист и музыкант М. Мохнацкий в «Истории восстания польского народа» утверждал, что от «отвоевания Литвы и Руси» зависит восстановление Польши, при этом будущее развитие освободительного процесса зависит от политической ориентации Украины (пророссийской или пропольской)⁶.

Развитием польского образа России стали размышления З. Красиньского, классика польской литературы, сына наполеоновского генерала, сенатора и воеводы Королевства Польского. В период Крымской войны в «Мемориале для Наполеона III» он увидел Россию наследницей последних лет погибающей Византии и «собранием элементов, наиболее зловредных, наиболее разрушительных, каковые только есть в истории»; государством слабым и зависимым от ситуации в Киеве, Вильно и Варшаве. Спасение Католической церкви, цивилизации и мира от российской «чумы» он видел лишь в полном «обессилении» проклятой соседки. Польша, как истинное «творение Божие», расположенная «между турками, москалями и германцами», предназначена для того, чтобы держать под контролем первых (в их покушении на христианство), вторых (угрожающих цивилизации) и третьих — в их вражеских намерениях против славян⁷.

Антиимперские взгляды высказывали многие представители значительной по численности польской диаспоры в Российской империи. Так, преподаватель Военно-юридической академии и Николаевской академии Генерального штаба, известный правовед и «король русской адвокатуры» В. Д. Спасович на лекциях законоведения размышлял о невозможности существования огромного тела Российской империи в своей целостности, о неизбежности ее разделения на составные части — будущие независимые государства. Многие поляки-военные — слушатели академии, составили кадровую базу Январского восстания 1863—1864 гг. Однако его разгром показал невозможность восстановления Польши в границах 1772 г., недостаточность самостоятельных усилий поляков для восстановления государства, неготовность европейских держав поддержать их освободительные стремления.

В 1893 г. Польская социалистическая партия (ПСП) своей главной задачей определила борьбу за возрождение Польши в форме независимой республики. Поиски союзников на этом пути привели социалистов Ю. Пилсудского и Т. Филипповича в 1904 г. в Токио. Там они направили правительству Японии Меморандум о «дезинтеграции России» силами польского народа — наиболее сильного из числа угнетенных народов Российской империи в регионе между балтийским и черно-

морско-каспийским бассейнами. Утверждая, что польский народ имеет государственные и революционные традиции, наиболее организованное революционное движение, свободолюбив и «имеет смелость поставить эту политическую цель», Пилсудский видел в расколе России реализацию «культурных стремлений» поляков к самостоятельному существованию и гарантию их независимости.

В полной уверенности, что Россия, лишенная своих завоеваний, ослабнет и перестанет быть небезопасным соседом, он запросил в Генштабе Японии дотации для боевой организации, оружие и поддержку польского вопроса на международной арене. Предложение создать польский легион на территории Японии из поляков-дезертиров царской армии и добровольцев из США⁸ было отклонено, но в 1905 г. боевики ПСП получили 10 тыс. фунтов наличными, несколько тысяч винтовок, амуницию и взрывчатый материал. Япония содействовала созданию на территории Швейцарии военной школы инструкторов для боевиков ПСП. После выхода интернационального крыла и группы «Пролетариат» из состава партии (1906) революционная фракция во главе с Пилсудским встала на путь вооруженной борьбы за независимость. Меморандум Пилсудского историк Польши считает одним из важных этапов формирования идеи «прометеизма».

В те же годы на другом континенте земного шара президент Т. Рузвельт в четвертом послании к Конгрессу (1902) определил, что в западном полушарии роль международного арбитра («полицейской державы») может выполнять только США («поправка Рузвельта к доктрине Монро»⁹). Спустя два года географ Х. Маккиндер представил Лондонскому географическому обществу доклад «Географическая ось истории» (*Geographical pivot of history*), в котором сообщил об обнаружении хартленда (*Heart-land*, от *heart* — сердце, *land* — страна): центральной части Евразии (большая часть России и Центральная Азия), вокруг которой расположены две дуги: внутренняя (Европа — Аравия — Индокитай) и внешняя (Америка — Африка — Океания). По его определению, государство, которое получит контроль над хартлендом, будет господствовать не только в Европе, но и в мире¹⁰. Эта мысль получила развитие в его же статье «Человеческая сила как мера национальной и имперской мощи» (1905)¹¹.

В годы Первой мировой войны пришла в движение идея национального самоопределения, уходящая корнями в традиции эпохи Просвещения и первой французской Конституции. Ее адептами, начиная с 1914 г., выступали и большевики. 6 апреля 1917 г. США вступили в Первую мировую войну и вывели союзников России — англичан и французов — в победители, став первой мировой державой. Идеи Монро и Маккиндера стали путеводными звездами в формировании американской мечты

о завоевании и расчленении России (хартленда). Летом 1917 г. в Петрограде приступила к работе американская миссия, представлявшая интересы двух тысяч американских фирм, нацеленных на переработку природных ресурсов России. Американский посол в России Д. Френсис в начале ноября 1917 г. добился передачи Транссиба и Николаевской железной дороги под контроль американских фирм; 23 декабря Англия и Франция подписали конвенцию о разделе сфер влияния в России¹².

На идею народа (нации), как субъекта власти, имеющего право на самоопределение, опирался американский президент в работе над проектом мирного договора («14 пунктов В. Вильсона»). В 13 пункте он обозначил необходимость создания независимого Польского государства со свободным и надежным доступом к морю, но в границах с неоспоримо польским населением. Уже в декабре 1917 г. определилась судьба России в планах союзников, началась «первая холодная война»¹³.

18 февраля 1918 г. Германия возобновила наступление по всему фронту, вынудив советское правительство в Брест-Литовском мирном договоре отказаться от «вмешательства во внутренние дела» оккупированных территорий (Привислинские губернии, Украина, территории с преобладающим белорусским населением, Эстляндская, Курляндская, Лифляндская губернии, великое княжество Финляндское, на Кавказе — Карская и Батумская области)¹⁴.

В октябре 1918 г. была завершена работа над секретными комментариями к «14 пунктам», в основе которых была заложена идея расчленения России на отдельные, самостоятельные регионы, контролируемые США. В восприятии лидеров США Россия перестала существовать, а большевистская Россия, изолированная от «демократических и свободных народов», виделась им нежизнеспособной. Американская политическая элита настояла на самостоятельности Финляндии, Польши, Латвии, Эстонии, Литвы; потребовала отделения Украины, Сибири, Кавказа и других территорий. Так США воплощал в жизнь контроль над хартлендом (бывшей Российской империей), закладывая основы гегемонии над миром¹⁵.

Совет народных комиссаров РСФСР уже в период работы Парижской мирной конференции, 31 декабря 1917 г., признал независимость Финляндии. На территории Прибалтики возникли три государства-лимитрофа (Эстония, Латвия, Литва), также признанные большевиками. 11 ноября 1918 г. независимость провозгласила Польша. В Закавказье и на Северном Кавказе также были объявлены независимые республики¹⁶, но они не были признаны советским правительством.

В европейском регионе французские политики в эти годы сильную и боеспособную Польшу рассматривали как стратегический противовес Германии. Из Франции в молодую Польскую Республику посту-

пало оружие, боеприпасы, снаряжение, прибывали военные советники для создания одной из самых сильных армий в Европе. Польшу вписали в контекст идеи главы французского правительства Ж. Клемансо о «санитарном кордоне» из пограничных с Советской Россией государств-лимитрофов, с помощью которого можно было оградить Европу от «большевизма — заразительной болезни»¹⁷. Кроме того, она была призвана стать основой «санитарного кордона» между «дикими азиатами» и «цивилизованными европейцами», либо основой забора из «колючей проволоки» вокруг России¹⁸.

В глазах союзников Россия утратила важное значение как субъект международной политики; а полпред НКВД СССР в Великобритании М. М. Литвинов в Лондоне в январе 1919 г. заявил, что Советская Россия не имеет захватнических планов и стремится к обеспечению народам Польши, Финляндии или Украины права на самоопределение¹⁹. Такое решение большевиками национального вопроса вполне удовлетворяло требованиям союзников.

В этот период времени Пилсудский развивал концепцию федеративной «Великой Польши», видя в федерации единственный фактор защиты Польского государства от «российской опасности»²⁰. От этой идеи он не отказался до конца 1920 г., хотя в период советско-польской войны она «уступала место классическому военно-политическому союзу пограничных государств»²¹. По утверждению А. Новака, только французы могли оказать поддержку планам Пилсудского в создании сильной Польши; однако, в связи с победами А. В. Колчака, с марта по декабрь 1919 г., французские политики воспринимали восточную польскую политику лишь как дополнительный инструмент в борьбе с большевиками, главной их целью было создание сильной Белой России²².

После подписания Версальского мирного договора (28 июня 1919 г.), в 87-й статье которого было записано, что не обозначенные договором границы Польши «будут установлены впоследствии»²³. Не дожидаясь референдума на Западной Украине, 8 ноября 1918 г. Пилсудский развернул военные действия²⁴. В начале 1919 г. началось польское наступление на Вильно, летом — на территорию белорусских земель; 8 августа 1919 г. польские войска заняли Минск.

Против России военная интервенция была развязана практически сразу после прихода большевиков к власти, по заранее продуманному плану, с целью расчленения ее территории на «зоны влияния» как минимум на четыре части. На этапе подготовки и начала интервенции в Россию союзники преследовали цели военного усиления пограничных республик-лимитрофов. Особое внимание было уделено формированию польских вооруженных сил, как на территории Франции, так и на тер-

ритории Польской Республики, что объяснялось ее ключевым положением в антисоветской геополитической системе «санитарного кордона».

Польские прометеисты включили в орбиту своего внимания все новые государственные образования: прибалтийские страны, Украинскую Народную Республику (20.11.1917—18.03.1921) и республики Закавказья и Северного Кавказа. Их внимание привлекли народности и этнические группы, не имевшие традиций собственной государственности, но высказавшие намерение к независимому существованию: донские, кубанские, терские, калмыцкие, астраханские казаки, крымские татары, татары Идель-Урал (средне-волжские и уральские), «туркестанские народы», а также национальные группы в Карелии и Ингерманландии (современная Ленинградская область). Польша в течение всего межвоенного периода высоко держала знамя «возрождения» народов в регионе Междуморья²⁵.

Первые идеологи «прометеизма», прежде всего — соратник Пилсудского Л. Василевский, обосновывали тезис исключительной роли поляков в процессе развала Российской империи (затем — Советской России). Само географическое положение возрожденной Польши после 123 лет неволи — между двумя историческими и политическими противниками и без выхода к морям (Балтийскому, Черному и Адриатике) — вынуждало польских политиков искать опору в системе политических союзов²⁶. На случай ожидаемых «резких перемен на востоке» разрабатывалась политическая программа²⁷.

К началу 1920-х гг. в результате активных политических действий США и союзников вдоль западной и юго-западной границы Советской России сформировался непрерывный пояс потенциального польского влияния.

Ключом для реализации прометейской программы, наиболее перспективным направлением польская националистическая элита традиционно считала украинское. Польский «украинский» проект на Украине, в отличие от австрийского и германского, предполагал усиление позиции Польши и создание «военного кулака», направленного против Советской России. Эту же цель преследовал политический и военный союз Польши и Украинской Народной Республики (УНР), заключенный 24 апреля 1920 г.

Только общая усталость населения этого региона и самих поляков от войн (Первой мировой, германской оккупации, Советско-польской), оставила вооруженную реализацию этого проекта в форме Советско-польской войны. Мир с Советской Россией был подписан в Риге 18 марта 1921 г.

Не получилось у Пилсудского и с Литовским проектом: Литовская Тариба 12 июля 1920 г., на пике советско-польского военного противостояния, высказалась за союз с Советской Россией против Польши, подпи-

сав мирный договор. Вильно был объявлен литовским городом, литовские части выступили против Польши в защиту Виленщины и Сувальщины, литовские политики А. Сметона и А. Вольдемарас отказались выстраивать федеративные связи с польским соседом. Только в результате военных действий Вильно и Виленский край были отторгнуты поляками. Несмотря на предложение Лиги Наций создать федеративное государство, в феврале 1922 г. они вошли состав Второй Речи Посполитой.

Безуспешной была и прогрузинская политика, основы которой заложил Т. Филиппович, руководитель Специальной миссии на Южном Кавказе. В апреле — мае 1920 г. состоялась предварительная договоренность о военно-политическом сотрудничестве, однако Т. Филиппович был арестован в Баку в период наступления Красной армии; временное польское консульство в Тбилиси просуществовало недолго, обещанные поставки оружия и амуниции осуществить не успели²⁸. После падения Закавказских республик в 1921 г. их руководство выехало в эмиграцию и стало благодатной почвой для развития «прометеизма».

В те же годы Маккиндер, назначенный лордом Дж. Керзоном советником при А. И. Деникине, на юге России исследовал возможность ограничить пространство хартленда, взяв его в кольцо новосозданных государств вокруг России (Польша, Украина, Грузия, Азербайджан и Армения). Он предложил руководству Великобритании оказать им всемерную поддержку; но эти предложения приняты не были²⁹.

В РСФСР в 1921—1922 гг. после обследования ситуации в Закавказье Ф. Э. Дзержинским и Г. К. Орджоникидзе шли жаркие дебаты о форме объединения советского государства. В. И. Ленин и его группа отстаивали программу союза равноправных республик в форме федерации; И. В. Сталину в связи с его теорией автономизации был выставлен ряд претензий. 30 декабря 1922 г. были записаны высказывания Ленина о «чуждости» прежнего государственного аппарата, представляющего из себя «буржуазную и царскую мешанину». «Очень естественно», — подчеркнул Ленин, — что «свобода выхода из союза», «окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ». Вождь мирового пролетариата был убежден, что «ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке»³⁰. Эта дискуссия позволила Ленину на следующий день сформулировать известную формулировку «о национализме нации угнетающей и национализме нации угнетенной, национализме большой нации и национализме нации маленькой». Ленин потребовал «учитывать обязательную разницу

в отношении пролетария нации угнетенной (или малой) к нации угнетающей (или большой)»³¹. В основу будущего Советского Союза был заложен ленинский принцип федерации.

В периодизации польского «прометеизма» польские исследователи выделяют три части: период межвоенной Польши (прометеисты-«романтики»); период эмигрантский (Е. Гедройц — Ю. Мерошевский) или период «Культуры»; период реализации планов (с момента развала СССР 26 декабря 1991 г. — по настоящее время).

Во Второй Речи Посполитой развитие «прометеизма» проходило под личным руководством Пилсудского, а после его кончины — соратников-военных³². В 1918—1923 гг. на основании военного договора с С. Петлюрой (21 апреля 1920 г.) на службу в польскую армию на контрактной основе были приняты украинские военные; а также грузинские, северокавказские и азербайджанские офицеры.

Чтобы реализовать себя в Польше, Б. В. Савинков, как представитель «третьей России», должен был встраиваться в прометейский проект, развивая идею будущего «международно-правового объединения независимых государств, образовавшихся на территории б. Российской империи» в федерацию, основанную на свободном договорном отношении и «объединенную общими политическими, военными и экономическими интересами»³³.

В январе 1921 г. были образованы Союз сближения возрожденных народов (*Związek Zbliżenia Narodów Odrodzonych*) во главе с профессором Варшавского университета Л. Кшивицким и еженедельник «Содружество» (*Przymierze*), нацеленные на опеку эмигрантов и в Польше, и за ее пределами³⁴.

В период с мая 1923 по май 1926 г. победа на выборах партийного блока Хейно-Пяст, оппозиционного пилсудчикам, заставила остановить активную работу, но между Пилсудским и лидерами национальных движений в эмиграции (Д. Сейдамет, Н. Рамишвили, Е. Гегечкори, Н. Чхеидзе) были установлены личные контакты³⁵.

С октября 1921 по 1930 г., по словам генерала Ю. Стахевича, прометеисты стремились «вызывать состояния кипения» в СССР: шла отправка банд на территорию Украины; оказывали содействие подготовке антисоветского восстания в Грузии; поддерживали басмаческое движение в Средней Азии³⁶. В течение этих 10 лет были организованы украинский и грузинский военный штабы, состоявшие в «дружественных отношениях» с Польским военным руководством и выполнявшие мобилизационную работу, разведку, пропаганду.

Бурная организационная прометейская деятельность развернулась после майского переворота 1926 г. Существование независимой

Польша в соседстве с «империалистической» Россией, по убеждению Пилсудского, всегда создавало проблемы³⁷, поэтому на первом заседании Комитета защиты государства (ноябрь 1926) он предупредил, что и большевики постоянно работают в направлении внутреннего развала Польши, т. к. Россия всегда настроена реваншистски³⁸.

Период активизации «прометеизма» (1926–1933)³⁹ связан с именем генерала Стахевича, главы Военного исторического бюро. «Прометеизм» был выведен на уровень государственной секретной политики, структура управления сформировалась в трех ведомствах: Военном министерстве (2-я отдел Генерального штаба, Т. Шетцель⁴⁰), Министерстве иностранных дел (Т. Голувко⁴¹ и Т. Шетцель), Министерстве внутренних дел (капитан Г. Я. Сухенек-Суецкий⁴²).

В Варшаве с целью идеологического обоснования «прометеизма» и подготовки специалистов по Ближнему и Дальнему Востоку был открыт Восточный институт, а при нём — Восточное коло молодежи (*Orientalistyczne Koło Młodych*) с отделениями (экспозитурами) в Кракове, Вильно и Харбине; был образован печатный орган — ежеквартальник «Восток—Orient». Были учреждены студенческие стипендии в университетах (Варшава, Вильно, Познань, Краков, Париж, Берлин, Каир), создано 4 «прометейских клуба» (Варшава, Париж, Хельсинки, Харбин). В Париже и Хельсинки стали выходить ежемесячники *Le Prométhée* и *Prometheus*; был установлен контакт с Комитетом Франция — Восток (*Comité France—Orient*); организован Комитет дружбы (*Komitet Przyjaźni*) кавказской, украинской и туркестанской эмиграции (Париж).

Основными направлениями деятельности выделили четыре: украинское, кавказское, татарское и казачье. На первом направлении был создан Украинский штаб УНР⁴³; с пропагандистско-информационными целями были организованы три самостоятельных информагентства: в Варшаве (А. Т. Е.), Париже (*Ofinor*)⁴⁴, Бухаресте (*Ukraintag*). В польской столице открыли Украинский национальный институт и его печатный орган: «Польско-украинский бюллетень» (*Biuletyn Polsko-Ukraiński*). Сформировали Центральную украинскую раду с целью объединения украинских групп в эмиграции.

Секретная работа, в том числе — по созданию разведагентур на территории СССР и за его пределами, отражена в документах 2-го отдела Генштаба⁴⁵. Кроме работы с петлюровцами, которым благоволил лично Пилсудский, шел поиск контактов с «гетманцами» во главе с П. П. Скоропадским (ориентирован на сотрудничество с Германией), ОУН (Организация украинских националистов) во главе с Е. Коновальцем (западно-украинская эмиграция, ориентированная на Германию), а также с украинскими культурно-просветительскими товариществами, груп-

пами и др., разбросанными по всему миру (Варшава, Париж, Женева, Прага, Харбин, Турция, Канада и пр.)⁴⁶.

Финансовую поддержку от польского государства получали Объединение бывших военных армии УНР⁴⁷ и Архив УНР в Тарнове. Из польского бюджета субсидии распределялись через четыре государственные институты⁴⁸, что позволяло издавать еженедельник «Тризуб» — орган Украинской миссии в Париже и МИД УНР, кварталник «Ми» в Варшаве, журналы «Табора», «Гуртуймося», «За Державність» и др.

К украинской идее примыкал проект «независимой украинской республики» вокруг Амура для украинцев-переселенцев. В период активизации Японии на Дальнем Востоке (1932—1933) на основании соглашения с «сибирскими областниками» предполагалось создание «Зеленого клина», как независимой республики, находящейся под протекторатом Японии. Проект был недолговечным, к 1936 г. отголоски о нем почти угасли⁴⁹.

На кавказском направлении также шла активная работа: в Турции и Иране были организованы постоянные отделы для обеспечения контактов с Грузией, Азербайджаном и Северным Кавказом. На бюджетные средства Польской Республики был создан Кавказский национальный комитет (разрабатывал национальные концепции независимости и вырабатывал конституцию Кавказской конфедерации⁵⁰).

Архивные материалы 2-го отдела дают нам обширную информацию о работе в среде эмиграции этого региона. Одной из первых эмигрантских организаций в Варшаве стал Грузинский комитет (1926), с 1928 г. он перешел на полное содержание из польского бюджета; президентом комитета стал племянник Н. Рамишвили — К. Имнадзе⁵¹, с ежемесячным пособием в 300 злотых. Грузинские эмигранты занимали лидирующие позиции в Комитете независимости Кавказа. Для студентов учредили стипендии, для четырех грузинских генералов — пенсии. Поддержка направлялась в организации⁵² и печатным органам на русском и грузинском языках.

Грузинское правительство в Варшаве представлял генерал А. Захариадзе — глава «Грузинской военной организации». Как и Н. Жордания, Е. Гегечкори, А. Чхенкели, С. Асатиани, И. Зурабишвили (все жили в Париже), он получал ежемесячное пособие через 2-й отдел. На содержании находились и представители Национального грузинского центра в европейских столицах (Берлин, Рим, Женева). Кроме антисоветской пропаганды на международном уровне (протесты в Лигу Наций и пр.) и издательской работы, эмигранты, имея тесную связь с родиной, подключались к антисоветской деятельности в СССР. Наиболее активным до 1930 г. было отделение «Грузин» под руководством А. Асатиани в Турции.

После парализации его деятельности советской контрразведкой связь осуществлялась через Тегеран — Тавриз — Нахичевань и Тегеран — Баку.

Польская деятельность в среде эмиграции координировалась с работой французского Генеральной дирекции национальной безопасности (*Sûreté nationale*). В частности, в период выборов и победы Народного фронта во Франции (1936) Сюрте информировал 2-й отдел о положении дел у деятелей «прометеизма»; а в польском разведотделении «Мильтон» (Париж) были подготовлены паспорта и финансовые средства на случай их внезапного выезда.

Азербайджанская эмиграция (Париж, Варшава, Турция, Персия) преимущественно была ориентирована на Турцию; офицеров по контракту в Польше было немного: от трех (1923) до 10 человек (1926). В Варшаве находилось руководство Национального центра Азербайджана и партии Муссават; там же проживал глава центра — Расул-заде Мехмет Эмин-бей, и военный руководитель — Мухамед Исрафил-бей. Почти на полном содержании 2-го отдела находилось и печатное издание «Муссават». Пособия получали эмигранты в Париже, Стамбуле и Персии.

Северокавказская эмиграция была немногочисленна, правительство в изгнании возглавлял Хайдар Баммат. Он, Барасби Байтуган и Хасан Бехаэддин (все проживали в Польше), а также Магомет Сунш-Гирей (Париж) находились на содержании 2-го отдела, как и офицеры по контракту (4 человека), стипендиаты (8 человек), журнал *Simali Kafkasia*⁵³, а также Организация кавказских горцев при Восточном институте в Варшаве.

Как и многие представители эмиграции в середине 30-х гг., Хайдар Баммат и Сунш-Гирей побывали в Германии, и с 1937—1938 гг. вокруг них началось сосредоточение части эмиграции, ориентированной на Германию⁵⁴.

На татарском направлении, по неполной информации подполковника Э. Харашкевича⁵⁵, шла пропаганда независимости Идель-Урала, Крыма и Туркестана. Центр татарской эмиграции находился в Турции, она была представлена в Румынии, Польше, Франции, Германии и Финляндии. 2-м отделом были установлены связи с этими группами, обеспечено участие во Всемирном мусульманском конгрессе в Иерусалиме (1929) Шамиля Саид-бей (избран секретарем исполнительного комитета) и Аяса (Гаяза) Исхаки⁵⁶.

Материалы 2-го отдела дают представление о весьма активной пропагандистской деятельности А. Исхаки⁵⁷ в мире (от Парижа и Берлина — до Токио), хотя плотное сотрудничество польской разведки с ним установилось лишь в 1929—1930 гг. Он и его дочь Шаадет Шакирова (проживала с семьей в Германии) получали регулярную поддержку на пропагандистскую и издательскую деятельность на татарском языке.

В Берлине под редакцией Исхаки издавали *Milli Jul* (с декабря 1928) и *Jana Milli Jul* (с января 1930), некоторое время с января 1930 г. издавали журнал в Румынии. Распространением журналов в мире и в СССР также занимался 2-й отдел⁵⁸.

На крымском направлении прометеисты применяли методы «валленродизма»⁵⁹ в политических акциях, прежде всего — в процессе В. Ибрагимова⁶⁰, приговоренного в СССР к смертной казни, а также в процессе М. Султан-Галиева⁶¹. Именно эти процессы показали наиболее характерные методы борьбы советских казанских татар и Туркестана с «советским режимом»⁶².

Второй отдел плотно сотрудничал с крымско-татарским лидером Д. Сейдаметом⁶³, который совершал частые поездки по всему региону татарской эмиграции и находился в непосредственном контакте с В. Ибрагимовым.

На казачьем направлении Харашкевич весьма расплывчато отметил общую пропагандистскую работу, «благодаря которой в значительной степени получило развитие сепаратистское движение многочисленных групп казачьей эмиграции, проводя в рядах белой эмиграции значительные политические диверсии»⁶⁴.

Материалы 2-го отдела дополняют эту информацию. Лидеры казачьей эмиграции, ориентированной на сотрудничество с Польшей, проживали преимущественно во Франции и Чехословакии. В Париже в 1927 г. оформилась группа «Вольное казачество» под руководством атамана И. А. Билого; в одноименном печатном издании антисоветской и антимонархической направленности она отстаивала идею «самостийного казачества». «Вольное казачество» стремилось стать составной частью польского прометейского движения, чему активно препятствовали петлюровцы и северокавказские эмигранты, поэтому первая дотация из 2-го отдела поступила им лишь в декабре 1928 г. на имя польского консула в Праге Т. Любачевского. В инструкции 2-го отдела 1929 г. было высказано намерение поддерживать все группы казаков, если те будут стремиться к отделению от России и самоорганизуются, создав центральный орган.

Шамба Балинов и Санжа Балыков были лидерами калмыцких казаков, в Братиславе они создали Временный центр вольного казачества, с 1938 г. издавали печатный орган «Ковыльные волны». Билый и Балыков получали финансовую поддержку из Варшавы до 1937 г.⁶⁵

За секретную работу с казачеством отвечали резидентуры 2-го отдела «Тарас» (Чехословакия), «Мартель» (Франция); в Румынии работой с казаками занимался военный атташе польского посольства полковник Р. Михаловский. Союз вольного казачества, организованный в Варшаве в 1935 г., просуществовал не более года.

Пристальное внимание проблемам «прометеизма» в целом, но прежде всего — «исследованию положения и развития национальных меньшинств в Польше»⁶⁶, уделял Институт исследования национальных проблем (*Instytut Badań Spraw Mniejszości Narodowych*) под руководством Ст. Папроцкого и его печатный орган «Вопросы национальностей» (*Sprawy narodowościowe*), а также многие другие научные и общеполитические издания.

С 1927 г., после операции «Трест», которая выявила значительную инфильтрацию польского аппарата советскими секретными агентами, прошла реорганизация всех руководящих движением структур. Во 2-м отделе Генштаба создали экспозитуру W (Восток) для работы на территории СССР в тесном сотрудничестве с МИД, МВД, Военным министерством, Комитетом по национальным делам при президенте Совета министров. Финансирование проходило из «фонда N», куда поступали дотации из Генштаба и МИД Польши. В частности, в 1931–1932 гг. сумма дотаций составила 1 263 709 злотых⁶⁷. С января 1932 г., после заключения Договора о ненападении с СССР, отношения Генерального штаба с эмиграцией были переведены в режим строгой секретности.

В 1933 г. к власти в Германии пришел А. Гитлер; в эмиграции, которую польские прометеисты считали опорой своей деятельности, проявилась ориентация на Германию, а надежды на Польшу, Францию и Великобританию начали ослабевать. Развернулась борьба Германии, Японии и отчасти Италии за влияние на деятелей «Прометей». С посольством Японии в Варшаве удалось выработать совместную линию поведения в отношении деятельности в среде национальной эмиграции и ее финансирования; с Германией и Италией договориться по этому вопросу было невозможно.

Начиная с 1933 г. визиты в Берлин и Мюнхен для установления контактов с официальными властями совершили редактор парижского журнала «Прометей» Г. Гвазава, а также Д. Сейдамет, М. Чокаев, Сунш Гирей и другие; большая часть из них была завербована германской контрразведкой и вернулась в клуб «Прометей» в качестве агентов Германии⁶⁸.

В июле 1934 г. в Париже было подписано соглашение об образовании Кавказской конфедерации (Грузия, Азербайджан, Северный Кавказ) как общекавказского правительства в изгнании. Комитет независимости Кавказа в феврале 1935 г. прекратил работу, прометейскую деятельность продолжил Совет конфедерации в составе представителей от каждого национального центра. В президиуме совета состояли: Мамед Эмин Расулзаде (Азербайджан), Ное Жордания (Грузия), Магомед Сунш-Гирей (Северный Кавказ).

В 1934–1937 гг. идея «прометеизма» в Польше приобрела еще один важный смысл: в преддверии ожидаемого и неизбежного «развала»

СССР и создания будущих национальных государств предполагалось усиление «государственной мощи Польши»⁶⁹. В прометейскую работу включились молодые политики и публицисты; одним из наиболее плодотворных и ярких стал теоретик, позже — советолог, В. Бончковский⁷⁰. Первый номер квартальника «Восток» редактировал и издавал его приятель Е. Гедройц (1906—2000), который в послевоенный период продолжил традиции прометейского движения в эмиграции.

Бончковский с молодым запалом доказывал, что польскую способность к «сердечному сочувствию, подкрепленному действием», подтвердили Т. Костюшко, польские генералы, такие как Садык-паша (генерал М. Чайковский), Т. Лапиньский в войске Шамиля, другие участники освободительной борьбы в США, Венгрии, Бельгии, Перу, на Гаити, на Украине и в Сибири под лозунгом «За нашу и вашу свободу». Корни «прометеизма» он видел в истории великого княжества Литовского и политике Яна Собеского, открывшего страну для русских староверов, евреев, армян.

«Прометеизм» в его изложении приобретал черты мессианизма, а его продвижение «на Восток вообще» — характер миссионерско-освободительной деятельности по очищению от «азиатского» наследия, лишь поверхностно «окрашенного европеизмом». По его мнению, «азиатский характер России» проявлялся в «неспособности посвятить свою жизнь борьбе за национальные или государственные идеалы» и в «уклонении от вооруженной борьбы, требующей крови и наивысшей жертвенности»⁷¹. Бончковский не ограничивал цель своей деятельности бескорыстным мессианским посылом, но видел ее вполне практической: Польша должна стать могущественным государством (*mocarstwo*)⁷².

В реферате «Восток» 2-го отдела Генштаба были организованы 4 профильных подреферата по направлениям: W-K — кавказская и татарская эмиграция, W-U — украинская и казачья, W-R — российская, W-O — общий (*ogólny*: печать и пропаганда). Непосредственно 2-му отделу подчинялись два информационно-телеграфных агентства: *Agencja A. T. E.* в Варшаве и *Agencja* в Женеве⁷³. К прометейской деятельности подключали Министерство вероисповеданий и народного образования (*Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego*) в лице руководителя одного из отделов, впоследствии — известного польского педагога, Б. Суходольского.

Харашкевич деятельность прометеистов в 1933—1939 гг. называет неудачной по ряду причин. Во-первых, заключение договора с СССР существенно сузило ареал работы МИД, заставило сосредоточить ее преимущественно во Втором отделе. Во-вторых, ушли из жизни Рамишвили (1930), Голувко (1931), Ст. Зачвилиховский (1930)⁷⁴; в-третьих, всемирный экономический кризис заставил существенно снизить финансовую базу; в-четвертых, кончина маршала Пилсудского (12 мая 1935) лишила проме-

теистов «самого сильного политического авторитета». Наконец, приход Гитлера к власти создал для поляков в прометеической работе серьезную конкуренцию; а растущая напряженность на Западе вызывала резкую критику движения в польском обществе, в том числе — в правящих кругах⁷⁵.

Официальный внешнеполитический курс Польши периода Ю. Бека соответствовал взглядам поколения Бончковского, который в 1938 г. заявил: «лучше быть организаторами войны, вызванной самими нами, чем в неизбежной навязанной нам войне исполнять функции германского форпоста или не менее фатальную роль советского плацдарма и буфера». Традиционная польская теория «двух врагов» (Германия — Россия) в тот момент заставляла видеть врага в «разлагающейся» России, а не в Германии, пребывающей «в положении быстрого и решительного националистического возрождения»⁷⁶. Логическим продолжением этого курса стал сентябрь 1939 г.

В феврале 1940 г. в Стамбуле Д. Сейдамет, А. Исхаки, С. Шамиль и Бончковский приняли решение о создании секретного руководящего центра с целью взаимной поддержки «территориальных требований национальных регионов (Крыма, народов Северного Кавказа, Идель-Урала, Туркестана, Польши)». Будущую великую и влиятельную Польшу рассматривали как фактор равновесия в Центральной Европе, союзника Крыма, Кавказа и др. государств. Прометеисты наметили границы Северного Кавказа (от Тамани — до северной границы Дагестана с выходом к Азовскому морю). Идель-Урал и Туркестан должны будут отрезать Россию от Урала и Сибири. Независимая Украина будет существовать в границах, продиктованных интересами Польши, Крыма, Турции и Кавказа. Участники совещания определили даже «сферы интересов» Польши, Финляндии и Турции; в частности, Украина и Беларусь вошли в польскую сферу интересов.

Во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы прометеисты в Лондоне, сосредоточенные вокруг правительства в изгнании, сохранили верность идее: их работа продолжилась в форме Польской группы «Прометей» (*Polska Grupa «Prometeusza»*)⁷⁷. В 1949 г. в Лондоне подполковник Т. Шетцель возглавил деятельность прометеистов; двумя годами ранее он стал одним из организаторов Института Юзефа Пилсудского⁷⁸. С 1969 г. по настоящее время Институт собирает коллекцию документов по истории «прометеизма»⁷⁹.

Много лет обязанности президента Института исполнял подполковник Харашкевич, основатель и редактор журнала «Независимость» (*Niepodległość*). Профессор Р. Смаль-Стоцкий определял «прометеизм» в новых условиях как общий фронт народов, угнетенных советской Россией⁸⁰. Почетный член межвоенного клуба «Прометей» в Варшаве

С. Папроцкий, подчеркивал, что лагерь Пилсудского не стремился к фактическому «развалу» России, но исходил из убеждения, что польский народ будет действительно свободным только в семье свободных народов, поэтому в основе польской политики должен лежать принцип необходимости защиты от «российского империализма»⁸¹. В программной Декларации группы «Прометей» в декабре 1951 г. ставился вопрос о создании регионального европейского сообщества (эстонцы, латыши, литовцы, белорусы, украинцы, поляки, чехи, словаки, венгры, румыны, болгары, сербы, словенцы, хорваты, албанцы, греки)⁸².

Важным центром «прометеизма» оставался после Второй мировой войны и Париж. В польской исторической литературе было принято считать, что в эмиграции прометейскую идею продолжили Е. Гедройц⁸³, диссидент, основатель и многолетний редактор польского альманаха «Культура» (Париж), и его ближайший соратник, известный публицист Ю. Меровский. В публицистический оборот был вброшен «Тестамент “Прометея”» (*Testament «Prometeusza»*), создателем которого был Гедройц. По мнению политолога П. Коваля⁸⁴, мысль Гедройца касалась, прежде всего, отношений Польши с Россией и имела антиимперский смысл, все остальные вопросы (отношения с Украиной или Литвой) были ее производными⁸⁵.

Гедройц на страницах «Культуры» много раз обращал внимание читающей публики на необходимость изживать комплекс патерналистского отношения к восточным соседям; подчеркивал, что националистическая ментальность для Польши так же опасна, как и большевизм⁸⁶. В ноябре 1952 г. он опубликовал письмо священника Юзефа Маевского о праве литовцев на Вильно и украинцев на Львов; вскоре эта точка зрения стала официальной позицией «Культуры». Призыв поляков к поиску взаимопонимания с украинцами и к отказу от территориальных претензий на утраченные кресы (восточные территории) сломал устоявшийся стереотип польского эмигрантского мира. В Лондоне редактора объявили изменником: он придерживался левых взглядов и не находил понимания в кругу правоконсервативной лондонской эмиграции.

Лучший публицист «Культуры» Меровский в публикации 1974 г. о «русском комплексе» поляков⁸⁷ (переведена на русский язык в 1975⁸⁸) призвал к созданию аналога великого княжества Литовского, — что было возрождением традиционной польской Ягеллонской идеи. После Второй мировой войны, по его словам, «традиционная концепция Польши как бастиона западной цивилизации» рухнула; «даже католические писатели, далекие от коммунизма», приняли новую концепцию: «союз с Советским Союзом должен стать фундаментом польской политики», сознательно отказавшись от «позиции соперника», приняв «роль вассала» России — «империалистической страны»⁸⁹.

Интерес к прометеическому движению у официальных структур Польской Народной Республики и СССР проявился в специальном «Обзоре», подготовленном в Бюро исследований Главного управления информации Войска Польского на основе изучения архивных материалов 2-го отдела (1951)⁹⁰. Сотрудник бюро Ю. Левандовский в 1958 г. защитил диссертацию под названием «Прометеизм — концепция восточной политики пилсудчины», занимался этой темой до конца 1960-х гг.⁹¹ Первой комплексной монографией на польском языке, основанной на архивных источниках, стала книга С. Микулича «Прометеизм в политике II Речи Посполитой» (1971)⁹².

Для формирования идеи нового «прометеизма» («неопрометеизма») в 1970—1980-е гг., по мнению П. Коваля, важное значение имели личности, такие как З. Бжезинский и папа Римский Иоанн Павел II, которые придали ей глобальное значение. Важным шагом на этом пути стало «Послание к людям труда стран Восточной Европы» 8 сентября 1981 г. на первом съезде делегатов независимого профсоюза «Солидарность» в Гданьске. Послание было адресовано трудящимся Албании, Болгарии, Чехословакии, ГДР, Румынии, Венгрии и *всем народам СССР* [курсив мой. — Т. С.] и содержало призыв к самоорганизации всех трудящихся в независимых профсоюзах и обмену опытом.

Но в странах социалистической системы этот призыв вызвал резко негативную реакцию со стороны партийного руководства. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев 10 сентября высказался о документе как об опасном и вредном, способном активизировать группы «разного рода отщепенцев»; 25 сентября Политбюро ЦК партии учредило специальную комиссию по Польше под руководством идеолога М. А. Суслова. Она разработала ряд мероприятий по нейтрализации влияния деятельности «Солидарности» на общественное мнение СССР⁹³. Вопрос об интервенции в Польшу (т. н. «доктрина Брежнева» предполагала такой вариант) был решен Ю. В. Андроповым отрицательно: сил на нее в условиях Афганской войны не было⁹⁴. Никто из членов Политбюро не рассматривал тогда события в Польше в аспекте «неопрометеизма», обращая внимание лишь на политические и социальные аспекты положения в стране; оценки польским политическим деятелям давались также в этой коннотации⁹⁵.

По словам П. Коваля, Иоанн Павел II как политик преследовал единственную цель: расправиться с марксизмом и Советским Союзом. Он постепенно ввел поляков на низшие ступени администрации в Ватикане; его визит в Литву (1984) стал актом реализации Ягеллонской идеи. С США были заключены дипломатические отношения; важной поддержкой Р. Рейгану в предвыборной кампании стала поездка папы Римского на Аляску (1984).

Вопросы отношений Ватикана с Латинской Америкой папа Римский передал в руки кардинала Йозефа Ратцингера⁹⁶, а тот, независимо от кардинала Агостино Казароли⁹⁷, подготовил документ с осуждением «тоталитарного советского режима». Начиная с 1988 г., когда кардинал Казароли посетил Москву по случаю празднования 1000-летия Крещения Руси, шло постоянное расширение отношений с Ватиканом. Папа не был приглашен в СССР, но в ходе визита Горбачева в декабре 1989 г. в Ватикан было принято решение об установлении официальных отношений на постоянной основе, что произошло в марте 1990 г. с аккредитацией в Риме Ю. Е. Карлова в ранге чрезвычайного и полномочного посла. В Москве приступило к работе представительство Ватикана — Апостольская нунциатура⁹⁸. Политику папы Римского Коваль оценивает, как «зрелую» и вполне оправданную, поскольку она преследовала цель окончательно положить «советы» на лопатки⁹⁹.

Исключительная роль Бжезинского в развитии «неопрометеизма» требует отдельного исследования. Напомним лишь, что автор «Великой шахматной доски»¹⁰⁰ так сформулировал одну из современных «дилемм общей американской политики»: «Какой должна быть Россия, чтобы соответствовать интересам Америки, и что и как должна Америка для этого делать?»¹⁰¹ Ответ был дан такой: «Если Россия [...] успешно справится с процессом демократической консолидации и социальной модернизации», то также может стать подходящей кандидатурой для установления «более органичных взаимоотношений с Европой». Это, по убеждению Бжезинского, «может сделать возможным окончательное объединение трансатлантической системы безопасности с трансконтинентальной евразийской системой безопасности»¹⁰².

В предисловии к книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»¹⁰³ — исследованию о нарастании противоречий между «западной цивилизацией» и «остальным миром» — Бжезинский отметил, что его друг и коллега дал исчерпывающий «анализ тектонических сдвигов в таких базовых областях, как вера, культура и политика», сориентировал читателя на «межцивилизационные коалиции», на «взаимное уважение и сдержанность в стремлении управлять другими нациями»¹⁰⁴.

Напомним, что Хантингтон исходил из восприятия «православной цивилизации», «выросшей на византийских корнях», после 200 лет татарского ига и «бюрократического деспотизма» недостаточно впитавшей влияние Возрождения, Реформации, Просвещения, а также других событий, имевших влияние на западную цивилизацию¹⁰⁵. Такая оценка русской (православной) цивилизации тесно смыкается с оценками прометеистов и неопрометеистов — носителей идеи «западной цивилизации».

В упомянутом выше исследовании Бжезинского, как и в прометейской концепции межвоенного периода, ключевая роль передана Украине: «Если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии. Потеря Украиной независимости имела бы незамедлительные последствия для Центральной Европы, трансформировав Польшу в геополитический центр на восточных рубежах объединенной Европы»¹⁰⁶.

Логично и закономерно то, что Конгресс США в 1992 г. принял закон № 102 «О свободе для России и новых евроазиатских демократий и в поддержку открытых рынков» (*Freedom for Russia and Emerging Eurasian Democracies and Open Markets Support Act*), осенью того же года Объединенный комитет начальников штабов США в докладе президенту и Конгрессу в первом абзаце 11-й главы «Специальные операции» сообщил, что Россия будет оставаться для США главным противником, требующим самого пристального внимания¹⁰⁷.

Деятельность М. С. Горбачева и его назначенцев позволила избавиться от КГБ¹⁰⁸, раздробив его на республиканские комитеты (1991); 8 декабря того же года состоялось подписание Беловежских соглашений о создании СНГ. СССР, как «субъект международного права и геополитической реальности»¹⁰⁹, прекратил свое существование.

После распада СССР и начала реализации программы продолжения завоевания российского хартленда, слома социалистического лагеря, опорой которого была ПНР, согласно доктрине Маккиндера и по плану, разработанному не в Польше, в условиях подготовки к вступлению Польши в НАТО (март 1990 — март 2008), проявился колоссальный всплеск интереса к тематике «прометеизма» как в Польше, так и за рубежом.

К настоящему моменту опубликованы полные историографические работы по этой теме¹¹⁰. В числе многоплановых исследований выделяются циклы работ В. Матерского¹¹¹, М. Корната¹¹² и многих других. В частности, М. Корнат¹¹³ в 2008 г. сделал вывод о логичности и обоснованности внешней политики Второй Речи Посполитой и о «прометеизме», как ее важном достижении¹¹⁴. Чуть позже молодой политолог Б. Святловский высоко оценил «прометеизм» как существенную часть польской политической мысли, исходящей из концепции о свободе, как универсальной ценности. Вслед за Бончковским он рассмотрел «прометеизм» как единственно верный путь в ответ на «российско-советские методы и тактику»¹¹⁵.

Институт международных отношений Варшавского университета и Фонд им. К. Скубишевского проводят регулярные симпозиумы, в рам-

ках которых обсуждаются актуальные проблемы внешней политики Польши. В частности, в 2013 г. во время обсуждения проблемы «Восточная Европа — пейзаж после прометеизма»¹¹⁶ участники признали необходимость и полезность «прометеизма» всех периодов его существования, несмотря на элементы романтизма и черно-белого представления о ситуации на Востоке. Заместитель министра иностранных дел К. Пелчинска-Наленч¹¹⁷ подчеркнула, что без наивной и искренней веры первых прометеистов не смогло бы возникнуть то, что сегодня образует Восточное партнерство¹¹⁸; теперь речь идет о не национально-освободительной борьбе, а о полноценном сотрудничестве, руководство освобожденных республик уже «не навязано извне», как во времена СССР.

Основные принципы восточной политики замминистра сформулировала следующим образом: «держаться золотой середины» в экономическом, политическом и культурном сотрудничестве после расставания с «наивным романтизмом», не впадая в «крайний реализм» и «радикальную геополитику». Не измерять отношения с Востоком исключительно экономическими показателями и показателями торгового оборота.

Во-вторых, Польша должна сочетать свои стратегические интересы с поисками нивелирования разрыва (экономического, культурного, мировоззренческого и др.) с восточными государствами. Наконец, Польша должна вести диалог с обществом и через общественные структуры; а польская политика в восточном регионе должна быть неким сбалансированным сочетанием веры в ценности и способности компромисса с реальностью.

Главный редактор и создатель журнала «Новая Восточная Европа», профессор А. Бжезекский предположил, что «прометеизм как пропагандистский инструмент», «может оказаться очень полезен»; но предостерег от безоглядной веры в его постулаты и немедленной их реализации, чтобы избежать такого же финала, как у «нашего Прометейя».

Оценив «пейзаж после прометеизма», профессор заключил, что Восточная Европа после «прометеизма» выглядит так же, как выглядела бы без него. Поляки не повлияли на ход событий, Польша осталась в стороне от цветных революций, где работали американские, канадские, любые другие финансы, но не польские. Нет ни одной влиятельной фигуры в Восточной Европе, кто был бы польским стипендиатом и сделал политическую карьеру на Украине, в России, даже в Молдавии.

По его мнению, такая «циничная империя, как США», использует в качестве логотипа символ «прометеизма» (факел): Радио Свобода, *National Endowment for Democracy*¹¹⁹, *Journal of Democracy*¹²⁰, но вряд ли можно вспомнить, чтобы «американцы старались для кого-то», они в первую очередь преследуют собственные интересы.

Профессор подчеркнул, что в польских интересах вести работу по преобразованию восточных стран во все более благоприятное окружение; отказаться от антироссийских акций и строительства антироссийских коалиций; расстаться с мечтой, что Польша в состоянии достичь переворота и свергнуть какую-либо власть путем революции. Поляки должны сосредоточиться не на политических целях, а на целях социальных — вот где огромное поле деятельности. Речь может идти о формировании нового «прометеизма» путем создания общественных организаций по борьбе с различными негативными проявлениями на Украине, в Молдавии, России в направлении защиты общества от социальных патологий (например, от наркоторговли).

В упомянутой выше монографии П. Коваля «Завет Прометея» (2018, 2019)¹²¹ оценка послевоенной польской политики на Востоке дана как логическое продолжение межвоенного «прометеизма»; анализ процесса основан на ряде неизвестных ранее документов, авторских экспертных оценках и интервью. Подробно рассмотрена деятельность польских политиков и дипломатов (К. Скубишевского¹²², Т. Мазовецкого¹²³, Б. Геремка¹²⁴, З. Бжезинского), внесших в период «великой перемены» (1989–1991) наибольший вклад в ход исторических событий. Польская политика на Востоке, по мнению автора, органично вписалась в «мировые тренды» и «подходы» папы Римского Иоанна Павла II.

В упомянутом выше его же интервью главному редактору журнала «Новая Восточная Европа» профессору Бжезецкому (20 мая 2019 г., Лодзь)¹²⁵ политолог подчеркнул, что «прометеизм», в отличие от Ягеллонской идеи, не является сугубо польским явлением, что у нее и «прометеизма» различные корни, прорастающие из разных систем ценностей.

Современная практика «прометеизма» реализуется в формах гуманитарного воздействия на общество государств Восточной Европы: проведение исторических и историографических исследований (статьи, монографии, семинары, конференции и пр.); разработка образовательных программ в вузах Польши и курсов для специалистов; предоставление стипендий (прежде всего — через внебюджетные фонды); ознакомительные туры для молодежи из стран Восточной Европы; комплексные аналитические исследования региона и предоставление справок по запросам государственных структур и др.

В 2008 г. вышел первый номер журнала «Новая Восточная Европа» (*Nowa Europa Wschodnia*), посвященный истории, культуре, экономике и повседневности Центральной и Восточной Европы, а также Центральной Азии на английском, русском и украинском языках¹²⁶. По словам Яна Новак-Езораньского¹²⁷, «в интересах польского государства (*racji stanu*)» — поддерживать общественные инициативы, целью которых является сближение и непо-

средственное знакомство поляков и немцев, поляков и русских, украинцев, белорусов, литовцев, чехов и словаков, на основе чего можно построить прочный фундамент соглашений, заключаемых на правительственном уровне.

Еще в 2001 г. Новак-Езораньский основал Коллегиум Восточной Европы, миссией которого стала «работа на благо Восточной Европы как сообщества свободных людей»; целью: «чтобы граждане государств Центральной и Восточной Европы могли жить в соответствии с европейскими идеалами»¹²⁸. Основными видами деятельности Коллегиум являются «ознакомительные туры в Польшу», программы которых разработаны для студентов из Белоруссии и Молдавии, России и Украины, а также для специалистов — граждан Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии. Специалисты имеют возможность ознакомиться с польским опытом строительства и функционирования государственных институций, гражданского общества, экономики свободного рынка и европейской интеграции.

Финансирование этой деятельности (гранты, стипендии) осуществляется Польско-Американским фондом свободы (*Polsko-Amerykańska Fundacja Wolności*) во главе с А. Нагорским¹²⁹, американским писателем, журналистом, бывшим редактором *Newsweek International*. В течение пятнадцати лет (2000–2015) членом совета директоров Фонда был Бжезинский¹³⁰. Организатором Фонда, в свою очередь, был Польско-американский фонд предпринимательства (*Polsko-Amerykański Fundusz Przedsiębiorczości*) — в соответствии с законом, принятым Конгрессом США в 1989 г. «О поддержке демократии в Восточной Европе».

Работа Коллегиум и журнала «Новая Восточная Европа» координируется с деятельностью Центра восточных исследований им. Марка Карпя (*Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia*)¹³¹, созданном в 1990 г. как бюджетное учреждение. С 2011 г., согласно Уставу, главной задачей Центра является обработка и предоставление органам публичной власти Польши информации о значимых событиях и политических, социальных и экономических процессах в поясе пограничных с Польшей государств; а также подготовка и проведение анализа, экспертиз, прогнозов.

Научный журнал «Новый Прометей» (*Nowy Prometeusz*) учрежден в 2010 г. Варшавским университетом (Центр изучения Восточной Европы) и Обществом «Кавказский дом» в Польше (*Stowarzyszenie Dom Kaukaski w Polsce*). Журнал выходит два раза в год, тематика исследований охватывает проблемы политики, культуры, экономики, вероисповедания в регионах Восточной Европы, Центральной Азии и бассейна Черного моря. Создатели журнала «были вдохновлены» такими изданиями, как межвоенные «Прометей» (*Prométhée*), позже — «Обзор Прометей» (*La Revue de Prométhée*). Новый «прометеизм», по понятным причи-

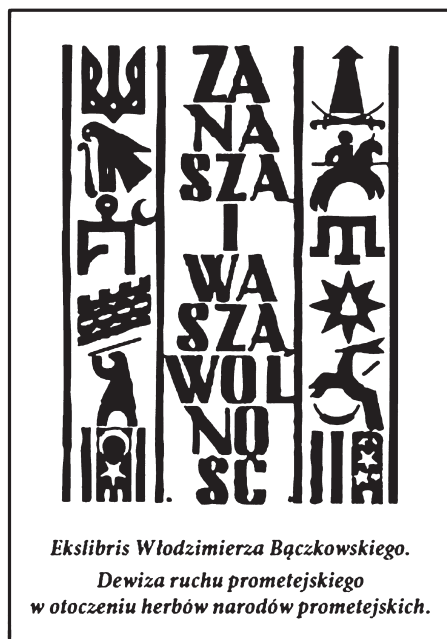
нам, не актуальный в оригинальном смысле слова, может, — по мнению редакции, — быть примером проведения исследований и популяризации знаний в Польше о исследуемых регионах. Важной задачей редакция считает и «расширение (дополнение) польской политической мысли межвоенного периода»¹³².

Учредителем этого издания стал Центр исследований Восточной Европы Варшавского университета, который готовит многопрофильных специалистов по истории, культуре, языку государств Восточной Европы, Центральной Азии, Кавказа, Центральной Европы и Балканского региона, России (бакалавриат, магистратура, аспирантура). Студенты проходят практику в посольствах и других польских учреждениях в государствах изучаемых регионов.

Международные конференции, посвященные истории «прометеизма», регулярно проходят в Варшаве, Лондоне, Париже, других городах Польши и столицах постсоветского пространства, начиная с 2011 г. по настоящее время¹³³. Лучшие доклады публикуются на страницах «Нового Прометея». Программа конференции имеет логотип авторства Бончковского — «За нашу и вашу свободу» в окружении 12 «гербов» «прометейских народов».

От РФ в них принимал участие только с. н. с. ИРИ РАН Салават Исхаков, в частности на Парижской конференции (2018) «Межвоенное прометейское движение. Кавказская эмиграция в Париже» (*Interwar Promethean Movement. Caucasian Emigration in Paris*) он представил доклад «Северный Кавказ и Ахмет Цаликов».

В декабре 2018 г. в журнале «Новый Прометей» было опубликовано эссе М. Корната «Некоторые размышления о судьбах идеи прометеизма», в котором автор подчеркнул, что романтический «прометеизм» спустя многие годы дождался подтверждения главного тезиса: сохранение СССР в многонациональном формате невозможно. «Прометейская мысль», хотя и проигрывала в XX в. в противоборстве с политикой Третьего рейха и Советской Россией, сохранила себя как цельная, продуманная и реалистичная идеологическая конструкция¹³⁴.

Суммируя весь комплекс оценок современными польскими интеллектуалами значения наследия 100-летней истории «прометеизма», выделим основные ключевые моменты. Во-первых, в современной внешней политике Третьей Речи Посполитой расширилась возможность развития неопрометейских концепций и дальнейшее вовлечение государств Центральной Восточной Европы в западные институты после их вступления в ЕС.

Во-вторых, значительная часть исследователей выделяет особо деятельность президента Л. Качиньского в адаптации и актуализации «прометейского послания» в новых условиях (его проект частичной стратегической и энергетической независимости от России; обеспечение Украине и государствам Кавказа интеграции с западными структурами безопасности и экономического сотрудничества; «интервенция» глав правительств и президентов Литвы, Латвии, Украины и Польши в период «российско-грузинской войны» как пример потенциальной возможности создания коалиции государств на Востоке). Некоторая часть историков и политологов относится к такого рода инициативам скептически.

В-третьих, причиной упущенных возможностей сотрудничества и стабилизации отношений между новой Польшей и новой Россией польские интеллектуалы считают не польский «прометеизм», а российскую агрессивность (*zaborczość*) и неспособность россиян понять новые международные реалии¹³⁵.

Внешняя политика современного руководства Польши полностью встроена в североатлантический курс, а развитие «неопрометеизма» происходит на средства не из польского бюджета. Применяя лексику Бжезинского, можно утверждать, что польское руководство проявляет повышенную активность для регулирования европейской «системы безопасности», встроенной в «трансатлантическую систему безопасности». Одним из последних демаршей польской дипломатии стала демонстрация несогласия в связи с восстановлением полномочий российской делегации в ПАСЕ: 26 июня 2019 г. делегация Польши под руководством члена партии PiS («Право и справедливость»), вслед за делегацией Украины, совместно с делегациями Латвии, Литвы, Эстонии, Грузии, и Словакии (делегация этой страны позже опровергала этот факт) покинула зал заседания¹³⁶.

Нельзя не отметить также, что в современном интеллектуальном пространстве Российской Федерации недостаточно изучается влияние проблемы «прометеизма» на многовекторный рост национального самосознания народов, составляющих Российскую Федерацию. Приведем лишь один пример. Современная ингушская молодежь воспитывается на примере выдающейся фигуры «национального ингушского возрожде-

ния» (представителя Северокавказского Просвещения) Вассан-Гирей Ижиевича Джабагиева (1882–1961). К наследию известного публициста по вопросам экономики и аграрного сектора Российской империи, жизни и быта российского и ингушского крестьянства до 1917 г., видного общественного деятеля, ингушские историки обратились с конца XX в.¹³⁷

Видный деятель прометейского движения, Джабагиев оставил значительное количество трудов на французском, турецком и польском языках, большинство из которых до настоящего времени не переведены. Его литературная и публицистическая деятельность отразилась на страницах таких изданий, как «Кавказский горец» (Прага), «Горцы Кавказа» (Париж, Берлин), «Прометей» и «Обозрение Прометея» (Париж), «Объединенный Кавказ» и «Свободный Кавказ» (Мюнхен), «Газават» (Берлин), наконец — «Северный Кавказ», «Исламское обозрение», «Восток» (Варшава). Политическая деятельность в межвоенный период и после войны проходила в северокавказских партиях, союзах и объединениях на территории Франции, Турции, Германии, Польши и Чехословакии.

Его имя и идеи — часть современного ингушского национального самосознания и российской публицистики. До 1917 г. он критиковал центральную власть и видел возможность автономии Северного Кавказа в рамках Российского государства с тем, чтобы освободиться от русского чиновничества с его взятками и превышением полномочий, но при «сохранении целостности и единства нашего великого отечества»¹³⁸.

Более чем современно звучат его строки, опубликованные в 1907 г.: «Только одна искренняя готовность идти на взаимные уступки и выработать *modus vivendi* на основах общегосударственных интересов способна сплотить Россию в однородный, моральный организм»¹³⁹. Февральская революция подтолкнула духовных и интеллектуальных лидеров Северного Кавказа к самоорганизации (Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в 1917–1918 гг., Горская республика в 1918–1920 гг.); репрессии большевиков в общем потоке «философских пароходов» выдавили их из страны. Был ли у них другой путь?

Будет ли открыт ящик Пандоры?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997. С. 429.

² *Libera P. II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego // Wojskowe Teki Archiwalne. Warszawa. 2013. T. IV. S. 16.*

³ Князь Адам Ежи Чарторыйский (1770–1861) с 1795 г. состоял на русской службе. При Александре I в 1801 г. вошел в состав «Негласного комитета». В 1802–1804 гг. това-

рищ министра, в 1804—1806 гг. министр иностранных дел. Автор проекта воссоединения польских земель в форме династической унии Российской империи и Польши. В 1815 г. член Временного правительства Царства Польского, глава правительства в период Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. После поражения восстания эмигрировал в Париж, где его особняк Ламбер стал центром польского национально-освободительного движения.

⁴ *Nowak A.* Przez Ukrainę i Kaukaz na Petersburg: początek drogi do koncepcji prometejskich w polskiej myśli politycznej // *Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej* (1918—1940). Warszawa, 2012. S. 17—23.

⁵ Chorągiew manifestacyjna z Powstania Listopadowego z 1831 roku // <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/symbolika-patriotyczna-w-palacu-prezydenckim/choragiew-manifestacyjna/>; дата обращения 12.07.2019.

⁶ *Mochnecki M.* Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. Wrocław: Nakładem Zygmunta Schlettera, 1850. S. 14—15, 27—28. URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication?id=93431&from=&dirids=1&tab=1&lp=1&QI=32B5EFD8C70018F4AEB850955ED9B2D3-1>; дата обращение 9.07.2019.

⁷ *Kraśiński Z.* Pisma filozoficzne i polityczne. Pisma. Wydanie jubileuszowe. T. 7. Kraków—Warszawa, 1912. S. 553. URL: <https://polskietradycje.pl/artykuly/widok/279>; дата обращения 9.07.2019.

⁸ *Piłsudski J.* Memoriały, korespondencja z posłem T. Hayashi / Archiwum Józefa Piłsudskiego // Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce. P. 26—28. URL: <http://archiwa.pilsudski.org/dokument.php?nonav=0&nar=701&nrzesp=1&sygn=43&handle=701.180/1738>; дата обращения 12.07.2019.

⁹ Доктрина президента Д. Монро (Принципы 1823 г.) — послание в адрес Конгресса США, направленное против экспансии европейских государств на американском континенте.

¹⁰ *Мегоран Н., Шарапова С.* Помогает или мешает нам «хартленд» Маккиндера понять Центральную Азию? // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 4(40). С. 8.

¹¹ *Mackinder H. J.* Man-Power as a Measure of National and Imperial Strength // *National and English Review*. 1905. XLV. P. 136—143.

¹² *Davis D. E., Trani E. P.* The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.-Soviet Relations. Columbia, 2002. S. 75.

¹³ *Ibid.* S. 79; *Kopisto L.* The British Intervention in South Russia: 1918—1920: Academic Dissertation. Helsinki, 2011. S. 28—29.

¹⁴ Мирные переговоры в Брест-Литовске / под ред. А. А. Иоффе. Т. 1. М., 1920. С. 29; История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872—1919) / под ред. В. П. Потемкина. М.-Л., 1945. Гл. 15.

¹⁵ *Панарин И. Н.* Информационная война и геополитика. Гл. 7: Русская геополитика. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/123890/25/Panarin_-_Informacionnaya_voina_i_geopolitika.html; дата обращения 12.07.2019.

¹⁶ Грузинская Демократическая Республика (26 мая 1918 — 18 марта 1921), Азербайджанская Демократическая Республика (28 мая 1918 — 28 апреля 1920), Армянская Демократическая Республика (28 мая 1918 — 2 декабря 1920), Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (5 мая — 17 ноября 1917), Горская республика (11 мая 1918 — 18 мая 1919).

¹⁷ *Берти Ф.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. М.–Л., 1927. С. 172.

¹⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. М., 1964. С. 439–440.

¹⁹ *Gostyńska W.* Stosunki polsko-radzieckie 1918–1919. W., 1972. S. 157.

²⁰ *Wasilewski L.* Józef Piłsudski. Jakim go znałem. W., 2013. S. 216.

²¹ *Okulewicz P.* Koncepcja «międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918–1926. Poznań, 2001. S. 112.

²² *Novak A.* Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kr., 2008. S. 183.

²³ Версальский мирный договор / под ред. Ю. В. Ключникова и А. В. Сабанина. М., 1925. С. 41.

²⁴ *Тушчик Б. Й.* Галицька Соціалістична Радянська Республіка. Львів, 1970. С. 35–49.

²⁵ *Charaszkiewicz Edmund.* Referat o zagadnieniu prometejskim, 12 luty 1940 // Zbiór dokumentów ppłk. Edmunda Charaszkiewicza. Opracowanie, wstęp i przypisy Andrzej Grzywacz, Marcin Kwiecień, Grzegorz Mazur. Kraków: Biblioteka Centrum Dokumentacji Czynu Niepodległościowego, 2000. S. 57–80. URL: <http://geopolityka.org/analizy/edmund-charaszkiewicz-referat-o-zagadnieniu-prometejskim-z-historii-polskiej-geopolityki>; data обращения 20.08.2019.

²⁶ *Old Fellow [Wasilewski L.]* Drogi rozwoju polskiej polityki zagranicznej // Droga. 1923. № 5. S. 3.

²⁷ *Kornat M.* Idea prometejska a polska polityka zagraniczna (1921–1939/1940) // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940). Studia i szkice. Warszawa, 2012. S. 81.

²⁸ *Materski W.* Polsko-gruziński sojusz wojskowy 1920 (The 1920 Polish-Georgian Military Alliance) // Wojna polsko-sowiecka 1920 roku: przebieg walk i tło międzynarodowe: materiały sesji naukowej w Instytucie Historii PAN. 1–2 października 1990. W., 1991. S. 203–209.

²⁹ *Мегоран Н., Шапанова С.* Указ. соч. С. 12.

³⁰ *Ленин В. И.* К вопросу о национальностях или об «автономизации» // ПСС. Т. 45. С. 356–357.

³¹ Там же. С. 359–360.

³² Обзор деятельности экспозитуры № 2 в среде эмигрантских организаций, входивших в объединение «Прометей». // РГВА. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 16. См. также: *Charaszkiewicz E.* Referat o zagadnieniu prometejskim, 12 luty 1940. Op. cit.

³³ Секретное соглашение между генералом С. Булак-Балаховичем и Б. Савинковым от 27 августа 1920 г. // РГВА. Ф. 460к. Оп. 1. Д. 3. Л. 114.

³⁴ *Materski W.* Emigranci z Kaukazu w Polsce w okresie międzywojennym // Emigracja rosyjska. Losy i idee. Łódź, 2000. S. 364.

³⁵ Обзор деятельности экспозитуры № 2 в среде эмигрантских организаций, входивших в объединение «Прометей». Указ. соч. // РГВА. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

³⁶ Там же. Л. 18.

³⁷ Wielka deklaracja Marszałka Piłsudskiego / Głos Prawdy. 1926. № 129 (27 II). s. 119. // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918–1940). W., 2012. S. 83.

³⁸ Protokół pierwszego posiedzenia Komitetu Obrony Państwa z dnia 23 listopada 1926 r. Oprac. P. Stawicki // Kwartalnik Historyczny. 1988. № 3. S. 83.

³⁹ Э. Харашкевич конечной датой «наиболее решительного, организационного и активного периода» называет дату заключения советско-польского пакта о не агрессии — 1932 г.

⁴⁰ С 1919 г. Тадуеш Шетцель (Schaetzel; 1891—1971) руководил русским отделением во 2-м отделе польского Генштаба. Исполнял функции военного атташе в Турции (Анкара), с ноября 1926 по январь 1929 г. руководил 2-м отделом Генштаба. Затем посол в Париже (1929—1930), глава Восточного отдела МИД (1931—1934), до 1938 г. последовательно и.о. вице-директора Политического департамента МИД, члена и вице-маршала Сейма. В 1939—1944 гг. интернирован в Румынии. Сопровождал Ю. Бека в Турцию, Египет. С 1947 г. в эмиграции в Лондоне.

⁴¹ Происходит из семьи ссыльного повстанца 1863 г. в Сибирь. Соратник Пилсудского, один из создателей Польской военной организации, теоретик «прометеизма». Погиб в результате террористического акта, организованного Р. Шухевичем (29.08.1931).

⁴² Т. Голувко — офицер 2-го отдела Генштаба, с 1927 г. руководил Отделом национальностей Политического департамента Министерства внутренних дел. С 1928 г. председатель Союза Сибиряков. Погиб в концлагере Освенцим в мае 1941 г.

⁴³ В составе: Организационно-оперативная секция (в непосредственном подчинении Ю. Стахевича), Разведывательная секция и Пропагандистско-территориальная секция (подчинены 2-му отделу).

⁴⁴ В Риме и Мадриде. Ежегодно выдавало 3200 страниц сообщений на пяти языках, общий тираж — 400 тысяч экземпляров. См.: РГВА. Ф. 461к, Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

⁴⁵ Подробно см.: Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России — СССР / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М., 2007. С. 318—414.

⁴⁶ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

⁴⁷ Имело отделения во Франции, Польше, Румынии, Чехословакии, Турции, Аргентине, Манчжурии, Канаде, Бразилии, Королевстве СХС, Финляндии и т. д.

⁴⁸ МИД, МВД, Министерство вероисповеданий и народного образования (Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego), Министерство труда и социальной опеки (Ministerstwo Pracy i Opieki Społecznej). См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 75.

⁴⁹ Там же. Л. 63.

⁵⁰ Конфедерация Народов Кавказа была создана в 1934 г., армянам была предоставлена возможность присоединиться к ней. Вследствие противоречий с азербайджанской эмиграцией, армянская пошла на сотрудничество с Конфедерацией только в мае 1940 г.

⁵¹ К. Имнадзе, член редколлегии квартальника «Восток», с 1931 — председатель Союза кавказских студентов в Польше, с 1938 — вице-президент клуба «Прометей» в Варшаве.

⁵² «Общество друзей Лиги Наций», «Товарищество бывших военных» в составе Французской федерации комбатантов, «Грузинская военная организация» и др.

⁵³ Выходил в Варшаве с 1932 г. на русском языке.

⁵⁴ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 115—126.

⁵⁵ Э. Харашкевич с 1914 г. служил в Польском легионе. Участник Советско-польской войны и 3-го Силезского восстания. С 1924 г. офицер 2-го отдела Генштаба (референт по

Украине). В 1928 г. начальник 1-й экспозитуры Генштаба (организация саботажа и диверсий на территории соседних государств). После 1939 г. — в эмиграции, вел прометейскую работу, член Лиги независимости Польши.

⁵⁶ *Charaszkiewicz E.* Referat o zagadnieniu prometejskim, 12 luty 1940. Op. cit.

⁵⁷ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 402 и др.

⁵⁸ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 414. Л. 10.

⁵⁹ Валленродизм — в прямом смысле восходит к реальным событиям, отраженным в поэме А. Мицкевича «Конрад Валленрод» («Историческая повесть, взятая из Летописей Литовских и Прусских»). Главный герой — самозванец Альд, воин из племени прусов, покоренных литовцами, принимает чужое имя из знатного рода Валленродов, встает во главе ордена, став великим магистром, и приводит его к упадку, опустошив казну. Умирает в помешательстве без причастия (1394). В переносном смысле термин означает тайную борьбу против противника, в которой все средства хороши, включая измену и коварство.

⁶⁰ Вели Ибрагимов (Ибраимов; 1888—1928) — крымский политический деятель, большевик. В 1909—1912 гг. жил в Турции, затем в Закавказье и России, в 1916 г. — председатель крымско-татарского союза, в 1919—1920 гг. — член Особого отдела ВЧК на Кавказском фронте, в 1921 г. — председатель Ревтройки в Крыму, затем последовательно: нарком РКИ Крыма, председатель ЦИК и Совнаркома Крыма. 8 февраля 1928 г. арестован, предан суду, 9 мая 1928 г. расстрелян. Реабилитирован решением Верховного суда РФ от 20 июня 1990 г.

⁶¹ Подробнее о жизни и деятельности Султан-Галиева с подробной историографией на 1999 г. см.: *Ланда Р. Г.* Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 53—70.

⁶² *Charaszkiewicz E.* Referat o zagadnieniu prometejskim, 12 luty 1940. Op. cit.

⁶³ Джафер Сейдамет (1889—1960) — юрист, выпускник Сорбонны; бывший министр иностранных дел Крымского правительства, глава Национальной партии крымских татар «Милли Фирка» (Татарская партия) в 1917—1919 гг. Большую часть жизни прожил в Турции.

⁶⁴ *Charaszkiewicz E.* Referat o zagadnieniu prometejskim, 12 luty 1940. Op. cit.

⁶⁵ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 89—91.

⁶⁶ *Sprawy narodowościowe.* R. 1. 1927. № 1. S. 87.

⁶⁷ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 5.

⁶⁸ Обзор деятельности экспозитуры № 2 в среде эмигрантских организаций, входивших в объединение «Прометей» // РГВА. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

⁶⁹ Там же. Л. 15.

⁷⁰ Влодзимеж Бончковский (1905—2000) родился неподалеку от Байкала, окончил гимназию в Харбине, Варшавский университет. С 1930 г. сотрудничал с Восточным институтом, в 1928 г. основал Восточное молодежное коло, стал редактором журнала «Восток» (*Wschód—Orient*), с 1932 г. — редактором «Польско-украинского бюллетеня» (с 1939 г. — «Проблемы Восточной Европы»).

⁷¹ *Bączkowski W.* Uwagi o istocie siły rosyjskiej. Część 1 // *Wschód-Orient.* Kwartalnik poświęcony sprawom Wschodu. Warszawa, 1938. Październik—grudzień. URL: <http://geopolityka.net/uwagi-o-istocie-sily-rosyjskiej-cz-1/>; дата обращения 11.07.2019.

⁷² *Бончковский В.* Актуальные заметки // Северный Кавказ. (Варшава). 1935. № 16. С. 9.

⁷³ Обзор деятельности экспозитуры № 2... Л. 14.

⁷⁴ Он же — Вильгельм Мартель (Martel), резидент отделения польской военной разведки в Париже в 1928—1930 гг.

⁷⁵ *Charaszkiewicz E.* Referat o zagadnieniu prometejskim, 12 luty 1940. Op. cit.

⁷⁶ Северный Кавказ. (Варшава). 1938. № 7. С. 33.

⁷⁷ <http://www.pilsudski.org.uk/pl/archiwum-148.php>; дата обращения 18.07.2019.

⁷⁸ <http://www.pilsudski.org.uk/pl/>; дата обращения 18.07.2019.

⁷⁹ Józef Piłsudski Institute in London, the Prometheus Collection. URL: <http://cultural-opposition.eu/registry/?lang=en&uri=http://courage.btk.mta.hu/courage/individual/n14383&type=collections>; дата обращения 4.08.2019.

⁸⁰ *Комар В.* Участь Романа Смаль-Стоцького в міжнародному прометеївському русі // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: Сборник научных работ. Львів, 2008. № 17. С. 212—218.

⁸¹ *Libera P.* II Rzeczpospolita wobec ruchu prometejskiego // *Wojskowe Teki Archiwalne*. Warszawa. 2013. T. IV. S. 15—16.

⁸² *Kornat M.* Kilka refleksji o losach idei prometejskiej. Op. cit. S. 90.

⁸³ В 1946 г. в Риме Гедройц основал Литературный институт (Instytut Literacki), задачей которого был выпуск для солдат армии Андерса, оставшихся после войны в эмиграции, литературы, альбомов и пр. В 1947 г. там же вышел первый номер «Культуры», вскоре Гедройц переехал в Мезон-Лаффит под Парижем.

⁸⁴ Павел Коваль (*Kowal*; под. 1975) — один из создателей Музея Варшавского восстания, главный редактор журнала «Международные отношения» (*Sprawy Międzynarodowe*) и «Варшавский восточно-европейский обзор» (*Warsaw East European Review*). В 2009—2014 гг. депутат Европарламента и глава делегации в Комиссии сотрудничества ЕС — Украина. Автор монографий о восточной политике Польши после 1989 г.: *Testament Prometeusza. Źródła polityki wschodniej III Rzeczypospolitej*. Warszawa, 2018. — 761 s.; *Testament Prometeusza*. Warszawa, 2019. — 768 s.

⁸⁵ Интервью П. Ковалья на встрече в цикле «Мир из другой бочки» (*Świat z innej beczki*) 20 мая 2019 г. в Лодзи. URL: <http://obserwatormiędzynarodowy.pl/2019/07/01/pawel-kowal-polska-polityka-wschodnia-jest-genetycznie-związana-niepodległością-rzeczypospolitej-wywiad/>; дата обращения 26.07.2019.

⁸⁶ *Белов И. Е.* Гедройц — проповедник духа свободы // <https://culture.pl/ru/article/ezhigedroyc-proповедник-duha-svobody>; дата обращения 2.08.2019.

⁸⁷ *Giedroyc J., Mieroszewski J.* Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB // *Kultura*. 1974. № 9.

⁸⁸ *Мерошевский Ю.* Российский польский комплекс и территория УЛБ (Украина, Литва, Беларусь) // *Континент (Париж)*. 1975, № 4. С. 321—339. URL: http://kulturaraparska.com/ru/ludzie/pokaz/%D0%BC/juliusz_mieroszewski; дата обращения 31.07.2019.

⁸⁹ Там же. С. 330—332.

⁹⁰ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1.

⁹¹ *Lewandowski J.* Federalism, Litwa i Białorus w polityce obozu belwederskiego. W., 1962; *Lewandowski J.* Imperializm stabosci. W., 1967.

⁹² *Mikulicz S.* Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1971.

⁹³ Posiedzenie Biura Politycznego KC KPZR 10. IX. 1981 // *Generał Pawłow*. Byłem rezydentem KGB w Polsce. Protokoły, których nie przywiózł Jelcyń. W., 1994. S. 349—350.

⁹⁴ Медведев Р. А. Политические портреты. Леонид Брежнев, Юрий Андропов. Кризис в Польше. 1980—1981 гг. URL: <https://history.wikireading.ru/288384>; дата обращения 3.08.2019.

⁹⁵ См., например: Павлов В. Г. Руководители Польши глазами разведчика. М., 1998.

⁹⁶ Йозеф Ратцингер (Ratzinger; род. 1927), в 2005—2013 гг. папа Римский с именем Бенедикта XVI. 9 мая 2005 г. он начал процесс беатификации своего предшественника, Иоанна Павла II, не дожидаясь прошествия пяти лет с момента его смерти.

⁹⁷ Агостино Казароли (Casaroli; 1914—1998) — кардинал, в 1979—1990 гг. государственный секретарь Святого престола

⁹⁸ <https://vaticanstate.ru/predstavitelstvo-v-rf/>; дата обращения 3.08.2019.

⁹⁹ Интервью П. Коваля на встрече в цикле «Мир из другой бочки» (*Świat z innej beczki*) 20 мая 2019 г. в Лодзи. URL: <http://obserwatormiedzynarodowy.pl/2019/07/01/pawel-kowal-polska-polityka-wschodnia-jest-genetycznie-zwiazana-niepodlegloscia-rzeczypospolitej-wywiad/>; дата обращения 26.07.2019.

¹⁰⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998.

¹⁰¹ Там же. С. 64.

¹⁰² Там же. С. 104.

¹⁰³ Полное название исследования: Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка (*The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*), 1996.

¹⁰⁴ Предисловие Збигнева Бжезинского к книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». URL: <https://www.litres.ru/semuel-hantington/stolknovenie-civilizaciy/chitat-onlayn/>; дата обращения 3.08.2019.

¹⁰⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 57.

¹⁰⁶ Бжезинский З. Указ. соч. С. 63.

¹⁰⁷ Юрий Дроздов: Всё ужасное для России только начинается // <http://artyushenkooleg.ru/wp-oleg/archives/792?fbclid=IwAR2YR60giCoAhCGssxWTW9gNdTcZv5o0qYV5mnPLMYmcXs1HCwsMIwKFqIU>; дата обращения 23.07.2019.

¹⁰⁸ Бакатин В. Избавление от КГБ. Серия: Время — События — Люди. М., 1992. — 267с.

¹⁰⁹ http://www.worldcourts.com/eccis/rus/conventions/1991.12.08_Agreement_CIS.htm; дата обращения 29.07.2019.

¹¹⁰ Libera P. Op. cit. S. 18—28; Pisuliński J. Prometeizm — problemy i pytania historyczne // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918—1940). Warszawa, 2012. S. 91—104; i inn.

¹¹¹ Materski W. Kaukaz w polityce międzynarodowej 1917—1921 // Ruch prometejski I walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918—1940). Studia i szkice. Warszawa, 2012.

¹¹² Kornat M. Idea prometejska a polska polityka zagraniczna (1921—1939/1940) // Ruch prometejski i walka o przebudowę Europy Wschodniej (1918—1940). Studia i szkice. Warszawa, 2012.

¹¹³ М. Корнат — специалист по истории СССР, лауреат Премии им. Е. Гедройца за 2005 г., член Редакционного совета журнала «Новая Восточная Европа».

¹¹⁴ Kornat M. Ruch prometejski — ważne doświadczenie polityki zagranicznej II Rzeczypospolitej // Nowa Europa Wschodnia. 2008 № 2. S. 76—86.

¹¹⁵ Światłowski B. Prometejska racja stanu. Źródła I dzieje ruchu prometejskiego w II Rzeczypospolitej // Poliarchia. 2014. № 2. S. 147–180.

¹¹⁶ <http://www.skubi.net/nalecz.html>; дата обращения 28.07.2019.

¹¹⁷ Катажина Пелчинска-Наленч (Pełczyńska-Nałęcz; род. 1970) в 1999–2012 гг. начальник Российского отдела в Центре восточных исследований, позднее заместитель директора и представитель Центра в Брюсселе. В 2012–2014 гг. заместитель министра иностранных дел Польши, в 2014–2016 гг. посол в РФ. С июля 2016 г. директор программы Открытого европейского Фонда имени Стефана Батория (<http://www.batory.org.pl/>). Цели финансирования Фонда: укрепление роли неправительственных организаций и повышение активности граждан; пропаганда принципов правового государства и прозрачности в общественной жизни, а также борьба со злоупотреблениями со стороны властей, –развитие международного сотрудничества и солидарности. Фонд аффилирован с Варшавским бюро Европейского совета по международным отношениям (*Warszawskie Biuro Europejskiej Rady Spraw Zagranicznych -European Council on Foreign Relations* — ECFR: <https://www.ecfr.eu/>). Цель Варшавского бюро Европейского совета по внешней политике — включение Союза польских политических и экспертных центров в общеевропейский диалог о внешней политике. Приоритетный регион интересов: государства Восточного партнерства (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия и Украина) и Россия, Западно-Балканский регион и Турция. Совет имеет штаб-квартиру в Лондоне, основатель — Марк Леонард.

¹¹⁸ Проект Европейского союза, имеющий основной заявленной целью развитие интеграционных связей Евросоюза с шестью странами бывшего СССР: Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной.

¹¹⁹ «Национальный фонд демократии», основан Рональдом Рейганом и Карлом Хершманом в 1983 г. от имени Конгресса США для продвижения демократии. Миссия фонда: «содействие становлению и развитию демократии и свободы во всем мире», финансируется Конгрессом США в рамках бюджета агентства США по международному развитию.

¹²⁰ «Журнал демократии», ежеквартальный академический журнал. Основан в 1990 г. как официальная платформа Международного форума демократических исследований Национального фонда демократии. Изучает демократии, демократические режимы и про-демократические движения в мире.

¹²¹ Kowal P. Testament Prometeusza. Źródła polityki wschodniej III Rzeczypospolitej. W., 2018; *Ten że*. Testament Prometeusza. W., 2019.

¹²² Кшиштоф Скубишевский (Skubiszewski; 1926–2010) — министр иностранных дел ПНР в 1989–1992 гг. В феврале 1991 г. в Вишеграде (Венгрия) подписана «Декларация о кооперации между Польской Республикой, Чехословацкой Федеративной Республикой и Венгерской Республикой на пути к Европейской интеграции». В августе 1991 г. на встрече в Ваймаре (Германия) Скубишевский, Г. Д. Геншер и Р. Дюма приняли решение о создании «Веймарского треугольника»; в 1991 г. Польшу приняли в Совет Европы.

¹²³ Тадеуш Мазовецкий (Mazowiecki; 1927–2013) — один из лидеров «Солидарности», председатель Совета министров Польши (1989–1991).

¹²⁴ Бронислав Геремек (Geremek; 1932–2008) — диссидент, участник «Солидарности», депутат Сейма (1989–1997), министр иностранных дел (1997–2000), депутат Европарламента (с 2004). Погиб в катастрофе 13 июля 2008 г.

¹²⁵ <http://obserwatormiedzynarodowy.pl/2019/07/01/pawel-kowal-polska-polityka-wschodnia-jest-genetycznie-zwiazana-niepodlegloscia-rzeczypospolitej-wywiad/>; дата обращения 26.07.2019.

¹²⁶ <http://www.new.org.pl/>; дата обращения 24.07.2019.

¹²⁷ Ян Новак-Езораньский — многолетний директор польского отделения радиостанции «Свободная Европа».

¹²⁸ <http://www.kew.org.pl/kew/>; дата обращения 22.07.2019.

¹²⁹ <https://pafw.pl/osoba/andrew-nagorski-2/>, <http://www.andrewnagorski.com/>; дата обращения 23.07.2019.

¹³⁰ <https://pafw.pl/rada-dyrektorow/>; дата обращения 23.07.2019.

¹³¹ <https://www.osw.waw.pl/pl/>; дата обращения 24.07.2019.

¹³² <http://nowyprometeusz.pl/o-nas/>; дата обращения 24.07.2019.

¹³³ <https://studium.uw.edu.pl/konferencje/konferencja-prometejska/edycje-konferencji-prometejskiej/>; дата обращения 21.07.2019.

¹³⁴ Kornat M. Kilka refleksji o losach idei prometejskiej. URL: <http://nowyprometeusz.pl/wp-content/uploads/2018/12/NP12-Kornat.pdf>; дата обращения 25.07.2019.

¹³⁵ Ibid. S. 90–91.

¹³⁶ Делегации шести стран покинут сессию ПАСЕ после восстановления России // Известия. 2019. 26 июня. URL: <https://iz.ru/893211/2019-06-26/delegacii-shesti-stran-pokinut-sessiiu-pase-posle-vostranovleniia-rossii>; дата обращения 4.08.2019.

¹³⁷ Яндиева М. Д. По кодексу чести. Ингушское зарубежье // Новости Грозного. 1991. 2 сентября; Яндиева М. Д., Мальсагов А. А. Общекавказская государственность: вчера, сегодня, завтра // Сердало. 1999. № 51–56; Яндиева М. Д. Вассан-Гирей Джабагиев: возвращение забытого имени // Материалы международной научной конференции «Исмаил Гаспринский — просветитель народов Востока». М., 2001; Яндиева М. Д., Газиков Б. Д. Ингушская политическая публицистика 50-х гг. XX в. В.-Г. Джабагиев на страницах журнала «Свободный Кавказ». Назрань-Москва, 2003, и др.

¹³⁸ Джабагиев В.-Г. Что нужно Кавказу? // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 117.

¹³⁹ Джабагиев В.-Г. Инородцы и Россия // Санкт-Петербургские ведомости. 1907. № 224.

«ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ГЕДРОЙЦА-МЕРОШЕВСКОГО ИЛИ «ПРОМЕТЕИЗМ 2.0»?

Дмитрий Буневич

Несмотря на фундаментальные стратегические изменения, произошедшие в Европе в конце XX в., константой отношений России и Польши продолжает оставаться разница их потенциалов. Она характеризуется превосходством России в территориальных, демографических и военно-стратегических ресурсах¹. Для преодоления этой асимметрии руководство постсоциалистической Польши пыталось применить новые внешнеполитические подходы, связанные с приходом в общественную жизнь польской эмигрантской мысли². Ключевым её элементом стала концепция новой «восточной политики» Польши Е. Гедройца (1906–2000) и Ю. Меровшевского (1906–1976).

Гедройц был самым известным польским публицистом-эмигрантом и главным редактором знаменитого польского журнала «Культура», издававшегося во Франции с 1947 г. Мерошевский — его единомышленником и другом, также работавшим в «Культуре» и других эмигрантских изданиях. В популярной интерпретации концепция Гедройца–Меровшевского базировалась на представлении о том, что Польша, отказываясь от имперских амбиций в духе Ю. Пилсудского, должна стремиться к выстраиванию равноправных и взаимовыгодных отношений со своими соседями. Это должно помочь ей сбалансировать диалог с Россией и обезопасить себя от неё в случае гипотетической угрозы³.

Согласно концепции, ключевое значение для российской политики в отношении Польского государства имеет ситуация в странах Восточной Европы — Украине, Литве и Белоруссии. Контроль Москвы над этими странами открывает путь к установлению российского господства в Польше, а их независимость является фактором, прямо способствующим

щим сохранению Варшавы в качестве суверенного игрока. Гедройц исходил из того представления, что относительно развитая в экономическом, политическом и культурном смысле Польша должна стать своеобразным «проводником» Востока в Европу. Он полагал также, что независимая Польша должна уделять особое внимание сотрудничеству с Украиной, для чего необходим «процесс примирения с украинским народом»⁴. Украина, по мысли Гедройца, является частью западной цивилизации, и историческая миссия поляков заключается не в имперской Ягеллонской идее⁵, а в дружественной поддержке строительства демократических национальных государств украинцами, а также белорусами и литовцами⁶. В отношении самой России Гедройц предлагал начать процесс нормализации отношений и преодоления исторических обид: «Мы знаем лишь то, какой вред причинила нам Россия, и русские также видят нашу страну в искажённом свете. Это можно изменить только с помощью упорного труда, прежде всего идя путём культурного сотрудничества»⁷.

Выстраивание конструктивных отношений с Россией было всё же второстепенной задачей в рамках этой концепции, а на первом месте стояло укрепление связей Польши с независимыми национальными украинским, литовским и белорусским государствами. Даже польские эксперты признавали, что в основе доктрины Гедройца–Мерошевского «лежало глубокое убеждение в том, что Украина и Белоруссия настроены достаточно антироссийски»⁸. Вместе с тем концепция Гедройца–Мерошевского «внесла вклад в деимперилизацию польского мышления о Восточной Европе, ликвидируя искушения реваншизма, что следует считать одним из важнейших достижений польской политической мысли»⁹.

Действительно, Гедройц пользовался большим авторитетом среди польского политического класса. Например, в ходе своего первого зарубежного визита в качестве главы государства в Париж А. Квасьневский в 1995 г. счёл необходимым встретиться с ним, а советник президента Е. Помяновский утверждал впоследствии, что именно беседа с Гедройцем, прожившим более полувека вне Польши, позволила третьему президенту пересмотреть польскую политику на Востоке¹⁰.

Можно было бы предположить, что основные цели «восточной политики» оказались достигнуты уже 1991 г., когда стали независимыми государствами Украина, Литва и Белоруссия. В действительности, этим были лишь заложены основы польско-российского противостояния, связанного с разным видением нового порядка в регионе. Поляки полагали, что молодые государства должны двигаться по пути «системной трансформации»: либерализация, рынок и ускоренная интеграция в евроатлантические структуры. Для Москвы же характер политической или экономической системы, которая сложится в новых независимых странах, изначально не

имел принципиального значения. Главным было сохранение их военно-стратегических, экономических и гуманитарных связей с Россией.

Вопреки тезисам Гедройца, Литва вскоре перестала рассматриваться в Польше как одно из направлений «восточной политики». Об этом прямо заявил министр иностранных дел В. Бартошевский в 1995 г., отметив, что не хочет объединять Литву с Россией, Украиной и Белоруссией, потому что «сегодня литовцы обостренно реагируют на это»¹¹. Литва после распада Советского Союза полностью дистанцировалась от своего советского прошлого и стран СНГ, взяв, как и Польша, курс на европейскую и атлантическую интеграцию. Таким образом, под «восточной политикой» польские лидеры в действительности понимали, прежде всего, политику в отношении постсоциалистических стран, которые продолжали ориентироваться на Москву или, во всяком случае, колебались между Россией и евроатлантическим курсом.

В начале 1990-х гг. польско-российское противостояние в Восточной Европе ещё не было столь острым. Негативные тенденции начали всё заметнее проявляться с 1993—1994 гг., когда стало понятно принципиальное различие в российском и польском понимании стратегического развития региона. Программным выражением российского взгляда стала Концепция внешней политики, а также военная доктрина страны 1993 г., где появились положения об особой ответственности России на пространстве «так называемого ближнего зарубежья»¹². Реакция Польши на эти изменения была обеспокоенной. Тогдашний глава польского МИД А. Олеховский заявил: «Очевидным образом нас беспокоят мнения об “особых интересах” и “особой роли” России на Украине. Такие подходы не способствуют стабильности в Европе. Мы их не принимаем, глубоко веря, что независимость Украины способствует в долгосрочном периоде также развитию демократии и экономики России»¹³. Москву, в свою очередь, раздражало стремление Польши во что бы то ни стало присоединиться к НАТО. Кроме того, Польша регулярно выступала с публичной критикой России за операцию в Чечне¹⁴.

Россия, тем не менее, не отказывалась полностью от попыток найти компромисс с Польшей. Слова главы МИД И. С. Иванова о том, что Москва смирилась с новым статусом Варшавы как полноправного члена Североатлантического альянса и не возражает против вступления страны в ЕС, казалось, открыли возможности для аккуратной нормализации отношений¹⁵. И действительно, в период 2001—2004 гг. обе страны публично заявляли о взаимном уважении интересов в регионе. Определённое развитие получило сотрудничество в области энергетики и инвестиционных программ. Шёл диалог по трудному Катынскому вопросу¹⁶. Отметим, что происходило на фоне общего потепления отношений

между Россией и Западом, наметившегося поле террористических атак 11 сентября и продолжавшимся вплоть до начала войны в Ираке в 2003 г.¹⁷ Польша как новый член НАТО и кандидат на вступление в ЕС не могла тогда себе позволить слишком явно проводить «восточную политику», которая бы осложняла отношения её союзников с Россией.

Тем не менее Варшава и в этот период не отказалась от целей своей «восточной политики». Польша стремилась укрепить влияние на Украине и в Белоруссии, используя возможности и инструментарий, предоставленный ЕС и НАТО. В 2001 г. польский МИД подготовил декларацию «Восточная политика Евросоюза в преддверии расширения ЕС в страны Центральной и Восточной Европы», которая провозглашала в качестве общеевропейской задачи «на востоке» необходимость «убедить политические элиты и общества стран СНГ в преимуществах от ориентации на сотрудничество с ЕС»¹⁸. Это было уникальное событие: ещё не став членом Евросоюза, Польша пыталась сформулировать политику ЕС в отношении целого региона. В России же польские предложения были встречены с серьёзным раздражением¹⁹.

После присоединения к ЕС в 2004 г. Варшава предприняла усилия к пересмотру в духе декларации Европейской политики соседства, которая изначально адресовалась странам, не имевшим перспективы членства в Евросоюзе, и выступала в качестве альтернативы ему²⁰. Переломным для польской политики на Востоке стал рубеж 2004–2005 гг. Ещё осенью 2004 г. в ходе своего очередного визита в Москву А. Квасьневский с оптимизмом отмечал, что «демократическая, плюралистическая, стабильная и развивающаяся Россия — это надежда всего демократического мира и Польши»²¹. Но уже вскоре между двумя странами выявились серьёзные противоречия, в основе которых лежало неприятие Москвой активизации польской политики, направленной на ослабление российского влияния в «ближнем зарубежье». Свидетельством это стало активное участие польского президента в украинском кризисе 2004–2005 гг., который был разрешён в январе к явному неудовольствию Москвы²². Польская пресса не скрывала своего восторга от поражения России в ходе «оранжевой революции»: «Рухнул один из последних мифов геополитики XX в., будто Украина обречена быть буфером и сателлитом России. Только на развалинах этого мифа можно построить новую Европу»²³.

Ещё явственнее эта тенденция обозначилась после электорального цикла 2005 г., когда к власти в Варшаве пришли националистически настроенные консервативные католики из партии «Право и справедливость». Её лидеры братья-близнецы Я. и Л. Качиньские выбрали конфронтационную внешнеполитическую стратегию. Опираясь на некоторые теоретические положения концепции Гедройца–Мерошевского, они

сделали своей целью «укрепление независимости» постсоветских стран. Вероятно, братья Качиньские просто совместили концепцию Гедройца—Мерошевского с некоторыми взглядами З. Бжезинского. Согласно которому, Россия без Украины является «простым государством», а Россия с Украиной автоматически становится «евразийской империей»²⁴.

Период 2005—2010 гг. прошёл под знаком последовательной реализации нового прочтения «восточной политики» — активной конкуренции с Россией за влияние в бывших республиках Советского Союза. Борьба включала несколько измерений: политическое, военно-стратегическое, экономическое и гуманитарное. Ключевым элементом конкуренции явилось поддержка Польшей вовлечения постсоветских стран в атлантические проекты. «Предельно важно сохранить двери НАТО открытыми для тех государств, которые желают и готовы присоединиться к организации. Никто не должен удивляться, что Польша остаётся сторонником евроатлантических устремлений Украины и Грузии и верит, что сотрудничество с этими странами важно для альянса», — говорил в 2009 г. министр обороны Польши Б. Клих²⁵.

Именно по предложению Польши Европейским союзом в 2008 г. была принята программа «Восточное партнёрство», которая распространялась на Украину, Молдавию, Армению, Грузию, Азербайджан, Молдавию и в определённой степени — Белоруссию. Внутри страны инициативу поддерживали как национал-консерваторы, контролировавшие Бельведерский дворец, так и либералы из «Гражданской платформы», сформировавшие правительство по итогам парламентских выборов 2007 г. Был продемонстрирован консенсус элит Польши по вопросу приоритетов восточной политики, базирующейся на концепции Гедройца—Мерошевского.

При обсуждении «Восточного партнерства» в Совете ЕС и Европарламенте его инициаторы утверждали, что «стратегическим императивом и одновременно политической инвестицией Евросоюза» должна быть поддержка стремления стран постсоветского пространства провести демократические и рыночные реформы для сближения с ЕС²⁶. Эта политика продолжала принципы, ещё в 1953 г. провозглашённые «Культурой»: «Мы утверждаем, что участвовать в будущем европейском федеративном союзе имеют право не только народы, обладавшие независимыми государствами в 1939 году, но также и украинцы с белорусами»²⁷.

Вполне в духе теории Гедройца—Мерошевского диалог Евросоюза с Украиной в рамках «Восточного партнёрства» строился с позиций дихотомии: либо сотрудничество с Брюсселем, либо с Москвой. Внутри польского экспертного сообщества, однако, звучали отдельные голоса скептиков, призывавших обратить внимание на конфликтный потенциал «Восточного партнёрства» и на угрозу провоцирования кризиса

между Евросоюзом и Россией. Так, в 2011 г. польский исследователь и впоследствии (2014–2016) посол в России К. Пелчиньска-Наленч обращала внимание на то, что программа не способствует сближению государств ЕС и, напротив, демонстрирует наличие существенных разногласий между ними по вопросу выстраивания отношений с Россией и государствами постсоветского пространства²⁸.

Ярким примером практического воплощения теоретических подходов Гедройца–Мерошевского стало участие президента Польши Л. Качиньского в ситуации вокруг грузино-осетино-российского конфликта в августе 2008 г. Польский лидер в разгар кризиса посетил Тбилиси и 14 августа выступил с категорической поддержкой президента Грузии М. Саакашвили, возложив всю ответственность за конфликт на Россию. Поддержка антироссийского курса правительства Саакашвили была не случайным эпизодом, а закономерным продолжением линии на создание и развитие образованного в 2005 г. «Содружества демократического выбора». Это был своеобразный «антироссийский клуб», куда вошёл целый ряд постсоциалистических (преимущественно, постсоветских) государств, ориентированных на атлантический вектор интеграции²⁹. В гуманитарной сфере польская политика на восточном направлении опиралась как на присутствие своих гражданских и околоправительственных структур в бывших республиках СССР, так и на всё большую активность польской Католической церкви на Украине и в Белоруссии. Стоит отметить, впрочем, что такая деятельность Костёла вступала в прямое противоречие с идеями Гедройца, который подчёркивал, что католический прозелитизм на Востоке «противоречит интересам польского государства»³⁰.

Приход в 2007–2010 гг. либерально-консервативной администрации Д. Туска и Б. Коморовского обозначил постепенную (и временную!) коррекцию польской политики на Востоке. Реакцией на слова Президента России Д. А. Медведева, заявившего в 2009 г. на саммите Россия–ЕС, что «мы не хотели бы, чтобы “Восточное партнёрство” превратилось в партнёрство против России»³¹, стала польская инициатива по созданию группы друзей «Восточного партнёрства», куда была приглашена и Москва³². Парадоксальным образом частичной нормализации отношений двух стран способствовала и катастрофа Ту-154 под Смоленском 20 апреля 2010 г., в результате которой погибли президент Польши Л. Качиньский с супругой и другие высокопоставленные лица. Подчёркнутое внимание к этому трагическому событию российского президента³³, объявившего общенациональный траур в России, его видеообращение со словами поддержки к польскому народу, а также многочисленные искренние соболезнования, высказанные простыми гражданами страны, способствовали улучшению отношений двух народов³⁴.

Уже в ноябре 2010 г. недавно избранный президент Б. Коморовский заявил о необходимости переосмысления политического наследия Гедройца и отказа от принципа, согласно которому постсоветские страны должны делать выбор между Россией и Евросоюзом³⁵. Не отказываясь полностью от принципов «восточной политики», он вновь предлагал Польше свою более гибкую и менее конфликтную их редакцию: «Наша вечная проблема состоит в том, что по отношению к России мы чувствуем своё цивилизационное и культурное преимущество и вместе с тем отсутствие силы»³⁶.

В период 2010–2011 г. консервативно-либеральная и проевропейская часть политической элиты Польши взяла курс на постепенное снижение до «необходимого минимума» своих лоббистских усилий по вопросу сближения с ЕС и НАТО государств постсоветского пространства. Могло показаться, что к 2012 г. Польша в целом отказалась от теории Гедройца–Мерошевского в качестве глобальной стратегии на Востоке или кардинально пересмотрела её. Однако эти корректировки внешней политики на восточном направлении не были результатом консенсуса политической элиты. Многие национал-консерваторы продолжали считать «восточную политику» Качиньских в целом правильной и критически относились к корректировке, осуществлённой «Гражданской платформой»³⁷.

В это же период Россия попыталась в форме Евразийского союза начать частичную реинтеграцию пространств Восточной Европы, которые в последние 250 лет так или иначе считались зоной её влияния³⁸. Опасения, вызванные этим процессом, привели Варшаву к новой активизации «восточной политики». Этому же способствовало нарастание в 2012–2013 гг. напряжённости внутри и вокруг Украины в рамках реализации программы «Восточное партнёрство». Польские представители всеми силами стремились добиться прогресса в переговорах Киева и Брюсселя. Всё более очевидным в этот период становилось противопоставление политики «Восточного партнёрства» и предложенного Россией собственного интеграционного проекта.

Неслучайно, что в именно начале 2013 г. была утверждена «Стратегия развития системы национальной безопасности Республики Польша до 2022 г.»³⁹ и приняты законы о финансировании противоракетной и противовоздушной обороны и модернизации вооружённых сил. Тогда же на официальном уровне вновь было подтверждено стремление Польши вернуться к теме размещения на её территории элементов американской ПРО. Разумеется, это вызвало новую волну обеспокоенности и раздражения со стороны России⁴⁰. Польша последовательно усиливала военно-политическое напряжение в восточноевропейском регионе накануне решающего саммита «Восточного партнёрства», который должен был внести ясность в будущее Украины.

На Вильнюсском саммите 28–29 ноября 2013 г. европейцы фактически предложили президенту Украины В. Ф. Януковичу подписать соглашение об ассоциации без каких-либо условий. Этот вариант был отвергнуто им из опасения разрыва экономических связей с Россией. Такое развитие событий способствовало разрастанию внутривнутриполитического противостояния на самой Украине. Польша, бывшая самым главным лоббистом скорейшего подписания соглашения, выступила в числе главных сторонников занявшей киевский Майдан украинской оппозиции, требовавшей немедленного заключения соглашения с ЕС⁴¹.

Вильнюс показал, что польское понимание «восточной политики» строится не на экономическом базисе и распространении лучших европейских практик в государственном администрировании и правовой защите, а в отрыве постсоветских стран от России и усилении в них польского влияния, даже ценой гражданской смуты в этих государствах. Выступая в Сейме в разгар кризиса на Украине, который уже привёл к кровопролитию, глава МИД Р. Сикорский торжественно провозглашал: «...То, что происходит сейчас на Украине — это её возвращение на путь интеграции с ЕС и является реализацией основ польской внешней политики»⁴².

Спустя два года по итогам нового избирательного цикла партия «Право и справедливость» вновь пришла к власти. Национал-клерикалы избрали ещё более конфронтационный курс в отношении России, чем тот, что с 2013 г. проводило правительство «Гражданской платформы». Единственным существенным нововведением стало повышенное внимание к «исторической политике». При национал-консерваторах было зафиксировано понимание Волынской резни 1943–1944 гг. как геноцида польского народа, организованного украинскими националистами⁴³. Одновременно с этим в стране с новой силой начался процесс так называемой десоветизации, выразившийся в том числе в массовом уничтожении монументов, связанных с памятью об освобождении Польши Красной Армией от нацистской оккупации. Правительство «Права и справедливости» также активизировало военно-политическое сотрудничество с США и выступило, невзирая на мнение многих своих западноевропейских союзников, с инициативой строительства в стране крупной американской военной базы («Форт Трамп»).

Таким образом, после 1989 г. Варшава использовала лишь отдельные идеи из концепции Гедройца–Мерошевского. Отбросив антиимпериалистический и гуманитарный пафос мыслителей-эмигрантов, польские политики фактически вернулись к внешнеполитическим концепциям, которые подразумевали распространение польского влияния на Восток с основной целью — противодействовать русскому влиянию⁴⁴. Конечно, в новых условиях не могло быть и речи о присоединении

литовских, белорусских или украинских территорий к Польше. Ставка была сделана на признание и поддержание новых государств на Востоке. Но только в этой части программа Гедройца—Мерошевского и была выполнена. Ни переоценки собственной истории в части отношения к народам Востока, ни исторического примирения, ни равноправного и демократического сотрудничества с Украиной и Белоруссией, ни выстраивания новых и конструктивных отношений с Москвой не произошло. Напротив, с новой силой возобновилась борьба за Украину, что является одной из констант отношений Варшавы и Москвы на протяжении последних веков.

Польский политический класс предпочёл выборочное и весьма своеобразное прочтение концепции Гедройца—Мерошевского, выхолостившее всё его позитивное содержание. При этом политиками было полностью проигнорировано пророческое предупреждение Мерошевского: «...Мы сами должны отказаться раз и навсегда от Вильно, Львова и от какой-либо политики или планов, которые были бы направлены на установление в благоприятных условиях нашего господства на Востоке ценой вышеназванных народов. Поляки, как и русские, должны понять, что только неимпериалистическая Россия и неимпериалистическая Польша имели бы шанс установить и упорядочить свои взаимоотношения»⁴⁵.

Вместо новой «восточной политики» Варшава скорее продемонстрировала преемственность с внешнеполитическими доктринами Первой и Второй Речи Посполитой: Ягеллонской идеей и «прометеизмом» Пилсудского. Парадоксальным образом в рамках практической реализации концепции Гедройца—Мерошевского, декларировавших отказ от идеологии «прометеизма», произошёл ренессанс старых политических подходов. Они теперь не включали в себя элемент прямой экспансии польского государства, но являлись новой, осовремененной версией старой мессианской идеей — своеобразным «прометизмом 2.0».

Возможно, своё влияние на выбор польской элитой именно такого прочтения идей Гедройца—Мерошевского оказало и политическое наследие папы Римского Иоанна Павла II. Ещё в 1991 г. папа-поляк отмечал, говоря о Белоруссии, Украине и Литве: «Мы знаем, насколько все эти территории на протяжении столетий были не предметом... польской колонизации, но территорией общего государства, общей Речи Посполитой, Commonwealth Польши, Литвы и Руси. Эти народы стремятся к своей автономии, к самоопределению, самостоятельности, в том числе и политической... Мы рады этому развитию, этому созреванию народов к востоку от нас»⁴⁶. Воссоздание в той или иной форме этого Commonwealth, кажется, и является стратегической целью наиболее агрессивных и иррациональных групп среди польской политической элиты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мальгин А. В. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4. С. 94–117.

² Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. акад. А. В. Торкунова, проф. А. Д. Ротфельда. М., 2010. С. 628.

³ Giedroyc J., Mieroszewski J. Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB // Kultura. 1974. № 9. S. 9–14.

⁴ Teczki Giedroycia pod red. L. Ungera, I. Hofman. Lublin, 2010, S. 116, 179.

⁵ В польской историографии и публицистике принято противопоставлять Ягеллонскую идею (*idea jagiellońska*) и Пястовскую идею (*idea piastowska*). Первая предусматривает стремление к созданию мультинационального, многоконфессионального государства, ориентированного на Восток в направлении Литвы, Белоруссии и Украины и конкурирующего с Россией. В то время как вторая концепция проповедует необходимость объединения этнических польских земель и строительства моноэтнического государства, географически скорее смещенного на северо-запад и конкурирующего с Германией за территории со сложной исторической судьбой, такие как Силезия.

⁶ Realizm, pragmatyzm, idealizm? // Tygodnik Powszechny. 22.04.2001. S. 88.

⁷ Teczki Giedroycia pod red. L. Ungera, I. Hofman, Lublin, 2010. S. 264.

⁸ Realizm, pragmatyzm, idealizm? // Tygodnik Powszechny. 22.04.2001.

⁹ Debski S. W elitarnym gronie // Nowa Europa Wschodnia. 2009. № 2 (IV). S. 22–24.

¹⁰ Pomianowski J. Gran ad urwiskiem // Rzeczpospolita. 13.08.2005.

¹¹ Bartoszewski W. Informacja ministra spraw zagranicznych o głównych kierunkach polityki zagranicznej Polski. 50. posiedzenie Sejmu, 25 maja 1995 r.

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. 1993. № 1–2. С. 3–23.

¹³ Wystąpienie Andrzeja Olechowskiego na posiedzeniu komisji spraw zagranicznych senatu w 1994 roku // Zbiór Dokumentów. 1994. № 1. S. 42–54.

¹⁴ Бухарин Н. И. Россия — Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е гг. XX в. — первое десятилетие XXI века. М.; СПб., 2014. С. 33.

¹⁵ Fedorowicz K. Stosunki polsko-rosyjskie w polityce wschodniej 1991–2001 // Sprawy Wschodnie. 2004. № 1. S. 50.

¹⁶ Волос М. Научное сотрудничество Польши и России: история, современность, планы на будущее // История и современность. 2008. № 2. С. 154–167.

¹⁷ Баталов Э. Я., Кременюк В. А. Россия и США: соперники или соратники? // США-Канада: ЭПК. 2002. № 6. С. 19–36.

¹⁸ The Eastern Policy of the European Union in the run-up to the EU's enlargement to include the countries of Central and Eastern Europe — Poland's viewpoint (official non-paper). Polish Ministry of Foreign Affairs. Warsaw. 2001. P. 8.

¹⁹ Dębski S. «Polityka wschodnia» — mit i doktryna // Polski Przegląd Dyplomatyczny. 2006. № 3. S. 1.

²⁰ Wider Europe— Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. Communication from the Commission to the European Council and

the European Parliament. Brussels. 11.03.2003. P. 4. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_en.pdf; дата обращения 11.02.2020.

²¹ Квасьневский А. Россия и Польша нуждаются в диалоге: лекция, прочитанная в Московском государственном университете им. Ломоносова // Новая Польша. 2004. № 10. С. 3.

²² Бухарин Н. И. Указ. соч. С. 45–46.

²³ Gazeta Wyborcza. 2004.12.27.

²⁴ Бжезинский З. Указ. соч. С. 62.

²⁵ Klich B. NATO: A view from Central Europe // *Politique étrangère*. 2009. № 4. P. 83–85.

²⁶ Eastern Partnership. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels. 03.12.2008. P. 15. [Электронный ресурс]. URL: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_en.pdf; дата обращения 11.02.2020.

²⁷ Nieporozumienie czy tani patriotyzm. Nota redakcji / *Kultura*. 1953. № 1. S. 82–83

²⁸ Pełczyńska-Nałęcz K. Szklany Mur // *Nowa Europa Wschodnia*. 2011. № 5. S. 46–58.

²⁹ В «сообщество демократий балто-черноморско-каспийского региона» вошли Литва, Латвия, Эстония, Украина, Грузия, Молдавия, Румыния, Македония, Словения.

³⁰ *Teczki Giedroycia* pod red. L. Ungera, I. Hofman, Lublin, 2010, S. 45.

³¹ Пресс-конференция по итогам саммита Россия — Евросоюз. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2009/05/22/0937_type63380_216699.shtml; дата обращения 11.02.2020.

³² Польша зовет Россию дружить с Восточным партнерством http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/05/100525_poland_friends_partnership.shtml; дата обращения 11.02.2020.

³³ Примечательно, что российский лидер посетил похороны Л. Качиньского и его супруги в Кракове, в то время как, ссылаясь на риски, связанные с вулканическим пеплом в атмосфере из-за извержения вулкана в Исландии, в траурных мероприятиях отказались принять участие президент США Барак Обама, президент Франции Николя Саркози, канцлер Германии Ангела Меркель, премьер-министр Италии Сильвио Берлускони, делегации из Великобритании и Испании, глава Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу и др. высокопоставленные союзники Польши по ЕС и НАТО.

³⁴ Волос М. Начало пути к нормализации? Российско-польские отношения в 2010 г. // *История и современность*. 2011. № 1. С. 210–222.

³⁵ Komorowski B. O wizji Jerzego Giedroycja // *Rzeczpospolita*. 09.11.2010.

³⁶ Komorowski B. Prawa strona. Życie, polityka, anekdota. Warszawa, 2005. S. 50.

³⁷ *Rzeczpospolita*. 08.08.2010.

³⁸ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // *Известия*. 3.10.2011.

³⁹ Strategia rozwoju systemu *bezpieczeństwa* narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2022 — przyjka uchwał Rady Ministrów z dnia 9 kwietnia 2013 r. [Electronic resource]. URL: <http://mon.gov.pl/dokumenty/>; дата обращения 11.02.2020.

⁴⁰ Rosyjsko-polskie konsultacje w sprawie bezpieczeństwa // *Polskie Radio «Gos Rosji»*, 27 February 2013 [Electronic resource]. URL: http://polish.ruvr.ru/2013_02_27/Rosyjsko-polskiekonsultacje-na-temat-bezpieczenstwa; дата обращения 11.02.2020.

⁴¹ Пономарева Е., Шишелина Л. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией / Аналитический доклад, М., 2014. С. 29–30.

⁴² Informacja Ministra Spraw Zagranicznych Radosława Sikorskiego o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2014 roku. 08.05.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/c/MOBILE/aktualnosci/wiadomosci/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2014_roku; дата обращения 11.02.2020.

⁴³ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 22 lipca 2016 r. w sprawie oddania hołdu ofiarom ludobójstwa dokonanego przez nacjonalistów ukraińskich na obywatelach II Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1943–1945.

⁴⁴ Libera P. Polski prometeizm. Jak ewoluował i jak z nim walczone? // Pressje. T. 22–23. Kraków, 2010. S. 89–97.

⁴⁵ Mieroszewski J. Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB // Gazeta Wyborcza. 2004. № 254. 4 grudnia. S. 14.

⁴⁶ Jan Paweł II. Pielgrzymki do Ojczyzny 1979, 1983, 1987, 1991, 1995, 1997, 1999, 2002. Przemówienia, homilie. Kraków, 2012. S. 766–767.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬША И ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ НАТО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ: КРАТКИЕ ИТОГИ И ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Сергей Лаврёнов

В начале 1990-х гг., в контексте стремительных событий, сопровождавших крах мировой системы социализма и последующий распад СССР, Польша не испытывала особых колебаний в выборе своего дальнейшего внешнеполитического курса. Этот выбор был сделан в пользу возвращения в лоно «европейской цивилизации», одного из глобальных на тот момент центров силы, опирающегося на американскую военно-силовую доминанту¹. Пропаганда «возвращения» Польши в лоно европейской цивилизации было положительно воспринято большинством населения, что обеспечило её долгосрочную легитимность.

Немаловажную роль в форсированной «смене вех» сыграла непростая история российско-польских отношений. Сложные аспекты двусторонних отношений (участие России в разделах Польши, подавление польских восстаний в XIX в., Советско-польская война 1919–1921 гг., Катынский расстрел 1940 г. и др.) при помощи польских СМИ заложили концептуальную основу для резкого разворота внешнеполитического курса постсоветской Польши. Не случайно, последняя, одна из первых среди бывших социалистических стран, учредила т. н. историческую политику, целью которой является интерпретация проблемных вопросов двусторонних отношений в выгодном для Варшавы свете.

Вывод российской группировки с польской территории в сентябре 1993 г. окончательно открыл Польше «дверь на Запад», где приоритет был отдан развитию отношений с США, единственной, на тот момент,

сверхдержаве, способной предоставить надежные гарантии военной безопасности Польши². Немаловажную роль в установлении «особых» отношений Варшавы с Вашингтоном сыграло нахождение в США многомиллионной польской диаспоры³. Взамен на поддержку США, Польша делегировала себе роль «проводника» американского влияния в Европе. Такое позиционирование, помимо прочего, должно было придать Варшаве дополнительный вес в европейской политике. В частности, после вступления Польши в ЕС Варшава стала претендовать на то, чтобы стать главным представителем Брюсселя во взаимоотношениях с восточноевропейскими странами (Чехией, Словакией, Болгарией) и рядом бывших советских республик (прежде всего, Украиной и Беларусью).

Примечательно, что Польша сначала вступила в Североатлантический договор, а затем уже в ЕС: членом НАТО Польша стала 12 марта 1999 г., а членом ЕС — 1 мая 2004 г. При этом вооруженные силы НАТО появились на польской земле еще до формального вступления Польши в альянс. Первые совместные учения Польши с НАТО состоялись в 1994 г. на полигоне под Познанью. С 1996 г. НАТО стало использовать для учений полигон в Дравско-Поморске в Западной Польше. Еще не став формально членом НАТО, Польша доказала свою лояльность тем, что приняла участие (в составе натовских коалиционных сил) в войне в Персидском заливе в 1991 г. Едва вступив в Североатлантический договор, Варшава поддержала нанесение бомбовых ударов натовской авиации по территории Югославии (1999).

Вступление в альянс было расценено польской политической элитой как историческое событие, дающее ей шанс впредь не опасаться «российской угрозы». Однако, взамен, Варшаву ожидали дополнительные обязательства в военно-политической сфере. Наиболее значимой услугой, которую оказала Польша Вашингтону, стала поддержка Варшавой предложения американцев о размещении в Европе элементов системы национальной ПРО. Формальным поводом для этого являлась якобы необходимость защиты территории союзников США и дружественных им стран от иранской и севернo-кoрейской ядерной угрозы. Демонстрируя свою решимость реализовать данный проект, США в июне 2002 г. вышли из Договора 1972 г. об ограничении систем противоракетной обороны. Москва заявила об отрицательном отношении к подобному решению, настаивая на том, что этот документ является «краеугольным камнем стратегической стабильности и безопасности»⁴.

Первоначально предложение о размещении элементов американской системы ПРО в Европе, впервые официально поднятое американцами в 2007 г., не вызвало восторга в евроструктурах, где еще не забыли

о «военной тревоге» 1983 г., когда размещение советских и американских ракет средней и меньшей дальности в Европе едва не поставило мир на грань ядерной войны. Кроме того, «старую Европу» в лице, прежде всего Германии и Франции, раздражала демонстративная готовность Польши быть безоговорочным «агентом влияния» американцев в Европе, с какими бы инициативами те не выступали.

Тем не менее Вашингтону удалось «продать» свое решение. В связи с удачным испытанием в 2013 г. северокорейской ракеты-носителя Ынха-3 стало очевидным, что КНДР с этого момента располагает необходимыми технологиями для создания межконтинентальных баллистических ракет, способных поразить любую цель на территории Европы и США. Тем самым, формальный предлог для развертывания элементов американской национальной ПРО, казалось, нашел подтверждение. Вашингтоном, по «горячим следам», был принят ряд масштабных решений: об увеличении числа противоракет, развёрнутых на Аляске и в Калифорнии; создании третьего района базирования противоракет GBI⁵ на Атлантическом побережье, способного прикрыть основные населённые центры и, что самое важное — о развертывании противоракетных баз на территории ряда европейских стран с последующим включением их в зону действия американской ПРО.

Помимо Великобритании, ближайшего союзника США, ряд восточноевропейских стран — Польша, Чехия, Венгрия и Румыния⁶ — выразили готовность разместить на своей территории элементы системы американской ПРО, включая противоракеты GBI.

Предварительная договоренность Варшавы и Вашингтона по этому вопросу была достигнута в сентябре 2006 г. во время визита в США тогдашнего премьер-министра Польши Я. Качиньского. Договорённость предполагала размещение на территории Польши десяти ракет-перехватчиков GBI в защищённых подземных шахтах к 2011–2012 гг. Одним из главных доводов польского премьера-министра Качиньского в пользу этого решения вновь стало утверждение о том, что размещение в Польше американской базы ПРО предоставит ей гарантию относительно того, что Россия уже не сможет вернуть Польшу в свою сферу влияния.

Работы по созданию соответствующей инфраструктуры были резко ускорены после российско-грузинского вооруженного конфликта в августе 2008 г. 20 августа 2008 г. США и Польша подписали соглашение о размещении к 2013 г. на базе в районе поселка Редзиково (Поморское воеводство, рядом с г. Слупск) 10 ракет-перехватчиков дальнего действия GBI шахтного базирования. Другой элемент ПРО, многофункциональная РЛС для обнаружения и сопровождения целей, отслежива-

ния пусков ракет и оценки результатов стрельбы предполагалось разместить на полигоне Брды юго-западнее Праги (Чехия).

Однако реализация соглашения продвигалась медленно. Столкнувшись с растущей оппозицией со стороны России планам размещения американской ПРО в европейских странах, тогдашний президент США Б. Обама 17 сентября 2009 г. заявил о коренном пересмотре предыдущих планов и провозгласил так называемый «гибкий поэтапный подход» (*European Phased Adaptive Approach*, ЕРАА) к развертыванию ПРО в Европе⁷. За этим последовали и другие изменения. США и Польша подписали дополнительное соглашение о ПРО, согласно которому вместо противоракет GBI в Польше предполагалось разместить наземный комплекс ПРО *Aegis Ashore* (аналог корабельного комплекса ПРО *Aegis*), включающий в себя РЛС AN/SPY-1 с фазированной антенной решеткой (ФАР) и 24 установки вертикального пуска (УВП) Mk.41 для противоракет SM-3 Block IIА⁸. Проведем несложные расчеты применительно к Восточной Европе. Потолок SM-3, этой самой дальнобойной зенитной управляемой ракеты США, составляет 250 км, радиус захвата цели системой *Aegis Ashor* — 500 км. Соответственно, тактико-технические характеристики этого комплекса позволяют поражать моноблочные баллистические ракеты. В 2015 г. в США возобновили программу размещения на одной противоракете нескольких кинетических перехватчиков под названием *Multi Object Kill Vehicle*. Кроме того, с планируемым введением в строй мобильного радар морского базирования комплекс может приобрести потенциальную способность поражать космические объекты в любой точке земного шара. Не исключено также оснащение ракет ядерной боевой частью (в настоящее время находится на стадии тестирования) — в этом случае ракетный комплекс получит возможность наносить молниеносные точечные удары по защищенным наземным и подземным объектам. Но, может быть, наиболее дестабилизирующим аспектом является то, что тактико-технические характеристики УВП, помимо противоракет, позволяют размещать крылатые ракеты «Томагавк», в том числе и с ядерными боеголовками и с дальностью стрельбы 2400 км. Подобная ситуация стала дополнительным вызовом для и без того хрупкой системе региональной безопасности.

Размещение элементов американской национальной системы ПРО в Польше дало толчок для развития военного сотрудничества США и Польши и в других сферах. Так, 11 декабря 2009 г. Польша и США подписали Соглашение о статусе сил (*Status of Force Agreement*, SOFA), создавшего юридические основания для размещения в стране американских военнослужащих. Помимо ПРО, активизировались контакты

двух сторон в области ПВО. 25 мая 2010 г. в Польшу прибыла первая учебная батарея американских ЗРК *Patriot*⁹ и около 120 военнослужащих для обучения польских военных использованию этого комплекса, который Варшава намеревается закупить в США и сделать её базовой для национальной ПВО. Батарея дислоцировалась в г. Моронг (Варминьско-Мазурское воеводство, в 60 км от границы с российской Калининградской областью).

Одновременно Варшава проявила интерес к зенитно-ракетной системе MEADS (*Medium Extended Air Defense System*). Перспективный мобильный зенитно-ракетный комплекс (ЗРК) MEADS предназначен для обороны группировок войск и важных объектов от оперативно-тактических баллистических ракет с дальностью полета до 1 000 км, крылатых ракет, самолетов и беспилотных летательных аппаратов противника.

13 мая 2011 г. было подписано польско-американское соглашение о размещении в Польше на ротационной основе американской боевой авиации. Согласно этому соглашению, в ноябре 2012 г. на авиабазе Ласк (юго-западнее г. Лодзь) был развернут американский авиационный передовой отряд, в состав которого вошла эскадрилья истребителей F-16 и звено транспортных самолетов *Lockheed C-130 Hercules* ВВС США. На ротационной основе на аэродроме в г. Ласк дислоцировались также истребители-бомбардировщики F-16 31-го истребительного авиакрыла ВВС США, переброшенные с базы Авиано (Италия). На вооружении этих истребителей находятся тактические ядерные авиабомбы B61. Однако в ближайшее время их в этом качестве могут сменить новейшие истребители-бомбардировщики средней дальности F-35, способных нести авиабомбы как в ядерном, так и в неядерном снаряжении. Они будут вооружены перспективной ядерной авиабомбой «B-61-12» с боезарядами в 50, 10, 1,5 и 0,3 килотонны. Данный вид боеприпасов придаст новый характер боевым возможностям нестратегических ядерных сил НАТО. Новое семейство авиабомб B61-12, благодаря хвостовому оперению и системе наведения, аналогичной управляемым бомбам JDAM¹⁰, станет управляемой и высокоточной¹¹. Фактически B61-12 будет представлять собой бомбу двойного назначения: она может являться элементом как стратегических наступательных вооружений при доставке тяжелыми бомбардировщиками, так и нестратегическим ядерным боезарядом при использовании самолетами тактической авиации. С аэродромов Польши и стран Балтии полетное время самолетов F-35 к российской территории составляет считанные минуты.

Военное присутствие США и других стран НАТО в Польше еще более активизировалось после государственного переворота на Украине

в феврале 2014 г. К этому времени вооруженные силы Польши были полностью реорганизованы в соответствии со стандартами НАТО¹².

С апреля 2014 г. на территории ряда восточноевропейских стран начал осуществляться комплекс военных и военно-политических мероприятий, направленных, как это было официально заявлено, на то, чтобы убедить союзников и партнеров в решимости Америки «установить прочный мир и стабильность в регионе в свете «российской интервенции в Украину» (операция *Atlantic Resolve* — «Атлантическая решимость»). 23 апреля 2014 г. в Польшу прибыла рота воздушных десантников (около 150 военнослужащих) 173-й воздушно-десантной бригады армии США, дислоцирующейся в Виченце (Северная Италия). В октябре 2014 г. десантников сменили подразделения 1-й бригадной боевой группы 1-й кавалерийской (бронетанковой) дивизии из Форт-Худа (штат Техас). В их составе на польской земле впервые появились танки M1A2 *Abrams*.

С тех пор ротации подразделений армии США в Польше стали осуществляться на регулярной основе. Польская авиабаза Мальборк (Варминьско-Мазурское воеводство) стала использоваться для усиления истребительной авиации НАТО, несущей боевое дежурство по защите воздушного пространства стран Прибалтики. Здесь на ротационной основе размещаются самолеты-истребители ВВС Франции, Нидерландов и Бельгии.

На территории страны регулярно проводятся учения альянса по отработке применения как сухопутных сил, так и ВВС и ВМС. С этой целью используются практически все польские полигоны (Дравско-Поморске, Венджин, Бедруско, Жагань-Свентошув, Устка, Гжицко, Вегножево, Ожиш, Торунь, Нова-Демба и др.). В частности, американские летчики получили возможность тренироваться ведению условного воздушного боя против польских летчиков на МиГ-29 и др.

Одновременно с наращиванием военного сотрудничества с США Польша активизировала свою роль в европейской общей политике безопасности и обороны (ESDP). Еще в июле 1997 г. на встрече министров обороны Германии, Дании и Польши было принято решение создать германско-датско-польский армейский корпус на базе германско-датского корпуса, сформированного в 1962 г.¹³ После вступления Польши в НАТО 12 марта 1999 г., 18 сентября того же года состоялась церемония инаугурации многонационального армейского корпуса под названием «Северо-Восток», ставшего частью Сил быстрого реагирования НАТО (*High Readiness Forces*, HRF). От Польши в состав корпуса «Северо-Восток» вошла 12-я Щецинская механизированная дивизия им. Болеслава Кривоустого.

В ноябре 2005 г. корпус достиг полной оперативной готовности. Штаб корпуса создан на базе польского дивизионного командования в г. Щецин. Он осуществляет оперативное командование и управление шестью интеграционными единицами НАТО (*NATO Force Integration Units*, NFIU¹⁴) в Польше (Быдгощ), Литве (Вильнюс), Латвии (Рига), Эстонии (Таллин), Словакии (Братислава) и Венгрии (Секешфехервар). В настоящее время в работе штаба, в той или иной степени, участвуют 22 страны НАТО, а также Финляндия и Швеция. В июне 2013 г. корпус впервые принял участие в учениях в Литве, Латвии и Эстонии (учения НАТО *Saber Strike 2013*).

25 января 2016 г. в Люблине (Польша) начал функционировать штаб еще одного многонационального соединения — литовско-польско-украинской бригады (LITPOLUKRBRIG), официально предназначенной для участия в международных миротворческих и гуманитарных операциях. Соглашение о её создании было подписано в Варшаве 19 сентября 2014 г. Общая численность бригады — около 4,5 тыс. чел. (в т. ч. от Польши — 3,3 тыс. военнослужащих). В мирное время подразделения, входящие в состав бригады, находятся в национальном подчинении и располагаются в пунктах постоянной дислокации.

Помимо вышеназванных боевых единиц НАТО, в Польше находится один из ключевых учебных центров Североатлантического альянса — Объединенный центр боевой подготовки Объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО (*Joint Force Training Centre*, JFTC) в г. Быдгощ. На базе Центра ежегодно проходит обучение около 3 тыс. офицеров и младших специалистов для органов управления войсками (силами) тактического звена. К этому нужно присовокупить расположенных на территории Польши два Центра передового опыта НАТО (*Centres of Excellence*, COEs), предназначенных для подготовки руководителей и экспертов из стран-членов НАТО и из стран-партнеров. Первый из них — Центр передового опыта в области военной полиции (*NATO Military Police Centre of Excellence*, NATO MP COE) — функционирует в г. Быдгощ (основан 11 декабря 2013 г.). Второй Центр передового опыта в области контрразведки (*NATO Counter Intelligence Centre of Excellence*, NATO CI COE), основанный 29 сентября 2015 г. совместно Польшей и Словакией, расположен в Кракове (Польша) и Тимор-Лесте (Словакия).

По итогам саммита НАТО в Варшаве 8–9 июля 2016 г. было принято решение об усилении присутствия НАТО, помимо прибалтийских республик, также в Польше. В каждой из этих стран с начала 2017 г. развернута многонациональная тактическая группа численностью в батальон. В состав тактической группы, дислоцируемой в Польше, вошли американские, британские и румынские подразделения. Батальон разме-

стился в Ожише и Бемово-Писке (Варминьско-Мазурское воеводство, в 120 км от границы с Калининградской области). Примечательно, что командование всех четырех батальонов усиленного передового присутствия дислоцируется на польской территории — в Эльблонге (Варминьско-Мазурское воеводство).

В отличие от Чехии, руководство Польши стремится перевести статус размещенных на её территории военных баз НАТО (прежде всего, американских) с ротационной на постоянную основу. До последнего времени США не торопились с положительным решением этого вопроса, за исключением базы ПРО. Тем более что ротационная основа не препятствует американцам ознакомиться с особенностями будущего театра военных действий, обеспечить боевое слаживание своих частей и подразделений с польскими боевыми единицами и отработать механизм быстрой переброски в Польшу дополнительных сил НАТО. Тем не менее в сентябре 2018 г. США и Польша подписали соглашение о развертывании первой американской военной базы на постоянной основе («форт Трамп»¹⁵), где будут дислоцированы американские сухопутные и авиационные подразделения. Строительство соответствующей инфраструктуры базы (стоимостью около 2 млрд долларов США) будет осуществляться за счет польских инвестиций.

Одновременно руководство НАТО уделяет первостепенное внимание модернизации польской аэродромной сети: ремонту ВПП и рулежных дорожек, переоборудованию стоянок и укрытий для самолетов, оснащению аэродромов новыми образцами радиолокационного оборудования; расширению арсеналов для хранения авиационных боеприпасов и вооружения и др. К настоящему времени на ряде авиабаз (Ласк, Мальборк, Миньск-Мазовецки, Мирославец, Повид и др.) уже осуществлены соответствующие работы.

Важным направлением сотрудничества в настоящее время является модернизация транспортной инфраструктуры восточно-европейских стран, развитие кооперации в области военной логистики и тылу, которая осуществляется в рамках соглашения о постоянном структурированном сотрудничестве (*Permanent Structured Cooperation*, PESCO), заключенного 13 ноября 2017 г.

Важной составляющей взаимодействия Польши и НАТО, по-прежнему, является участие польских военнослужащих в операциях по поддержанию мира и восстановлению порядка и безопасности, проводимых как под эгидой НАТО, так и ООН, ЕС и ОБСЕ. К настоящему моменту польские военнослужащие задействованы в целом ряде миротворческих операций НАТО: международных силах в Косово (KFOR); международных силе стабилизации (SFOR) в Боснии и Герцеговине;

международных силах содействия безопасности в Афганистане; миссии в Ираке (2003–2008 гг.); миссии НАТО по защите воздушного пространства стран Балтии (Силы быстрого реагирования ВВС НАТО) и др.

Активная роль Польши в военном строительстве НАТО, её инициативное участие в развертывании элементов американской системы ПРО не могло остаться без внимания России. В начале октября 2006 г., отправляясь с визитом в Варшаву, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров заявил, что Россия примет соответствующие меры в случае, если Польша разместит на своей территории элементы системы ПРО США¹⁶.

В начале февраля 2007 г. к критике американских планов по развёртыванию элементов системы ПРО в Восточной Европе подключился Президент РФ В. В. Путин. 10 февраля 2007 г., выступая перед участниками Международной конференции по политике безопасности в Мюнхене, он подверг критике планы развёртывания элементов системы глобальной ПРО США в Восточной Европе, указав, что это может привести к очередному витку гонки вооружений, поскольку «ракетного оружия, реально угрожающего Европе, с дальностью действия 5–8 тысяч км нет ни у одной из так называемых проблемных стран»¹⁷. Путин также заявил, что действия США «выступают катализатором гонки вооружений», поскольку «нарушают баланс сил» в мире. Для восстановления этого равновесия России, по его словам, придётся разрабатывать новое наступательное вооружение.

15 февраля 2007 г. начальник Генштаба ВС РФ Ю. Н. Балуевский заявил, что в ответ на создание системы ПРО у своих границ Россия может начать пересмотр всей договорно-правовой системы ядерного сдерживания: «То, что сегодня американцы делают, создавая третий позиционный район ПРО в Европе, не поддается никакому объяснению»¹⁸. По его словам, Россия может в одностороннем порядке выйти из советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД): «Договор... имеет бессрочный характер, но возможность выхода из него существует, если одна из сторон предоставит убедительные доказательства о необходимости выхода. Сегодня они есть: многие страны разрабатывают и совершенствуют ракеты средней дальности, а Россия, выполнив договор о РСМД, потеряла многие системы этого оружия». Аналогичное заявление о возможном выходе России из договора о РСМД ранее (в июне 2000 г.) уже сделал президент Путин в ответ на объявление США о выходе из Договора об ограничении систем ПРО.

26 апреля 2007 г. президент Путин в обращении к Федеральному собранию заявил, что в связи с планами США по развёртыванию систем

ПРО на территории Чехии и Польши Россия может прекратить исполнение своих обязательств по договору ДОВСЕ¹⁹. 27 апреля Путин заявил, что размещение в Европе элементов американской системы ПРО равноценно размещению в Европе в начале 1980-х годов крылатых ракет «Томагавк».

Российская сторона не ограничилась лишь обличительной риторикой, но и выступила с рядом конструктивных предложений, зондирующих подлинные намерения Вашингтона. 7 июня 2007 г. на саммите G8 в Хайлигендамме президент Путин предложил Дж. Бушу совместное использование Габалинской РЛС в Азербайджане, которая, по мнению России, значительно эффективнее, чем РЛС на территории Европы, способна контролировать пространство, из которого может исходить угроза ракетного удара. США, однако, заявили, что возможное согласие на совместное использование Габалинской РЛС не будет означать отказа от развёртывания элементов ПРО в Европе. 15 июня 2007 г. НАТО официально заявило, что поддерживает планы США в области ПРО в Европе и что предложение российского президента В. В. Путина о совместном использовании РЛС в Габале не заменит строительства объектов в Польше и Чехии²⁰.

На американско-российском саммите в Кеннебанкпорте 1–2 июля 2007 г. Путин развил своё предложение о совместном использовании Габалинской РЛС предложением «включить в общую систему и строящуюся станцию по предупреждению ракетных пусков» в Армавире. Было также предложено поставить американскую систему ПРО под контроль Совета Россия — НАТО, сделав её европейским противоракетным щитом, и создать совместные центры раннего предупреждения в Москве и Брюсселе. Однако позиция американцев в отношении Польши и Чехии осталась прежней²¹.

Россия предприняла ещё одну попытку найти компромисс с западными партнерами, предложив европейцам вместо американской системы ПРО создать к 2020 г. единую систему противоракетной обороны с равным доступом к управлению этой системой не только для стран НАТО, но и для всей Европы, включая нейтральные страны. Позитивной реакции не последовало.

13 июля 2007 г. Путин подписал Указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров». В середине августа президент Путин объявил об отданном им приказе возобновить с 17 августа постоянные полёты российской стратегической авиации, не осуществлявшиеся уже 15 лет. 5 ноября 2008 г. в своём обращении к Федеральному собранию президент России Д. А. Медведев заявил, что

в ответ на размещение ПРО в Восточной Европе в Калининградской области будут размещены ракетные комплексы «Искандер» на постоянной основе, что вскоре и произошло²².

Таким образом, в настоящее время Польша играет одну из ключевых ролей среди восточноевропейских стран по развертыванию военной инфраструктуры НАТО, укреплению её «восточного фланга» и её приближению к границам России. Настораживающим является осуществляемая в настоящее время масштабная модернизация логистических возможностей Польши, которые должны позволить в короткие сроки перебросить и нарастить группировку НАТО на нужном направлении, в случае необходимости. Дестабилизирующим фактором является развертывание элементов американской системы ПРО на польской территории. При этом Варшава не скрывает, что при принятии подобного решения руководствовалась не иранским или северно-корейским, а именно антироссийским фактором. Ответное развертывание российского оперативно-тактического ракетного комплекса «Искандер» в Калининградской области является свидетельством приближающегося витка новой гонки вооружений, угрожающей самым основам региональной и международной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кольцова Е. Г. Геополитическая мотивация вступления Польши в НАТО и Европейский союз. С. 44.

² Кулеса Л. Досье по системе противоракетной обороны. Польская перспектива // Европа. Журнал Польского института международных дел. 2007. № 2. С. 93.

³ Вун Дж. Польша как фактор внешней политики ЕС // Расширение Европейского союза: взгляд из Москвы, Берлина и Варшавы. М., 2006. № 4. С. 17.

⁴ Противоракетный маневр президента Буша // Газету.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/12/13/10424657.shtml>; дата обращения 11.02.2020.

⁵ Противоракета *Ground-Based Interceptor* (GBI) представляет собой трёхступенчатый твердотопливный носитель, рассчитанный на вывод в околоземное пространство кинетического перехватчика — основного поражающего элемента системы. Длина ракеты составляет 16,8 метров, вес в снаряженном состоянии — 12,7 тонн. Расчётная дальность действия ракеты варьирует в зависимости от высоты траектории и составляет от 2000 до 5500 км. Максимальная высота запуска — 2000 км.

Так как скорость выводимого в космическое пространство перехватчика может превысить первую космическую, традиционный термин «дальность действия» для системы GBMD не применим в полной мере — теоретически, перехватчик может перехватить цель в любой точке орбиты КВ, где обеспечивается выработка огневого решения.

Основным поражающим элементом комплекса является заатмосферный кинетический перехватчик EKV, который выводится противоракетой в космическое пространство и осуществляет перехват и контактное поражение неприятельской боеголовки. Получая целеуказание с наземных радаров, перехватчик устанавливает сенсорный контакт с боеголовкой и наводится на неё, осуществляя маневрирование в космическом пространстве с помощью системы ракетных двигателей. Поражение боеголовки осуществляется лобовым тараном на встречном курсе. Так как скорость самого перехватчика, составляющая приблизительно 10 км/с, складывается в момент столкновения с собственной скоростью боеголовки (5–7 км/с), кинетической энергии удара (около 1 тонны в тротиловом эквиваленте) вполне хватает, чтобы полностью уничтожить боевой блок любой мыслимой конструкции.

Первоначально в рамках программы планировалась разработка кластерного перехватчика, предназначенного для поражения ракет с разделяющимися боеголовками. Согласно проекту, противоракета GBI должна была выводить на орбиту несколько компактных миниатюрных перехватчиков MKV (*Multiple Kill Vehicle*), наводящихся одновременно на несколько целей. Необходимость сокращения бюджета и низкая вероятность появления в ближайшем будущем у враждебных США режимов ракет с разделяющимися головными частями даже рассеивающего типа (агентство по противоракетной обороне сочло, что в ближайшей перспективе создание столь миниатюрных ядерных боевых частей находится вне пределов технологий Ирана и КНДР), что привело к закрытию программы в 2009 г.

⁶ В рамках реализации программ по созданию европейского сегмента глобальной системы ПРО США и развитию противоракетного потенциала НАТО в Румынии на бывшем аэродроме Девеселу (140 км юго-западнее г. Бухарест) в декабре 2015 г. было завершено строительство позиционного района наземного противоракетного комплекса (ПРК) *Aegis Ashore*.

⁷ Сроки завершения строительства базы в Редзиково были смещены на апрель 2018 г.

⁸ Является зенитной управляемой ракетой семейства «Стандарт».

⁹ ЗРС *Patriot* способна уничтожать цели, летящие со скоростью до 2500 км в час, на дистанциях до 100 км (баллистические — до 25 км) и на высоте до 25 км (баллистические — до 11 км). Время реакции комплекса — 15 секунд. Система может одновременно обстреливать до восьми целей. Вероятность поражения самолета — 0,8–0,9 одной ракетой в отсутствие помех, тактической ракеты — 0,6–0,8.

¹⁰ JDAM (*Joint Direct Attack Munition*) — оборудование на основе технологии GPS, преобразующий существующие свободнопадающие бомбы («тупые» бомбы, англ. *dumbbombs*) во всепогодные корректируемые («умные»).

¹¹ Nuclear Weapons Modernization: A Threat to the NPT? Hans M. Kristensen. The Arms Control Association // <http://www.armscontrol.org/>; дата обращения 11.02.2020.

¹² Информационно-аналитический портал // Взаимодействие Польши и НАТО// www.nato.biz/pl/poland.html; дата обращения 11.02.2020.

¹³ Зверев Ю. Военная инфраструктура НАТО в Польше — аналитическая записка // <http://eurasia.expert/voennaya-infrastruktura-nato-v-polshe-analiticheskaya-zapiska/>; дата обращения 11.02.2020.

¹⁴ NFIU — командные центры, предназначенные для подготовки к развертыванию сил НАТО, прежде всего, сил сверхбыстрого развертывания (*Very High Readiness Joint Task Force*, VJTF) и координирования международных учений.

¹⁵ Американская военная база («форт Трамп») должна войти в строй в 2021–2022 гг.

¹⁶ *Крамник И.* ПРО: опасные последствия слабости // <https://www.vpk-news.ru/articles/7422>; дата обращения 11.02.2020.

¹⁷ 10 лет «Мюнхенской речи» Путина: Он предсказал все! А Запад не верил и посмеивался...» // <https://www.kuban.kp.ru/daily/26642.7/3660783/>; дата обращения 11.02.2020.

¹⁸ Генштаб РФ: Москва может выйти из договора о ликвидации ракет средней и малой дальности // <https://www.newsru.com/russia/15feb2007/balu2.html>; дата обращения 11.02.2020.

¹⁹ Путин предложил объявить мораторий на исполнение Договора об обычных вооруженных силах в Европе // <https://www.newsru.com/russia/26apr2007/dovse.html>; дата обращения 11.02.2020.

²⁰ США отвергли предложение Путина по Габалинской РЛС и по-прежнему намерены развернуть ПРО в Чехии и Польше // <https://forum-msk.org/material/power/351983.html>; дата обращения 11.02.2020.

²¹ Указ замедленного действия. Россия ввела мораторий на ДОВСЕ // <https://www.kommersant.ru/doc/782735>; дата обращения 11.02.2020.

²² Аэробаллистическая ракета 9М723 комплекса «Искандер» способна поражать цели на дальности до 500 км и может нести различные типы боевых частей (БЧ) (осколочно-фугасную, фугасно-зажигательную, кассетную с осколочными боевыми элементами неконтактного подрыва, кассетную с кумулятивными боевыми элементами, кассетную с самоприцеливающимися боевыми элементами, кассетную объемно-детонирующего действия, проникающую на большую глубину). Для «Искандер-М» разработана и ядерная боеголовка мощностью 5–50 килотонн.

ОБРАЗ РОССИИ У ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПОЛЬШИ

Вадим Трухачёв

Россия занимает одно из ведущих мест в заявлениях политических партий и государственных деятелей Польши. В массе своей польские политики относятся к ней отрицательно, хотя степень отрицательного отношения у разных партий отличается, и исключения из данного правила имеются. Потому российско-польские отношения едва ли в ближайшей перспективе существенно улучшатся. Возможны лишь незначительные подвижки.

В программе правящей с 2015 г. партии **«Право и справедливость»** о России говорится расплывчато: «Мы хотим, чтобы российско-польские отношения основывались на взаимном... уважении..., соблюдении принципов международного права, снятии с убеждения об особом статусе одних стран в отношении других»¹. В то же время заявления и действия представителей партии не оставляют сомнений в том, что Россию они воспринимают как главного врага Польши.

Краеугольным камнем политики «Прав и справедливости» на российском направлении стало сведение исторических счётов. Весьма примечательным стал снос сотен памятников советским воинам. Соответствующий закон приняли в июле 2017 года². Россию не пригласили на памятную церемонию, приуроченную к 80-летию начала Второй мировой войны. Действия правительства президент А. Дуда фактически объяснил «неправильным поведением» РФ, которая продолжает политику СССР: «Польша оказалась под другой оккупацией — советской... Вторая мировая война не закончилась до 1989-го. Продолжать вести себя как ни в чём не бывало и прятать глаза — не выход. Это де-факто индульгенция

на новые нападения... В 2008 г. — Грузия, в 2014 г. — Украина. Изменение границ, оккупация, военные провокации»³.

Дуда прямо назвал Россию угрозой и призвал партнёров по НАТО увеличить военные расходы. «Мы должны помнить о значении трансатлантических связей..., когда наша система безопасности подвергается проверке разными игроками... Самый важный из них — Россия, подрывающая элементы международного уклада»⁴. Комментируя события на Украине, он выступил за ужесточение антироссийских санкций. «Нет сомнений в том, что Россия является агрессором... Если будут такие... инициативы... как тема дальнейших санкций, Польша точно будет подключаться к этой инициативе»⁵.

Лидер партии Я. Качиньский убеждён, что руководство России причастно к авиакатастрофе под Смоленском 2010 г., в которой погиб его брат, президент Л. Качиньский: «Россия поймана за руку»⁶. В то же время он призвал не надеяться на помощь Запада и отстаивать данную версию польскими силами. «Если мы не справимся сами, тогда никто не поможет нам... Здесь действует правило: мы узнаем столько, сколько сами сумеем... Просто каждая страна имеет свои интересы и их реализует»⁷.

В свою очередь, премьер-министр М. Моравецкий крайне отрицательно высказался о строительстве газопровода «Северный поток — 2». «Россия сможет в любой момент обострить конфликт, сможет атаковать всю страну. “Северный поток — 2” — шаг в этом направлении... “Северный поток — 2” является ненужным, вредным (проектом), который разделяет западную общественность»⁸. А министр обороны М. Блашак объяснил, почему Польша в 2016 г. отменила малое приграничное движение с Калининградской областью РФ (с упрощённой взаимной выдачей виз жителям приграничных регионов), действовавшее с 2012 года. «Войска Североатлантического альянса находятся в Польше, Литве, Латвии и Эстонии по определённой причине... Малое приграничное движение отменено, учитывая угрозу, связанную с российской политикой... Это привело к тому, что провокации со стороны России в Польше стали невозможными»⁹.

Крупнейшая оппозиционная партия страны «Гражданская платформа» тоже считает Россию угрозой и требует проводить жёсткую политику в отношении неё. Однако отдельные антироссийские действия правительства «Право и справедливости» всё же считает лишними. В программе партии говорится: «Мы обновим проект Энергетического союза, который будет гарантировать, что Россия не сможет отрезать нас от поставок энергоносителей... Европейские санкции против России должны оставаться в силе до тех пор, пока Украина нахо-

дится в опасности, а часть её территории — Крым и Донбасс — незаконно заняты»¹⁰.

Лидер партии Г. Схетына в бытность министром иностранных дел Польши прославился скандальным высказыванием о том, что концлагерь в Освенциме освобождали украинцы. «Украинские солдаты в тот январский день, и они открывали ворота лагеря, и они освобождали лагерь... Документы подтверждают, что в армии, которая освобождала Освенцим, было 51 % украинцев»¹¹. В то же время в 2018 г. он призвал вернуть малое приграничное движение с Калининградской областью. «Почему им мешало, что предприниматели, бизнес, туристы, люди могли нормально перемещаться... От этого много получали польские магазины... Мы вернём малое приграничное движение, вернёмся к нормальным соседским... отношениям между Польшей и Россией»¹².

Бывший премьер Польши, экс-председатель Европейского совета Д. Туск отмечал, что Россия является угрозой для ЕС. «Наша проблема — это Россия, которая подрывает в Европе всё, что может... Русские не остановятся ни перед чем, чтобы ослабить европейское единство... Очень чёткие следы вмешательства России в кампанию в ходе референдума по Brexit, в конфликт выступающей за независимость Каталонии с Мадридом»¹³. Он также выступил против строительства газопровода «Северный поток — 2». «Это ошибка, она не служит стратегическим интересам Европы,.. не отвечает нашим правилам»¹⁴.

О России как о дестабилизирующем факторе говорил и бывший президент Польши Б. Коморовский. «Россия имеет способность изобретать новые методы политико-военных действий. Например, таких, какие дали о себе знать на Украине... Она пошла на политические издержки, проводя политику агрессии... Она попытается выполнить свою важнейшую стратегическую цель — дестабилизацию НАТО»¹⁵. А бывший глава Министерств иностранных дел и обороны Польши Р. Сикорский и вовсе не исключил войны с Россией. «Вероятность вооружённого конфликта с Россией сейчас небольшая. Но она существует... Систематический ввод противника в заблуждение является частью российской военной доктрины с незапамятных времён»¹⁶.

Либеральная партия **«Современная»** считает Россию одной из главных угроз Европе, о чём прямо заявил её создатель Р. Петру: «Евросоюз окружён дугой нестабильности... Борьба с ИГИЛ, управление миграционным кризисом или эффективный ответ на политику России требуют чрезвычайной координации усилий»¹⁷. Лидер партии К. Любнауэр прямо обвинила правящую партию «Право и справедливость» в том, что её евроскептический настрой играет на руку России. «Выступая

за распад Евросоюза, вы действуете как полезный путинский идиот... По вашему мнению, Россия является нашей самой большой угрозой, и в то же время мы делаем всё, чтобы действовать в её пользу»¹⁸.

В отличие от либералов, консерваторы из **Польской крестьянской партии** критикуют правящую партию за грубые антироссийские действия. По словам её лидера В. Косиняка-Камыша, нужно стремиться к снятию экономических ограничений с России — при сохранении политических. «Мы за политические санкции, но не экономические. Они не принесли желаемых результатов. Они сильнее всего ударили по польским предпринимателям и крестьянам... Тем более что торговые ограничения никак не повлияли на политику России. Войска этой страны до сих пор оккупируют Крым и поддерживают сепаратистов в Донбассе»¹⁹.

Польские аграрии также призывали правительство восстановить малое приграничное движение с Калининградской областью РФ. «Малое приграничное движение... быстро стало импульсом для развития городов и повятов ... Только в 2015 г. гости из Калининградской области потратили в Польше почти 300 миллионов злотых. Торговля с россиянами создала новые рабочие места. Успешно развивались сельское хозяйство, услуги, транспорт, гостиничное дело»²⁰.

В то же время Косиняк-Камыш подчеркнул, что его партия выступает против «Северного потока — 2», а неспособность правящей партии «Право и справедливость» помешать его строительству является провалом. «Это поражение внешней политики Пис... Nord Stream 2 не отвечает интересам Польши ... Польша подвергнется газовому шантажу со стороны России. В настоящее время Москва не может прекратить поставки газа в Польшу без ограничения поставок в Германию и другие европейские страны. При создании Nord Stream 2 у России появится такая возможность»²¹.

Подход к России **Союза демократических левых сил (СДЛС)** можно считать во многом противоречивым. Призывы к сотрудничеству из уст её представителей звучат чаще, чем от либералов и консерваторов, однако и жёсткой критики хватает.

Экс-президент Польши А. Квасьневский выражал удовлетворение тем, что ЕС с 2014 г. раз за разом продлевает санкции в отношении России: «Евросоюз сделал больше, чем ожидал... Путин. Путин после Крыма и после Донецка был уверен, что атака не может пойти со стороны Германии... Первая сильная критика со стороны Меркель — он был уверен, что ЕС такая структура, что поболтают, поговорят, ничего не будет. А тут ЕС показал, что принимают санкции... Он не ожидал, что реакция будет такая... Жёсткая и объединённая»²².

Евродепутат от польских «левых» Я. Земке говорил о том, что задача Польши — не позволить России построить газопровод «Северный поток — 2». «Польское правительство должно всеми силами сделать блокаду Nord Stream 2 элементом санкций против России. Его строительство представляет угрозу... для Польши»²³. В то же время он оговорился, что не верит в подобную перспективу. «Боюсь, что Европа не сдаст экзамен на единство. Слишком много здесь противоречивых интересов сошлось. Часть стран Евросоюза заинтересована в реализации этого проекта, другие громко высказали своё несогласие с дальнейшими санкциями против России»²⁴.

В то же время председатель партии В. Чажастый выразил недовольство антироссийскими крайностями, в которые вдаётся нынешнее руководство Польши. «Как объяснить нынешнюю политику Польши в отношении России? В конце концов, это наш самый большой сосед... Я не хочу, чтобы на СДЛС навешивали ярлык “друзей Путина”. Но если... самое важное — сотрудничать с соседями, я задаю очень серьёзный вопрос — будет ли пересмотр... отношений с Россией?... В Варшаве выяснилось, что самой большой угрозой для мира является не ИГИЛ, ... а Россия»²⁵.

Наконец, бывший премьер-министр Польши Л. Миллер прямо обвинил правые партии страны в разжигании русофобии. «Русофобия стала государственной доктриной, и основные СМИ Польши... проводят эту линию: Россия является угрозой, Москва хочет дестабилизировать Евросоюз... И здесь нет разницы между правыми партиями в Польше, они все согласны с тем, в Кремле постоянно выстреливают пробки от бутылок с шампанским — это любимый речевой оборот польских политиков... Но зачем России нужно нападать на Польшу? Никто этого не объясняет»²⁶.

В программе созданной в 2019 г. левоцентристской партии **«Весна»** прямо говорится о необходимости снизить газовую зависимость от России. «ЕС должен проводить единую энергетическую политику. Переговоры о ценах на энергоносители с каждым из государств (например, Россией) должны идти при участии еврокомиссара по энергетике... Не может быть так, что Польша платит больше, чем Германия или Франция за тот же российский газ»²⁷. Тем же объясняется и необходимость перехода к «зелёной» энергетике: «Европе нужна новая зелёная промышленная революция. Экономика, основанная на угле, нерентабельна и вредна для здоровья, окружающей среды... Сокращение месторождений угля же ведёт к тому, что мы становимся все более зависимыми от... поставок... из России»²⁸.

Лидер партии Р. Бедронь вспомнил о России, когда в Польше обсуждалась сугубо внутренняя тема — разглашение чиновниками мини-

стерства юстиции сведений о частной жизни 20 судей. Он раскритиковал поведение чиновников, сравнив подобную ситуацию... с Россией. «Разглашение адресов, оскорбление, подстрекательство к ненависти — это преступление. Подобным славится Россия»²⁹. Тем самым Бедронь высветил роль, играемую Россией во внутренней польской политике. Это роль отрицательного «Другого», сравнение с которым кажется оскорблением.

В наибольшей степени о развитии отношений с Россией заявляют польские евроскептики и националисты. Из их уст тоже звучат критические заявления, но их тональность куда умереннее, чем в случае с другими партиями.

Довольно критически к политике «Право и справедливости» относились депутаты Сейма из партии «Кукиз-15» (к 2019 г. фактически развалилась). А. Андрушкевич призвал восстановить малое приграничное движение с Калининградской областью РФ, объяснив это заботой о предпринимателях приграничных повятов. «Местное предпринимательство сдерживается из-за закрытия малого приграничного движения... Мы хотим сохранить местное предпринимательство»³⁰. Пресс-секретарь «Кукиз-15» Я. Кулеша раскритиковал желание польских властей отказаться от российского газа. «Это проблема правительства, что под энергетической безопасностью имеется в виду независимость от России. Безопасностью должна быть... возможность снабжаться из разных источников, в том числе и из России»³¹.

В то же время депутат Ю. Брынкус настаивал на том, что санкции в отношении России необходимо сохранять. «Мы должны... заставить страны мира лучше соблюдать санкции, наложенные на Россию. Россия должна считаться с тем, что экономически на этом потеряет... Необходимо также укреплять восточный фланг НАТО... Мы не можем допустить, чтобы Украина... была предметом агрессии... В Донбассе война. Там не только есть зелёные человечки, есть и российские солдаты в других мундирах»³².

Однако на сей счёт имелись и другие мнения. Перешедший в группу «Свободные и солидарные» отец премьера Польши К. Моравецкий критически отозвался об антироссийской политике властей. «Я решительный сторонник декоммунизации. Я возражаю только против разрушения советских памятников... Красная армия спасла нас от физического уничтожения»³³. Он выразил понимание и действиям России в Крыму. «В Киеве свергли демократически избранного президента, который на пророссийском Востоке и юге имел поддержку... Есть право народов на самоопределение... Жители Крыма выразили свою волю на референдуме... На мой взгляд, это было демократично»³⁴.

Однозначно против санкций и за налаживание отношений с Россией выступили только внепарламентские евроскептики из партии **«Конгресс новых правых»**, имевшие в 2014—2019 гг. представительство в Европарламенте. Её лидер С. Жолтек заявил следующее: «Я не собираюсь ненавидеть Россию больше, чем любить Польшу... Мы должны говорить с ней, а не воевать... Тот, кто не стремится к хорошим отношениям с великими соседями, является врагом»³⁵. Бывший руководитель партии Я. Корвин-Микке также осудил антироссийскую политику властей: «Переворот на Украине был вдохновлён США... К сожалению, польские политики вместо того, чтобы искать поддержки со стороны России, по американскому заказу... занимаются нападками на Россию»³⁶.

Таким образом, подавляющее большинство польских партий выступают сторонниками жёсткого давления на Россию. Их наибольшее недовольство вызывают действия России в отношении Украины и строительство газопровода «Северный поток — 2» в обход Польши. Почти все хотят снизить зависимость от российских энергоносителей. Польские политики в массе своей призывают ЕС сохранить антироссийские санкции, а партнёров по НАТО — увеличивать военный бюджет в связи с российской угрозой.

Разногласия вызывает разве что вопрос о степени ужесточении антироссийских мер, а однозначной поддержки у других партий не находит только отмена правительства «Права и справедливости», как отмена малого приграничного движения с Калининградской областью. Отягчающим для российско-польских отношений обстоятельством является также и то, что отрицательный образ России используется в польской внутривнутриполитической борьбе.

В то же время нельзя сказать, что отношение к России у ведущих политических партий Польши одинаковое. Наиболее непримиримо о ней говорят консерваторы из «Права и справедливости» и либералы из «Современной». Чуть мягче, но всё равно предельно критично настроены либерал-консерваторы из «Гражданской платформы» и левоцентристы из «Весны». В большей степени (при изрядной доле жёсткой критики) склонность к сотрудничеству проявляют левые, аграрии и националисты из «Кукиз-15».

И только отдельные представители левых сил, «Кукиз-15» и евроскептики из «Конгресса новых правых» выразили резкое несогласие с антироссийской линией польских властей. Но их политическое влияние крайне невелико. Потому маловероятно, что двусторонние связи в ближайшее время удастся наладить. Разве что тональность высказываний в случае смены в Варшаве может несколько смягчиться, и ряд второстепенных вопросов удастся решить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Program PiS [Электронный ресурс] // Prawo i sprawedliwość. URL: <http://pis.org.pl/dokumenty>; дата обращения 6.09.2019.

² Prezydent podpisał dwie ustawy [Электронный ресурс] // Prezydent.pl, 17 lipca 2017. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wydarzenia/art,674,prezydent-podpisał-dwie-ustawy-.html>; дата обращения: 6.09.2019.

³ Анджей Дуда перенес окончание войны на 1989 год [Электронный ресурс] // Коммерсант.ру. 2.06.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4079614>; дата обращения 6.09.2019.

⁴ Президент Польши назвал Россию главной угрозой для НАТО [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС, 28 мая 2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5241212>; дата обращения 6.09.2019.

⁵ Президент Польши: Россия — это агрессор, и санкции надо ужесточить [Электронный ресурс] // RT, 28 ноября 2018. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2018-11-28/Prezident-Polshi-Rossiya--eto>; дата обращения 6.09.2019.

⁶ Prawo musi działać erga omnes, wobec wszystkich [Электронный ресурс] // Prawo i sprawedliwość, 04.04.2018. URL: <http://pis.org.pl/aktualnosci/prawo-musi-dzialac-erga-omnes-wobec-wszystkich>; дата обращения 6.09.2019.

⁷ Ibidem.

⁸ Премьер Польши: «Северный поток — 2» может привести к войне между Россией и Украиной [Электронный ресурс] // RT, 15 февраля 2018. URL: <https://russian.rt.com/world/news/481914-moraveckii-gazoprovod-voina>; дата обращения 6.09.2019.

⁹ МВД: Малое приграничное движение с РФ не восстановлено из-за политики Кремля [Электронный ресурс] // RadioPolsha.pl, 13.08.2017. URL: <http://radiopolsha.pl/6/136/Artykul/320722>; дата обращения 6.09.2019.

¹⁰ Nasz program. Platforma dla Europy i świata [Электронный ресурс] // Platforma obywatelska. URL: <https://platforma.org/program/platforma-dla-europy-i-swiata>; дата обращения 6.09.2019.

¹¹ Схетына: высказывание об освобождении Освенцима украинцами правдиво [Электронный ресурс] // РИА Новости, 29 января 2015. URL: <https://ria.ru/20150129/1044879318.html>; дата обращения 6.09.2019.

¹² Schetyna: Wrócimy do normalnych relacji sąsiedzkich z Rosją [Электронный ресурс] // DoRzeczy.pl, 20.09.2018. URL: <https://dorzeczy.pl/kraj/77724/Schetyna-Wrocimy-do-normalnych-relacji-sasiedzkich-z-Rosja.html>; дата обращения 6.09.2019.

¹³ Дональд Туск: Россия подрывает в Европе все что может [Электронный ресурс] // Росбалт, 7 октября 2018 г. URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2018/10/07/1737286.html>; дата обращения 6.09.2019.

¹⁴ Туск назвал ошибкой поддержку «Северного потока — 2» странами ЕС [Электронный ресурс] // РИА Новости, 9 июля 2018. URL: <https://ria.ru/20180709/1524252479.html>; дата обращения 6.09.2019.

¹⁵ Bronisław Komorowski w Białymstoku. By być bezpieczni musimy się integrować [Электронный ресурс] // BialystokOnline.pl, 19.02.2018. URL: <http://www.bialystok->

online.pl/bronislaw-komorowski-w-bialymstoku-by-byc-bezpieczni-musimy-sie-integrowac,artykul,103926,1,1.html; data обращения 6.09.2019.

¹⁶ Sikorski: Blisko Rosji trudno nam spać spokojnie. Unia Europejska powinna się stać siłą militarną [Электронный ресурс] // GazetaWyborcza.pl, 21 lipca 2018. URL: <http://wyborcza.pl/7,75399,23699577,sikorski-blisko-rosji-trudno-nam-spac-spokojnie-unia-europejska.html?disableRedirects=true>; data обращения 6.09.2019.

¹⁷ Tekst wystąpienia Ryszarda Petru w sejmowej dyskusji o polskiej polityce zagranicznej [Электронный ресурс] // Nowoczesna, 09.02.2017. URL: <https://nowoczesna.org/tekst-wystapienia-ryszarda-petru-w-sejmowej-dyskusji-o-polskiej-polityce-zagranicznej/>; data обращения 6.09.2019.

¹⁸ Wystąpienie Katarzyny Lubnauer z 21.03.2018 r. po exposé MSZ [Электронный ресурс] // Nowoczesna, 21.03.2018. URL: <https://nowoczesna.org/wystapienie-katarzyny-lubnauer-z-21-03-2018-r-po-expose-msz/>; data обращения 6.09.2019.

¹⁹ Sankcje wobec Rosji podtrzymane. Tracimy miliardy [Электронный ресурс] // Polskie stronnictwo ludowe, 3 lipca 2017. URL: <https://www.psl.pl/sankcje-rosja-podtrzymane/>; data обращения 6.09.2019.

²⁰ PSL: Przywróćmy mały ruch graniczny z Rosją [Электронный ресурс] // Polskie stronnictwo ludowe, 10 października 2017. URL: <https://www.psl.pl/przywrocmy-maly-ruch-graniczny-rosja/> data обращения 6.09.2019.

²¹ Porażka PiS. Niemcy budują Nord Stream 2 [Электронный ресурс] // Polskie stronnictwo ludowe, 1 lutego 2018. URL: <https://www.psl.pl/porazka-pis-niemcy-buduja-nord-stream-2/>; data обращения 6.09.2019.

²² Квасьневский: ЕС сделал для Украины больше, чем я ожидал... [Электронный ресурс] // Гордон, 25 декабря 2017. URL: <https://gordonua.com/news/politics/kvasnevskiy-es-sdelal-dlya-ukrainy-bolshe-chem-ya-ozhidal-i-dazhe-bolshe-chem-ozhidal-putin-223640.html>; data обращения 6.09.2019.

²³ Janusz Zemke dla money.pl: Polski rząd powinien naciskać na sankcje wobec Nord Stream 2 [Электронный ресурс] // Money.pl, 29.11.2018. URL: <https://www.money.pl/gospodarka/wiadomosci/artykul/nord-stream-2-blokada-sankcje-na-rosje,18,0,2422802.html>; data обращения 6.09.2019.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Szczyt NATO, Czarasty: Nie chcę, żeby SLD przyczepiono łątkę przyjaciela Putina [Электронный ресурс] // WNP.pl — portal gospodarczy, 12 lipca 2016. URL: <https://www.wnp.pl/parlamentarny/spoleczenstwo/szczyt-nato-czarasty-nie-chce-zeby-sld-przyczepiono-latke-przyjaciela-putina,11664.html>; data обращения 6.09.2019.

²⁶ Русофобия стала доктриной Польши, заявил бывший премьер Миллер [Электронный ресурс] // РИА Новости, 20 октября 2017. URL: <https://ria.ru/20171020/1507253758.html>; data обращения 6.09.2019.

²⁷ Bezpieczeństwo dla ciebie i twoich bliskich. Europejska polityka obronności [Электронный ресурс] // Wiosna. Program. URL: <https://wiosnabiedronia.pl/program/bezpieczenstwo-dla-ciebie-i-twoich-bliskich>; data обращения 6.09.2019.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Robert Biedroń: Afera w MS? Z takich praktyk słynie Rosja Putina [Электронный ресурс] // RP.pl, 20.08.2019. URL: <https://www.rp.pl/Wiosna/190829961-Robert-Biedron-Afera-w-MS-Z-takich-praktyk-slynie-Rosja-Putina.html>; data обращения 6.09.2019.

³⁰ Kukiz'15 domaga się przywrócenia małego ruchu granicznego z Rosją [Электронный ресурс] // GazetaPrawna.pl, 18.08.2016. URL: <https://www.gazetaprawna.pl/artykuly/968569,kukiz-15-apeluje-o-przywrocenie-malego-ruchu-granicznego-z-rosja.html>; дата обращения 6.09.2019.

³¹ Kukiz'15: Polska nie powinna rezygnować z gazu z Rosji [Электронный ресурс] // BiznesAlert.pl, 22 września 2017. URL: <http://biznesalert.pl/kukiz15-polska-rezygnowac-gazu-rosji/>; дата обращения 6.09.2019.

³² Józef Brynkus: „Rosja musi się liczyć z tym, że gospodarczo straci na konflikcie“ [Электронный ресурс] // Radio Kraków, 27 listopada 2018. URL: <https://www.radiokrakow.pl/rozmowy/jozef-brynkus-rosja-musi-sie-liczyc-tym-ze-gospodarczo-straci-na-konflikcie/>; дата обращения 6.09.2019.

³³ K. Morawiecki: Rosja nie prowadzi agresywnej polityki [Электронный ресурс] // Do Rzeczy, 2 sierpnia 2018. URL: <https://dorzeczy.pl/kraj/72618/K-Morawiecki-Rosja-nie-prowadzi-agresywnej-polityki.html>; дата обращения 6.09.2019.

³⁴ Rosja nie prowadzi agresywnej polityki? Kornel Morawiecki usprawiedliwia Moskwę w wywiadzie dla „Do Rzeczy” [Электронный ресурс] // Newsweek Polska, 30.07.2018. URL: <https://www.newsweek.pl/polska/spoleczenstwo/prorosyjski-wywiad-kornela-morawieckiego-w-do-rzeczy-gloryfikuje-rosje/74y7h1h>; дата обращения 6.09.2019.

³⁵ Europeoseł S. Żółtek o 500+: „Staniemy się dla hord z Afryki podobnie atrakcyjni jak Niemcy” [Электронный ресурс] // Radio Kraków, 18 lutego 2016. URL: <https://www.radiokrakow.pl/rozmowy/s-zoltek-ten-kto-wprowadza-taki-program-jak-500-jest-bandyta-ten-kto-nie-bierze-tych-pieniedzy-to-debil/>; дата обращения 6.09.2019.

³⁶ Korwin — Mikke: Polscy politycy, wbrew interesom kraju, ujadają na Rosję [Электронный ресурс] // Sputnik Polska, 05.07.2018. URL: <https://pl.sputniknews.com/polska/201807058317507-Janusz-Korwin-Mikke-wystpaienie-premiera-Strasburg-komentarz/>; дата обращения 6.09.2019.

АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ЕВРОПЫ. ЧТО ПРЕДЛАГАЕТ ПОЛЬШЕ И ЕЁ СОЮЗНИКАМ ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА «ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ»

Александр Носович

Победа на парламентских выборах 2019 г. партии «Право и справедливость» подтвердила устойчивость курса, которым развивается Польша после прихода ПиС к власти в 2015 г. Правительство «Права и справедливости» создало национал-консервативную модель развития Польши, которая во внутренней политике совмещает социальный консерватизм с проактивной социальной политикой при одновременном господстве националистических установок в общественно-политической сфере, что выливается в активизацию политики исторической памяти и борьбу за польскую идентичность. Курс команды Я. Качиньского носит подчеркнуто нелиберальный характер, что приводит к ожесточенному конфликту власти с либеральной частью польского общества и истеблишмента, которые обвиняют правящую партию в сворачивании демократии и авторитарных тенденциях в Польше. В целом сторонники консервативного курса выходят победителями в этом конфликте, что позволяет считать «Польшу Качиньского» долгосрочным явлением, которое может стать одним из вариантов развития для всего Западного мира.

За 4 года у власти партия Ярослава Качиньского «Право и справедливость» сформировала уникальную модель общественного развития, которая не имеет аналогов в современной Европе. В этом отношении период развития Польши после 2015 г. противоположен тем базовым установкам, которым следовала при определении своего курса эта страна после победы «Солидарности» в 1989 г. Третья Речь Посполитая

видела залогом своей успешности следование в западном либеральном мейнстриме и импорте европейских практик, институтов и ценностей¹. Когда политики из команды Качиньского говорят о строительстве Четвертой Речи Посполитой, их риторика включает в себя оппонирование либеральному мейнстриму на Западе, а миссией их политики им видится экспорт польских практик и ценностей как истинно европейских; возвращение того, что утратила постмодернистская Западная Европа². В этом отношении «Право и справедливость», с одной стороны, воспроизводит многовековую традицию польского мессианства; с другой стороны, придает этому мессианству новый извод, впервые направляя его не столько на восток (ягеллонство), сколько на запад³.

Политика ПиС характерна своей цельностью. Все ее составляющие подчинены общему идеалу — Четвертой Речи Посполитой, какой ее видит лидер и идеолог партии Я. Качиньский. Иерархия его ценностей представляется следующей: христианство как высший моральный авторитет, регулятор социальных отношений и основа польской идентичности; объединение польской нации на основе католической веры и общей исторической памяти; традиционная польская семья как гарант сохранения и воспроизводства нации, сильное государство с монополией власти как необходимое условие проведения правильного политического курса⁴.

Эти ценности определяют основные направления политики ПиС: идеологический альянс с католической церковью, доходящий на местах до уровня организационного симбиоза; категорический отказ от размещения в Польше мигрантов-мусульман; бескомпромиссная историческая политика и акцентирование политики памяти на наиболее драматических событиях польской истории, социальные программы государственной поддержки многодетных семей и молодежи, сопровождаемые параллельными попытками регулирования частной жизни, отход от принципа разделения властей, подчинение государственных и давление на оппозиционные СМИ⁵. Эти действия логически взаимосвязаны и вытекают один из другого: так активная социальная политика обосновывает потребность в сильных государственных институтах, а курс на политическое единоначалие приводит к попыткам взять под контроль информационное пространство.

При наличии общих черт с другими правоконсервативными правительствами Европы (в первую очередь с курсом Виктора Орбана в Венгрии) у модели Качиньского есть своя специфика, проявляющаяся в определяющей роли католической церкви для идеологии и практических действий ПиС. При поиске аналогий в истории общепринято обращение к режиму санации в межвоенной Польше. Однако фундамен-

тельные различия между Второй и Третьей республикой обуславливают существенные классического польского консерватизма от проводимой сегодня политики, в связи с чем представляется некорректным уподоблять Польшу Качиньского Польше Пилсудского. Более точной аналогией представляется режим Дольфуса—Шушнигга в Австрии 1934—1938 гг. (австофашизм), который также строил социальное государство в условиях мононациональной страны в тесной связке с католической церковью⁶.

В отношении ПиС необходимо определиться с их размещением на идеологической шкале. В Европе партию Ярослава Качиньского принято относить к правым националистам, подчеркивая их неприятие мультикультурализма и меньшинств при особом внимании к национальной идентичности, традиционным институтам, внешнему и внутреннему суверенитету. В то же время программа ПиС имеет ярко выраженные черты левой социально-экономической политики: активное вмешательство государства в экономику, повышение налогов для части бизнеса, повышенные социальные обязательства. Очевидно, что политика польского руководства является настолько же левой в социально-экономической сфере, насколько правой — в социально-политической. При этом она во всех отношениях нелиберальна. Представляется наиболее точным определять доктрину ПиС как национал-консерватизм⁷.

«Право и справедливость» традиционно считалась партией с устойчивым, слабо подверженным изменениям электоратом. Электорат ПиС оценивался примерно в треть избирателей страны. Однако за годы пребывания у власти электоральная база ПиС была значительно расширена и по различным опросам составляет сегодня 40—45% избирателей Польши. В первую очередь партия обязана этим активной социальной политике, которую проводили ее правительства.

В социальной сфере команда Качиньского действует подчеркнуто нелиберально, выступая с левыми лозунгами преодоления в польском обществе экономической асимметрии. Социальная по сути программа ПиС при этом обосновывается правоконсервативной, христианской идеологией, в соответствии с которой социальные программы правительств направлены на защиту традиционных ценностей, семьи, католической церкви, польской культуры. Так, премьер-министр страны М. Моравецкий заявляет, что социальная политика его кабинета возвращает Польшу к ее христианским корням, поскольку подчинена библейским идеалам сострадания, милосердия и помощи ближнему⁸.

На практике идеологические построения ПиС о христианской социальной политике выливается в радикальное расширение системы социального обеспечения через так называемые народные проекты. Круп-

нейший из этих проектов — программа «Семья 500+» (*Rodzina 500+*), по которой польская семья получает право на ежемесячное пособие в 500 злотых за каждого второго и последующего ребенка. Действие программы регулярно расширяется и дополняется. В 2018 г. в дополнение к программе «Семья 500+» начала действовать программа «Хорошее начало» (*Dobry start*), которую в обиходе называет «300+». По ней каждая польская семья получает к 1 сентября 300 злотых на ребенка, чтобы собрать его в школу. В 2019 г. действие программы «500+» было расширено на всех польских детей: каждый несовершеннолетний в Польше имеет право на 500 злотых в месяц.

Отдельный блок мер посвящен поддержке молодежи. Граждане Польши, годовой доход которых не превышает 85 тысяч злотых, в 2019 г. были освобождены от уплаты подоходного налога 18 %. Вводятся специальные надбавки для молодых специалистов в социально значимых отраслях. Регулярно повышается финансирование программы *Mieszkanie dla Młodych* (MDM) — «Жилье для молодых», по которой государство компенсирует гражданам моложе 35 лет часть ипотечного кредита на покупку жилья. В этой программе ПиС не упускает возможность указать на ценность семьи: бездетным молодым людям правительство возмещает 10 % стоимости дома или квартиры, семьям с одним ребенком — 15 %, семьям с двумя детьми — 20 %, многодетным — 30 % кредита.

Действия правящей партии вызывают закономерные обвинения в социальном популизме и даже подкупе населения детскими пособиями и льготами. Реальность, однако, представляется более сложной. Идеологические основы политики ПиС заставляют ее принимать и заведомо непопулярные решения в социальной сфере, которые отталкивают от партии Качиньского значительную часть польского общества. Самый известный пример такого решения — попытка полного запрета аборт в 2016 г., которая привела к самым массовым со времен «Солидарности» акциям протеста. Если «Семья 500+» и прочие «народные проекты» получают поддержку большинства населения, то с запретом абортов и тому подобными попытками регулирования личной жизни ПиС вынуждена идти на попятную, поскольку их одобряет только «ядерный» электорат Качиньского⁹.

Другое направление критики политики ПиС — негативные последствия для экономики, которые порождают обильные финансовые влияния государства в социальную сферу. Польское правительство идет на такие нерыночные шаги, как повышение налогов, дополнительное налогообложение иностранных компаний, банков, торговых сетей, вмешательство в работу бизнеса (запрет торговли по воскресеньям).

Согласно либеральной экономической теории, эти меры давно уже должны были подорвать экономику Польши. Вместо этого Польша демонстрирует самые высокие темпы экономического роста в Европе¹⁰. Рекордные темпы роста польского ВВП (5 % во II квартале 2018 г.) вызваны как умелым освоением финансовой помощи Евросоюза в предыдущие годы, так и массовым притоком дешевой рабочей из Украины после введения безвизового режима со странами ЕС¹¹, однако населением хорошее экономическое состояние в стране ставится в заслугу правительству, что способствует дальнейшему укреплению позиций «Права и справедливости».

Одно из обоснований социальных мер польского правительства — необходимость улучшения демографической ситуации в стране. В Западную Европу из Польши эмигрировали около двух миллионов человек, преимущественно молодого трудоспособного населения, что создает для республики стратегические угрозы. При этом правительство ПиС отвергает возможность решения проблемы депопуляции замещением уехавшего населения иммигрантами. Поэтому политика привлечения трудовых мигрантов из Украины неразрывно связана с вопросом об их ассимиляции; акцентируется историческая и культурная близость украинцев к полякам. Отсутствие такой близости породило категорический отказ официальной Варшавы от размещения в Польше беженцев — нехристиан из Азии и Африки¹². Это решение получило столь явное одобрение большинства польского общества, что предшественники ПиС у власти — праволиберальная партия «Гражданская платформа» — отказались постфактум от собственного решения разместить в Польше 7 тысяч беженцев по квотам ЕС.

В отличие от европейского мейнстрима, «Право и справедливость» считает приемлемым этническое понимание нации. Социальные программы ее правительства призваны обеспечить естественное воспроизводство поляков. Представители власти утверждают, что ее действия уже дают результат: показатели рождаемости в Польше — самые высокие с 1997 г.

Другое направление борьбы за сохранение польского народа — борьба за сохранение его социальной памяти, без которой поляки утратят свою идентичность. С этой целью ПиС существенно расширила полномочия и финансирование Института национальной памяти, ответственного за «историческое контрнаступление» по ключевым вопросам польского прошлого.

Историческая политика ПиС обосновывается радикальным утверждением, что Третья Речь Посполитая не состоялась как государство из-за пораженческой соглашательской позиции как по социалисти-

ческому периоду Польши, так и по сложным вопросам ее отношений с соседями. Для успешного строительства т. н. Четвертой Речи Посполитой государство должно занимать принципиальную и бескомпромиссную позицию как по признанию эпохи Польской Народной Республики скрытой оккупацией Польши Советским Союзом, так и отстаиванию справедливости по отношению к польскому народу и его «исторической репутации»¹³.

Первая задача порождает политику «полной декоммунизации»: массового переименования географических объектов и сноса «памятников благодарности» Красной Армии. Важная черта этой политики состоит в том, что Институт национальной памяти рекомендует переименовывать не только улицы, площади и мосты, названия которых связаны с ПНР, но и географические объекты, названные в честь польских коммунистов-революционеров XIX–XX вв. То есть польское правительство борется не столько с «наследием оккупации», сколько с одной из версий развития Польши¹⁴. Эта борьба сплачивает «ядро» электората ПиС, однако не встречает массового энтузиазма в обществе, на что неоднократно жаловались представители правящей партии. Имели место случаи выступления польского населения в защиту от сноса советских памятников, а уход местных жителей за захоронениями советских военных носит массовый характер.

Снос памятников благодарности Красной армии — самая конфликтная тема в отношениях Польши с Россией. Однако историческая политика Польши порождает конфликты и с другими странами. Примечательна в этом отношении конфронтация с Украиной из-за героизации национал-радикалов ОУН и УПА (запрещены в России). Польское руководство пошло на обострение отношений с Киевом вопреки своей внешнеполитической установке на создание стратегического союза с Украиной. Этот эпизод показывает, что «Право и справедливость» во многом является заложником своей идеологии. С другой стороны, конфликт с Украиной может быть оправдан рациональными соображениями: борьба против бандеровской идеологии должна обеспечить лояльность Польше иммигрирующих в страну украинцев¹⁵.

Однако с рациональной точки зрения сложно объяснить самую скандальную инициативу ПиС в сфере исторической политики — поправки к закону об Институте исторической памяти, получившие название Закона о Холокосте. Эти поправки вводили уголовное наказание за признание поляков ответственными в преступлениях нацистов в годы гитлеровской оккупации Польши. Закон о Холокосте фактически отрицал польский коллаборационизм и запрещал свободное распространение информации о геноциде евреев. Его принятие не только привело

к затяжному межгосударственному конфликту с Израилем, но и вызвало открытое осуждение в США. В результате международного давления ПиС были вынуждены отменить пункт об уголовной ответственности, что стало, возможно, самым большим поражением партии Качиньского с момента прихода к власти.

После формирования первого с 1989 г. однопартийного большинства ПиС взяла курс на подчинение себе всех государственных институтов Польши. Очевидную попытку монополизации власти команда Качиньского объясняла необходимостью новой санации: очищения государственного организма Польши от старых коррумпированных политиков, без чего невозможны решительные и последовательные реформы и строительство Четвертой Речи Посполитой. Действия ПиС по переподчинению себе властных структур были уподоблены второй люстрации: очищению системы госуправления от коммунистов наследовало очищение от «Гражданской платформы».

Первой и самой резонансной акцией ПиС стало взятие под контроль судебной власти с помощью реформы Конституционного трибунала. Новое парламентское большинство сначала аннулировало назначение в Конституционный трибунал пяти судей, выдвинутых «Гражданской платформой», заменив их своими, а затем существенно ограничило возможности трибунала. Попытка пересмотреть баланс сил между ветвями власти привела к конституционному кризису в Польше. Конституционный трибунал оценил реформу себя как неконституционную, в стране на протяжении 2016–2017 гг. проходили крупнейшие со времен «Солидарности» акции протеста, численность крупнейших митингов в Варшаве составила по разным подсчетам от 50 до 250 тысяч человек. Впрочем, массовость протестов не помешала ПиС реализовать судебную реформу¹⁶.

Конституционный кризис 2016 г. породил ситуацию, когда внутренняя политика Польши смешалась с внешней, европейской политикой. Европейский союз в конфликте вокруг судебной реформы выступил безоговорочно на стороне либеральной оппозиции, став по сути ее главным союзником в борьбе с Качиньским. Глава Европарламента назвал замену судей Конституционного трибунала попыткой государственного переворота, Венецианская комиссия (консультативный орган по конституционному праву при Совете Европы) назвала судебную реформу не соответствующей стандартам Европы в области разделения властей и верховенства закона, в связи с чем в Брюсселе был поднят вопрос о лишении Польши права голоса в Совете ЕС.

Вмешательство ЕС способствовало углублению раскола в польском обществе. Для сторонников оппозиции поддержка Европы стала доказательством, что их борьба с ПиС носит ценностный характер и явля-

ется борьбой за демократический европейский путь развития Польши¹⁷. Сторонники власти восприняли угрозы введения санкций как вмешательство во внутренние дела Польши и посягательство Брюсселя на его суверенитет. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что председателем Евросовета в период конфликта был Туск — бывший премьер-министр Польши и лидер «Гражданской платформы», находящийся в крайне неприязненных отношениях с Ярославом Качиньским.

Столь же резкую критику западного сообщества вызывают попытки «Права и справедливости» поставить под контроль средства массовой информации. Правительство ПиС усилило контроль над государственными СМИ, провело смены редакции, заменило нелояльных журналистов на общественных телеканалов, что породило обвинения в установлении политической цензуры. Есть основания говорить о давлении ПиС на оппозиционные СМИ: в случае с уголовным расследованием оппозиционного телеканала TVN в конфликт на стороне оппозиции вмешалась даже посол США в Польше.

Последним оплотом, который удерживает за собой польская оппозиция, остается местное самоуправление. «Гражданская коалиция» сохраняет большинство в больших городах, хотя там тоже наблюдается рост сторонников «Права и справедливости». Тем не менее местные выборы 2018 г. стали поражением правящей партии в крупнейших самоуправлениях. Благодаря передаче административных полномочий на местный уровень, а также практике Евросоюза направлять многие субсидии из фондов ЕС напрямую муниципалитетам. Самоуправления Польши финансово независимы от центральной власти и воеводств, поэтому большинство в больших городах остается важнейшим политическим ресурсом польской оппозиции.

Однако этого и других ресурсов недостаточно, чтобы перейти в наступление. По итогам парламентских выборов «Право и справедливость» сохраняет и даже увеличивает большинство в польском Сейме. За партию Качиньского проголосовали 46 % населения, за «Гражданскую коалицию» — 27 %, блок левых сил «Левица» — 12 %, правоконсервативная «Польская коалиция» — 6,5 %, ультраправая «Конфедерация» — около 7 %. По сравнению с прошлыми выборами, на которых ПиС получила 37 % голосов, прирост очень заметный, при этом очевиден тренд на идеологическую радикализацию в польском обществе и рост там крайне правых настроений¹⁸.

По показателям «Гражданской коалиции», напротив, видно, что эта партия сохраняет «ядро» своего электората, но не может расширить числа сторонников. У либеральной оппозиции нет оригинальной альтернативной повестки: «Гражданская коалиция» предлагает вернуть

Польшу, которая была при правительствах Д. Туска и Э. Копач, при этом нередко копируют предложения ПиС (вслед за ней обещали не соглашаться на размещение в стране мусульманских мигрантов, призывали к расширению программы «Семья 500+»). Прочие политические силы страны вовсе не представляют для ПиС конкурентов. Возвращение в польский Сейм «Левицы» или попадание туда ультраправой «Конфедерации» являются «боями местного значения», которые, конечно, разнообразят политический ландшафт страны, но никак не влияют на проводимую политику. Польша Качиньского, возникновение которой в 2015 г. многим казалось случайностью, становится долгоиграющим явлением, влияющим на трансформацию всей Европы¹⁹.

За четыре года пребывания у власти ПиС эта партия столкнулась с рядом ограничителей, под давлением которой была вынуждена сдавать назад и корректировать свою внутреннюю политику. Самые яркие примеры таких ограничителей — кампания протеста польского общества против полного запрета аборт, и публичная критика Соединенными Штатами так называемого «Закона о Холокосте». В обоих случаях сторонники Качиньского были вынуждены пойти на попятную и пересмотреть свои одиозные инициативы, что доказывает: национал-консервативный курс ПиС поддается внутренней и внешней корректировке, а их власть не является абсолютной.

Тем не менее в большинстве случаев партия Качиньского сумела провести в жизнь свою политику и заручиться при этом поддержкой относительного большинства населения. Отторжение в обществе вызывают решения ПиС, нацеленные на «ядро» электората Качиньского (а это стандартные 25 % избирателей), при этом социальная и отчасти миграционная политика правительства вызывают одобрение абсолютного большинства поляков, что позволило партии почти вдвое нарастить свой электорат за счет ситуационных сторонников к выборам 2019 г. в Сейм и Сенат.

Все это позволяет говорить, что «Польша Качиньского» — это долговременное явление, а не историческая случайность, как многие полагали в 2015 г. Это связано не столько с правящей партией, сколько с запросами самого польского общества. Выборы 2019 г. доказали, что в Польше востребована и альтернатива Качиньскому справа, потому что в Сейм прошли еще более национал-радикальные силы, чем «Право и справедливость». Кризис либеральной модели развития на Западе и военно-политический кризис на Востоке (Украина) приводят к тому, что в Польше укрепляется собственный, подчеркнуто нелиберальный и националистический курс, который польские власти рассматривают в качестве модели будущего для Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Глинкина С. П., Куликова Н. В. Заимствование рыночных институтов развитых стран: опыт Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2015. № 4. С. 109.

² Grzymalski J. Powrót do Europy — polski dyskurs: wyznaczanie perspektywy krytycznej. Warszawa, 2016. — 244 p.

³ Lutosławski W. Mesjanizm jako polski światopogląd narodowy // A. Wawrzynowicz (red.), Spór o mesjanizm. Rozwój idei. Warszawa, 2015. S. 381–390.

⁴ Лагно А. Р. Прекрасное далёко: идея «морального обновления» польского общества // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2017. № 2. С. 182–183.

⁵ Grabinski K., Kedzior M., Krasodomska J. Cultural conditionings of Poland on the background of other countries. IFRS adoption in Poland in the light of empirical research // Economics and Political Implication of International Economical Financial Reporting Standards. 2016 Hershey: Business science reference. P. 144–168, 153.

⁶ Thorpe J. Austrofascism: Revisiting the ‘Authoritarian State’ 40 Years On // Journal of Contemporary History. 2010. Vol. 45, No. 2. Pp. 315–343.

⁷ Клемешев А. П., Ворожеина Я. А. Национал-консервативный «поворот» Польши в геополитическом контексте // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 17–28.

⁸ Balcer A., Buras P., Gromadzki G., Smolar E. Polityka europejska rządu PiS. Warszawa, 2017. P. 27.

⁹ Медушевский А. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе // <http://gefter.ru/archive/24299>; дата обращения 13.02.2020.

¹⁰ Габарта А. А. Концепции «разнообразия капитализма» на примере Польши // Современная Европа. № 7. 2018. С. 141–151.

¹¹ Габарта А. А. Социально-экономическая модель стран Центральной Европы // Современная Европа. №7. 2017. С. 104–113.

¹² Szczerbski K. Utopia Europejska. Kryzys integracji i polska inicjatywa naprawy. Warszawa, 2017. 256 p.

¹³ Лыкошина Л. С. Польская идентичность в контексте политического развития страны // Европеизм и национализм в странах Восточной Европы: сборник научных трудов. М., 2014. С. 32

¹⁴ Milewski J. II Wojna Światowa w pamięci zbiorowej Polaków // Rok 1945. Między wojną a pokojem. W 60. rocznicę zakończenia II wojny światowej : Praca zbiorowa. Olsztyn, 2008. S. 38.

¹⁵ Носович А. А., Шамшиев А. А. Столкновение национализмов: как историческая политика разрушает отношения Польши и Украины. Аналитический доклад. Калининград, 2017

¹⁶ Глухова А. В., Савенков Р. В. Новый авторитаризм в польском облачении // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 181–191.

¹⁷ Лыкошина Л. С. «Польско-польская война»: политическая жизнь современной Польши. М., 2015.

¹⁸ Немецкий О. Б. Крайне правые в современной Польше // Правый радикализм в Восточной Европе: Сб. науч. трудов ИНИОН РАН. М. 2018. С. 22–82.

¹⁹ Shekhovtsov A., Sierakowski S. Wzory illiberalizmu w Europie Środkowej // Wirtualna Polska. 9 February 2016.

НОВЫЙ РЫЦАРЬ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ — ПОЛЬША

Рафал Ридель

В настоящей работе автор рассматривает доктрину польского *экспансионизма* [особого положения страны в истории. — *Прим. перев.*] через призму ее отношения к России, сравнивая Польшу в политическом и экономическом аспекте с другими центрально-европейскими странами — членами *Вишеградской группы*. Бывшие страны Восточного блока, освободившись от влияния Москвы, по-разному подошли к формированию и выстраиванию своих отношений с Россией, стартовав с разных позиций и в разных условиях. Вследствие этого каждая центрально-европейская страна проводила независимо от других свою собственную «восточную политику».

Регион, именуемый ныне Вишеградскими странами (V4), объединяет Польскую, Венгерскую, Чешскую и Словацкую республики. Этим государствам не удалось выработать общую политику и стратегию во взаимоотношениях с бывшей «метрополией». Даже войдя в состав Евросоюза, «новые страны-члены» (NMS) лишь в редких случаях придерживались совместной блоковой политики по отношению к Москве. Печально известное «Восточное партнерство», изначально задуманное Польшей и представленное в качестве «европеизированного» польско-шведского предложения, не добилося сколь-либо значимых результатов. В силу своей истории и географического положения, а также благодаря своим размерам, потенциалу и региональным амбициям Польша пыталась выступить в качестве главного проповедника прозападной ориентации постсоветских стран. Однако, чтобы стать лидером, необходимо иметь сторонников, а другие страны региона без особого энтузиазма отнеслись к перспективе главенства Польши. Когда стало очевидно, что «Восточ-

ное партнерство» вряд ли достигнет поставленных целей, варшавские дипломаты начали якобы рассуждать о том, что слабым звеном проекта стали именно восточные партнеры. Эти разговоры были вызваны колебаниями в прозападной политике Украины, а также некоторых других постсоветских стран в период после 1991 г. И все-таки винить в сложившейся ситуации следовало бы не только восточных партнеров.

Причины стагнации в демократизации, европеизации и переходе в новое политическое состояние таких стран, как Украина и Молдавия, до сих пор находящихся в «серой зоне», сложны и запутаны и определяются тремя группами факторов. Во-первых, это их собственное достаточно слабое стремление порвать с недемократическим прошлым, выстроить действительно свободную рыночную экономику и интегрироваться в западные институты. Во-вторых, это степень готовности Запада смириться с восточноевропейскими амбициями («усталость» от расширения ЕС). В-третьих, ключевым фактором явилось упорство Москвы в непризнании полного суверенитета бывших советских республик. Все это создает ситуацию, самым подходящим определением которой является закрывающееся «окно возможностей» для постсоветских государств. Оно было открыто в течение короткого промежутка времени после 1991 г. Таким бывшим соцстранам, как Венгрия и Польша, а также некоторым бывшим советским республикам — Литве, Латвии и Эстонии — удалось вырваться из зоны влияния Москвы и занять собственную независимую геополитическую и геоэкономическую позицию. Это стало возможным в непродолжительный период относительной слабости России. Вместе с «пробуждением русского медведя» — как именуют неоимперские устремления Кремля¹ — перспективы обрести самостоятельность для других территорий, находившихся ранее под властью СССР, значительно ухудшились. Нынешние отношения России и бывших стран-сателлитов тоже переживают нелегкие времена.

Фактически России удалось выстроить систему многообразных двусторонних отношений с вновь возникшими (или недавно получившими свободу) центрально- и восточноевропейскими государствами. Подобный подход является азбучной истиной для любой империи — в отношениях один на один она сильнее любого отдельно взятого партнера. Москве удалось избежать многосторонности во многих сферах (например, энергетической), где государства-члены Евросоюза могли бы выступать как единая группа. Страны V4 еще не осознали, как они могут с выгодой для себя использовать членство в ЕС в выстраивании отношений с Россией. Им не только не удалось убедить западных партнеров в своих специфических перспективах, но и выстроить гармоничные отношения между собой.

Настоящая статья посвящена странам V4, причем особое внимание уделяется Польше. Отношение этой четверки к России разное: русофобия в Польше, понимание русской позиции в Чешской Республике, симпатия к ней в Венгрии и Словакии. В то же время состояние отношений с Россией коррелирует с уровнем евроскептицизма. Так, например, рост евроскептицизма в Польше², ставший реакцией на экономический кризис 2013 г., фактически прекратился после присоединения Крыма и начала открытого вооруженного конфликта на северо-востоке Украины.

Цель предлагаемого анализа — представить Польшу в контексте других государств V4. Страна не является образцом отношения центрально-европейских государств к России³, поскольку обладает значительным демографическим, экономическим и политическим потенциалом. Это самое крупное и сильное образование в поясе, проходящем по линии раздела между так называемыми Западом и Востоком, установленной С. Хантингтоном. В силу исторических причин у Польши были крайне непростые отношения с Россией, что вылилось в русофобский настрой общества и его элит⁴. В отличие от сценария германо-польского примирения, в российско-польских отношениях даже не было намеков на что-либо подобное. Сказывается и географическое положение Польши — это своего рода восточный буфер ЕС и шенгенской зоны: она единственная страна, граничащая как с Российской Федерацией, так и с Украиной⁵. Российско-польские дипломатические отношения можно охарактеризовать исключительно как холодную войну⁶. В то же время торговля между двумя странами стабильно развивается невзирая на эмбарго, которое Польша успешно использовала в политических целях. Ее безопасность в военной области (по крайней мере, таковы ощущения в Польше) укрепилась после решения саммита НАТО в Варшаве в 2016 г. разместить в Польше контингент американских военных. Если мы хотим нарисовать масштабную картину отношений стран Центральной Европы с Москвой, случай Польши представляет несомненный интерес.

Изначально предполагалось, что Вишеградская группа должна способствовать вступлению своих членов в Евросоюз и НАТО. Постепенно она эволюционировала в специальный инструмент сотрудничества и координации в отношениях между ЕС и новыми странами-членами союза из Центральной Европы. Региональный блок превратился в своего рода лобби⁷, в особенности в области международных отношений и преимущественно на восточном направлении. Со временем возникли расхождения, и во втором десятилетии XXI в. страны V4 так и не смогли выработать единой политики по отношению к восточному соседу. Это

полностью совпадает с целью русских — подорвать единство Евросоюза по вопросу торговых санкций в отношении Москвы. И эта цель могла быть легко достигнута, принимая во внимание такие дружественно настроенные к Кремлю государства, как Словакия, Венгрия и Греция. С другой стороны, страны Прибалтики и Польша постоянно говорят о недоверии к России и выступают в вопросе о санкциях единым фронтом. Таким образом, различия можно было видеть не только в рамках ЕС, но и в самой группе V4. Россия же выступает в пользу развития двусторонних связей со странами-членами ЕС в надежде усугубить противоречия внутри блока (принцип *разделяй и властвуй*). Избегая многосторонних межгосударственных объединений, Россия использует двусторонние отношения с отдельными странами-членами в целях обструкции общих инициатив ЕС⁸. Это снижает эффективность ЕС и его влияние на внешний мир, в первую очередь на Украину⁹.

Такие разные подходы к России со стороны центрально-европейских государств стали предметом многочисленных научных исследований. Уже в 2007 г. авторитетный мозговой центр — Европейский совет по международным отношениям (*European Council on Foreign Relations*, ECFR) — опубликовал доклад под названием «Аудит власти в отношениях ЕС — Россия»¹⁰, в котором представил интересную классификацию отношения всех стран-членов ЕС к России.

Доклад ввел следующие понятия: *троянские кони* (например, Греция, Кипр), *стратегические партнеры* (например, Франция, Германия), *дружественные прагматики* (например, Австрия, Болгария), *холодные прагматики* (например, Дания, Голландия) и, наконец, *новые рыцари холодной войны* (например, Литва). Примечательно, что страны V4, занимая сравнительно небольшую территорию, попали почти во все разделы этой классификации. Польшу отнесли к *новым рыцарям холодной войны*, Чешская Республика оценена как *холодный прагматик*, в то время как Венгрия и Словакия представлены в качестве *дружественных прагматиков*. Что можно сказать о политике этих стран исходя из этой классификации? Польша как *новый рыцарь холодной войны* занимает в целом враждебную позицию по отношению к Москве и без колебаний готова применить право вето, чтобы заблокировать переговоры между Евросоюзом с Россией. С другой стороны, *дружественные прагматики* (Венгрия и Словакия) поддерживают тесные связи с Москвой и склонны ставить свои экономические интересы выше политических целей. Чешская Республика — *холодный прагматик*, также уделяет основное внимание деловым связям, хотя и не боится высказываться против действий России в области прав человека, а также по другим вопросам. Классификация подвижна и постоянно переосмысливается в контексте теку-

щей международной политики. Так, например, кризис на Украине перевел Венгрию, а также Чешскую и Словацкую Республики в категорию *троянских коней*, поскольку руководители этих стран, как известно, продемонстрировали знак доброй воли по отношению к России, невзирая на (и даже выступая против) согласованную политику ЕС по этому вопросу¹¹. С другой стороны, страны Прибалтики, Польша и другие государства, имевшие «тяжелый опыт» взаимоотношений с Москвой (например, Румыния и Болгария), выбрали непримиримую позицию. Более того, каждая из этих стран от своего имени призывала ЕС принять максимально жесткие ответные меры, опасаясь, что русскоязычное население дестабилизирует обстановку во всем регионе, и решительно продвигая и поддерживая санкции со стороны ЕС. Нередкими были сравнения с аннексией нацистской Германией в 1938 г. Судетской области¹². А факт удаления знаков различия с российской военной техники и формы военнослужащих обычно описывался как акт международного терроризма.

Тем не менее «клуб понимающих Россию» (Австрия, Венгрия, Словакия и до некоторой степени Чехия) подверг открытой критике политику санкций со стороны Евросоюза и даже выступил за проведение политического диалога с Россией на высшем уровне¹³. К группе стран, открыто симпатизирующих В. В. Путину, таких, как Италия и Австрия, можно также отнести Словакию и Венгрию. Нельзя не упомянуть и некоторых чешских политиков (например, Милоша Земана или Андрея Бабиша). Позиция Польши по этим вопросам существенно отличается, а после активизации военного присутствия России в Балтийском море негативное отношение только усилилось.

Новые страны-члены ЕС с самого начала своих продемократических преобразований придерживались подходов, явно не соответствовавших политике союза в отношении России¹⁴. В течение трех последних десятилетий их взгляды эволюционировали, тем не менее сохраняются отличия как от западных союзников, так и в рамках региона.

В силу имеющихся экономических связей пророссийская политика Венгрии не является ни новостью, ни неожиданностью. Открытость страны широкому сотрудничеству с Россией основывалась на убеждении, что Запад переживает период экономического спада (усиленно подчеркивалось режимом В. Орбана), и это диктовало необходимость диверсификации связей. Примером служит предоставленный Россией на льготных условиях кредит на строительство новой очереди атомной электростанции. Пророссийские настроения подогреваются в большей степени премьер-министром Венгрии и руководителем правящей партии Фидес (*Fidesz*), который проводит реформирование политической

системы своей страны в направлении, противоположном либерализму, все сильнее склоняясь к российской системе «суверенной демократии». Политическая система Венгрии все более уподобляется Турции или России (например: централизация власти, вольное обращение со стандартами функционирования средств массовой информации, антилиберализм и другие особенности демократии), что побуждает лидеров этих стран относиться друг к другу все с большей симпатией.

Показательна ситуация со Словакией. Будучи членом еврозоны, страна находится в самом центре проекта европейской интеграции. Этот факт подразумевает, что Братислава, совершенно очевидно, должна выступать за единство Европы. В то же самое время ее зависимость от российских энергоресурсов и, например, поставок вооружений, заставляет Словакию постоянно оглядываться на Восток.

Как чехи, так и словаки рассматривают двусторонние отношения с Россией в первую очередь через призму экономического, а не межгосударственного сотрудничества. Связь с этой страной может помочь им преодолеть последствия кризиса. Россия потенциально относится к числу развивающихся рынков, следовательно, считается, что в будущем она может стать одним из центров экономического роста¹⁵. В результате в Праге и Братиславе растут ожидания сближения между Россией и Европой, или, в более широком смысле, с Западом.

Что касается Польши, то политика этого государства в отношении к России в значительной степени отличается от проводимой другими членами группы V4 — она определяется внутренней ситуацией в стране. Многое зависит от того, кто находится у власти в Варшаве — националистическая и русофобская партия Я. Качиньского или либеральная и прагматичная «Гражданская платформа»¹⁶. Среди членов Евросоюза Польша настойчиво выступает за санкции, которые тем не менее тяжелым бременем ложатся на экономику страны (только в 2014 г. экспорт сократился на 14 %, а импорт — на 9 %). Во многих областях российский рынок был главным для польского экспорта¹⁷. Для таких тяжеловесов европейской политики, как Германия, Польша выступает в роли своего рода противовеса склоняющимся в сторону России странам-членам ЕС (например, Италии, Греции или Кипру). Отсутствие единства по ключевым вопросам взаимоотношений с Россией в рамках V4 означает, что Польша, Венгрия, Словакия и Чехия вряд ли будут в будущем пытаться выступать за расширение сотрудничества с Россией¹⁸.

Внешняя опасность для европейцев издавна была основным фактором, стимулирующим процессы интеграции. В античные времена греки перед угрозой персидского вторжения формировали *амфиктионии* — квазифедерации, объединявшие большие группы *полисов* с целью

воспользоваться преимуществами группы (например, построить общий флот — Афинский морской союз). История Европы полна примеров когда интеграционные процессы вызывались наличием внешней угрозой. Последняя иллюстрация этого тезиса — кризис на Украине и его влияние на восприятие России как агрессора и внешней угрозы. Российско-украинский конфликт повлиял на прозападную ориентацию польского общества. Украина для Польши традиционно играет важную роль (*серединной земли*) в формировании оборонительной стратегии страны, можно даже сказать, что именно Украина определяет отношения Польши с Россией.

Рост озабоченности вопросами безопасности среди польских граждан сильно связан с Россией и потенциальной опасностью, исходящей с Востока. Ощущение растущей угрозы является фактором, усиливающим прозападную ориентацию польского общества. Этот механизм может быть рассмотрен и на более широком временном интервале — фактор «отрицания Востока» или, в более конструктивной формулировке, «возврата на Запад» прослеживается в Польше с 1989 г. Когда 17 сентября 1993 г.¹⁹ российские войска покинули территорию Польши, восточная угроза никуда не исчезла. Надежды на преобразование европейской безопасности путем интернационализации, институционализации и демократизации так и не осуществились²⁰, и в 1990-е гг. польская дипломатия начала демонстрировать более реалистичное отношение к своему крупнейшему соседу — Российской Федерации. С другой стороны, в это же время Евросоюз безуспешно пытался реализовать по отношению к Москве концепцию *мягкой силы*, однако нормативная власть ЕС, похоже, не работала в восточном направлении. Как было доказано Ф. Шиммельфеннингом²¹, единственной реально работающей политикой Евросоюза являлась политика его расширения. Управление путем горизонтальной координации²² и возможности ЕС по трансформации споткнулись на Востоке. В то же самое время кумулятивный эффект от целого ряда кризисов (экономического, миграционного) заставил Евросоюз обратить внимание в первую очередь на процессы, происходящие внутри него самого. Кроме того, Брюсселю пришлось столкнуться с более уверенной в себе Россией. Своего рода наступательный ревизионизм Москвы поставил под вопрос сложившийся порядок вещей, а расширение ЕС привело к появлению в Европе нового соотношения между Востоком и Западом. Ряд стран, ранее относившиеся к Востоку, стал частью Запада и в этом качестве стал наиболее активно противодействовать восточному центру силы.

Яблоком раздора и источником напряжения в отношениях между Западом и Россией служит, среди прочего, стремление Украины, Мол-

давии и Грузии интегрироваться в евроатлантические структуры. Крымский (а также Донецко-донбасский) сценарий также вызвал в НАТО серьезные споры относительно защиты Центральной Европы от возродившегося российского экспансионизма²³. Кризис на Украине обозначил пределы продвижения демократии на Восток. Необходимо помнить, что основные преимущества, связанные с расширением Евросоюза, являются производными от главенства закона, а также большей упорядоченности экономической, социальной и политической деятельности²⁴. Как только некоторые из новых государств-членов ЕС отошли от принципов «правового государства» (например, Венгрия, Польша), они утратили доверие, поддержку и солидарность со стороны западных партнеров — а ведь это было их основным капиталом в отношениях с Москвой. Недостаток групповой солидарности уязвимых в геополитическом отношении стран создает выгодную ситуацию для России. Эти страны могут оказаться в одиночестве, и, следовательно, ослабить свою позицию. Европа не испытывает иллюзий в отношении России, а также в значительной степени и относительно других государств на своих восточных окраинах, не исключая и некоторые страны-члены ЕС.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Grigas A. *Beyond Crimea. The New Russian Empire*. Yale, 2016.

² CBOS 2014a — Raport: 10 lat członkostwa w Unii Europejskiej, NR 52/2014, CBOS. Warszawa, 2014.

³ Это утверждение справедливо для любой страны региона.

⁴ CBOS 2016 — Raport: Stosunek Polaków do innych narodów, nr 53/2016, CBOS. Warszawa, 2016.

⁵ Примечательно, что после распада Советского Союза Польша стала первой страной, признавшей независимость Украины.

⁶ Bielen S. *Trudności w normalizacji stosunków polsko-rosyjskich // Dylematy polityki zagranicznej Polski na początku XXI wieku*. Katowice, 2014. S. 285–300.

⁷ Dangerfield M. V4: A new brand for Europe? Ten years of post-accession regional cooperation in Central Europe // *Poznań University of Economics Review*. 14 (4). 2014. P. 71–90.

⁸ С точки зрения Москвы, отношения Российской Федерации с группой стран Вишеградской четверки всегда находились в тени отношений с ЕС. Кризис на Украине продемонстрировал и сделал очевидным тот факт, что страны V4 непосредственно граничат с нестабильным и непредсказуемым регионом.

⁹ Kulhanek J. *The Fundamentals of Russia's EU Policy // Problems of Post-Communism*. 57 (5). 2010. P. 51–63.

¹⁰ Leonard M., Popescu M. *A Power Audit of EU — Russia Relations*. ECFR. Brussels, 2007.

¹¹ *Vitkus G.* Towards Stronger Normative Power: the Nature of Shift in EU Foreign Policy in the Context of the Crisis in Ukraine // *European Integration Studies*. Nr 9. 2015. P. 8–19.

¹² *Davidoff V.* Putin's Crimean Anschluss // *Moscow Times*. March 3, 2014. URL: <http://www.themoscowtimes.com/opinion/article/putin-s-crimean-anschluss/495462.html>; дата обращения 20.10.2019.

¹³ *Vitkus G.* Op. cit. P. 15.

¹⁴ *Valasek T.* New EU Members in Europe's Security Policy // *Cambridge Review of International Affairs*. 18 (2). 2005. P. 217–228.

¹⁵ *Takelc S., Syetlicic M.* Can cooperation with BRIC and other Growth Markets help EU member states exit the crisis? // *Post-Communist Economies*. 26 (2). 2014. P. 176–200.

¹⁶ *Taras R.* Russia Resurgent, Russophobia in Decline? Polish Perceptions of Relations with the Russian Federation 2004–2012 // *Europe-Asia Studies*. 66 (5). 2014. P. 710–734.

¹⁷ Report on Foreign Trade. 2015.

¹⁸ *Dangerfield M.* Visegrad Group Co-operation and Russia // *Journal of Common Market Studies*. 50 (6). 2012. P. 958–974.

¹⁹ 17 сентября — это символическая дата для Польши. Именно 17 сентября 2019 г. в соответствии с пактом Молотова–Риббентропа по Польше, уже две недели сражавшейся с нацистской Германией, был нанесен удар с Востока. [Подобное утверждение чрезвычайно характерно для Польши: ни в тексте Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, ни в секретном протоколе к нему 17 сентября не было указано, как и вообще не было речи ни о вступлении Красной армии на территорию Польши, ни о совместных действиях с Германией. — *Примеч. ред.*]

²⁰ *Ciuta F.* Region? Why region? Security, hermeneutics, and the making of the Black Sea region // *Geopolitics*. 13 (1). 2008. P. 128.

²¹ *Schimmelfennig F.* EU Political Conditionality After the 2004 Enlargement: Consistency and Effectiveness // *Journal of European Public Policy*. 15:6. 2008. Pp. 918–937.

²² *Sedelmeier U., Schimmelfennig F.* Governance by conditionality: EU rule transfer to the candidate countries of Central and East Europe // *Journal of European Public Policy*. № 4 11 (4). 2004.

²³ *Naumescu V.* The Post-Vilnius Union's Eastern Neighborhood: Tensions, Crises, Perspectives // *On-line Journal Modelling the New Europe*. № 145. 2015. P. 3–23.

²⁴ *Bideleux R.* Rethinking the Eastward Expansion of the EU Civil Order and the Nature of Europe's New East — West Divide // *Perspectives on European Politics and Society*. № 10 (1). 2009. P. 118–136.

ВОЗРОЖДЕНИЕ МЕЖДУМОРЬЯ — АМЕРИКАНСКАЯ ИГРА ПРОТИВ ЕВРОСОЮЗА И РОССИИ

Вероника Крашенинникова

На протяжении всего 70-летнего существования НАТО его европейской опорой служили Германия и Франция. Приход к власти Дональда Трампа с его националистическими установками заставили трансатлантическую ось сдвинуться. Берлин и Париж сегодня всё настойчивее пытаются уклоняться от исполнения требований Вашингтона, который применяет к ним совсем уж грубое политическое и экономическое давление. Новой опорой Вашингтона в Европе в настоящее время становятся страны востока континента.

Процесс стартовал ещё во времена администрации Джорджа Буша-младшего: Германия и Франция показали себя «ненадёжными» партнёрами, выступив вместе с Россией против войны в Ираке в 2003 г. За это они получили от тогдашнего министра обороны США Дональда Рамсфельда с его точки зрения уничижительный ярлык «старой Европы». А услужливые восточные страны, которых Вашингтон в то время вводил в состав НАТО и ЕС на роль застрельщика своих инициатив, удостоились именования «новой Европы»¹.

Администрация Трампа завершила этот переход: теперь основным союзником США в Восточной Европе является Польша. Только в Польше с ее националистическим правительством президент США мог произнести свою программную речь в июле 2017 г.² Только Польша инициативно и настойчиво предлагает свою территорию для размещения военных баз США и, более того, готова платить за это миллиарды долларов, и заодно агитирует других увеличивать взносы

в НАТО. Только в Польше могла в феврале 2019 г. состояться конференция по Ближнему Востоку, с ярко выраженной антииранской направленностью.

Польша, со своей стороны, делает все возможное, чтобы стать надёжной военной опорой своего американского патрона. В прошлом году Министерство национальной обороны Польши утвердило план модернизации армии страны на 48,9 млрд долларов — с целью «укрепления восточного фланга НАТО»³. Не стоит сомневаться в том, что вооружения будут закуплены в США. Варшава и Вашингтон ведут переговоры о приобретении многоцелевых самолётов пятого поколения F-35: планируется купить 32 единицы до 2026 г. Польша и в целом Восточная и Центральная Европа рассматриваются в США в качестве потенциальной «стартовой площадки» для баллистических и крылатых ракет с ядерными носителями, идёт строительство военной базы «Форт Трамп», в 2022 г. ожидается начало поставок ПРО *Patriot*, готовится открытие в Редзиково базы ПРО *Aegis Ashore* на расстоянии всего 160 км до российской границы (Калининградской области).

Постоянно расширяется военная инфраструктура НАТО в регионе, восточноевропейские правительства заключают многомиллионные сделки по закупке новейших американских вооружений, создаются многочисленные подозрительные фонды и организации, финансирующие нелегальные и полуподпольные военизированные формирования. Сегодня вопросы стратегической стабильности на континенте теснейшим образом замкнуты на Восточную и Центральную Европу. И если милитаризация континента продолжится, Россия будет вынуждена искать достойный ответ на эти вызовы.

Придется искать ответ и Западной Европе. В отличие от «молодых» членов ЕС и НАТО, архитекторы европейского объединения — Германия и Франция — не разделяют авантюрный подход в военных делах по отношению к России. В этих условиях ответственные эксперты по всему миру обращают своё внимание на геостратегические процессы в регионе. К числу главных рисков стратегической стабильности в Большой Европе, бесспорно, относятся усиливающиеся попытки возрождения в регионе концепции Междуморья⁴ — геостратегического проекта, предусматривающего создание под американским патронажем военно-политического союза государств, расположенных в треугольнике между Адриатикой, Балтикой и Чёрным морем. Этот потенциальный блок будет направлен как против франко-германского ядра ЕС, так и против России.

История этой концепции насчитывает уже сто лет и восходит к фигуре польского диктатора Юзефа Пилсудского и политике «про-

метеизма». После Первой мировой войны геостратегический проект Междуморье декларировал необходимость объединения под польским руководством стран между Балтийским и Черным морями, а заодно и Адриатикой. В годы диктатуры Пилсудского концепция Междуморья подкреплялась тактикой «прометеизма» — разрушения СССР путем разжигания в народах национализма и сепаратизма: «как Прометей принес огонь людям, так Польша принесёт свободу порабощённым Москвой народам». Впоследствии такую политику взял на вооружение Третий рейх, создавая национальные легионы СС, а затем этим же занялись США во времена холодной войны, разжигая антироссийский национализм в рамках «Закона о порабощённых народах»⁵.

Инфраструктура Междуморья сохраняла своё значение и для американской разведки и годы холодной войны. Её влияние на формирование политики постсоветских государств в националистическом и антироссийском ключе в период после 1991 г. сложно переоценить. Связи супруги украинского президента Виктора Ющенко Катерины Чумаченко с обосновавшейся после Второй мировой войны в США украинской «секцией» проекта Междуморья являются ярким примером этого процесса⁶. Символично поэтому, что именно при Ющенко было подписано соглашение о создании совместной польско-украинско-литовской военной бригады (LITPOLUKRBRIG), в котором говорилось о намерении трёх государств создать подразделение под единым командованием со штабом в польском Люблине⁷. Первые учения LITPOLUKRBRIG прошли в 2016 г.

Сегодня на Украине концепцию Междуморья продвигают многочисленные проамериканские структуры, такие как Институт евроатлантического сотрудничества в Киеве. Константин Федоренко и Андреас Умланд из этого центра предложили конкретные идеи разработки договора о Междуморье, который позволил бы разрешить противоречие между будущими участниками договора — членами и не членами ЕС и НАТО⁸.

Для польских националистов Междуморье давно было главным оперативным концептом. Новизна в том, что его подхватили американские стратеги и военные. Первым его ввел в оборот в 2009 г. Джордж Фридман, глава американского частного разведывательного агентства «Стратфор». Раскрытая «Викиликс» переписка «Стратфор» показывает, что термин Междуморье (*Intermarium*) встречается в 394 письмах «Стратфора», отправленных за два года до декабря 2011 г.⁹ В «Геополитическом дневнике» за 2015 г. говорится предельно четко: «Ввиду возрождения мощи России идея Междуморья, поддержанного не Францией, а США, и имеющего своей целью Россию, станет неизбежна»¹⁰.

Основатель «Стратфора» Дж. Фридман в своих выступлениях неоднократно поддерживал возрождение проекта Междуморье. По его мнению, Польше следовало дистанцироваться от ЕС и сформировать блок с остальными странами Центральной и Восточной Европы, расположенными между Германией и Россией. В видео, записанном на проходившем в октябре 2012 года Европейском форуме новых идей, он заявил: «Теперь Польша должна зависеть сама от себя. Почему? Эта страна с населением в 38 млн человек обладает динамичной экономикой, ее населяют умные и хорошо образованные люди, страна находится на подъеме. Я предложил бы вам более радикальную идею. Это фундаментальная мысль генерала Пилсудского — Междуморье. В двух словах ее можно изложить так: мы зажаты между Германией и Россией, и это поганое положение»¹¹.

Польские амбиции всегда получали поддержку наиболее агрессивной части американских стратегов. В последние годы ставка на жёсткое доминирование США добавила смелости восточноевропейским националистам, воюющим против «либеральной Европы» и против конструктивных отношений с Россией. В своеобразной «мечте о Междуморье» в опасном коктейле объединились шовинистические амбиции восточноевропейцев и гегемонистские устремления США — против укрепления Европы и, тем более, против нормализации российско-европейского диалога.

Новой политэкономической инкарнацией Междуморья стала поддержанная США Инициатива трёх морей (*The Three Seas Initiative*), предложенная польскими национал-консерваторами из партии «Право и справедливость». Прошло уже четыре саммита этой новой структуры, один из которых, в Варшаве в 2017 г., даже посетил американский президент. Хотя Инициатива трёх морей декларирует себя в качестве социально-экономического проекта, её политическая составляющая несомненна — в рамках «Триморья» уже обсуждаются вопросы организации поставок в Европу американского сжиженного газа и вытеснения оттуда российского. Одним из создателей концепции «Триморья» был экс-главнокомандующий силами НАТО в Европе Джеймс Джонс¹². Очевидно, что четырёхзвёздный американский генерал менее всего озабочен «инфраструктурным развитием» Восточной Европы, а США поддерживают «Триморье», прежде всего, как военно-политический проект. «Мы хотим быть и на самом деле являемся практическими политиками, совместно создающими эффективную и активную Центральную Европу как мировую величину», — заявил президент Польши Анджей Дуда на саммите Триморья в Бухаресте в 2018 г.¹³

Заинтересованность Вашингтона в строительстве Междуморья тем выше, чем меньше Франция и Германия готовы идти на поводу у аме-

риканцев. В условиях углубляющегося трансатлантического раскола между Соединёнными Штатами и западноевропейским ядром ЕС страны Востока Европы (прежде всего, Польша, Румыния и государства Балтии) становятся последним надёжным союзником США в Европе, готовым участвовать в американских провокациях, направленных против России и единства ЕС.

Одним из направлений такого опасного сотрудничества американцев и восточноевропейских адептов Междуморья является Украина. Ультранационалисты, обеспечившие силовую часть переворота в Киеве и получившие реальный опыт «городской герильи» в Донбассе, тесно связаны с аналогичными группировками в Восточной Европе и на Балканах. Вместе они сегодня вполне открыто проводят встречи и семинары, на которых обсуждают «методы подготовки военного резерва в молодежных организациях» и «важность военизированных структур в системе оборонительного комплекса современного государства». Один из неонацистских лидеров Андрей Билецкий («Патриот Украины», Социал-национальная ассамблея, «Правый сектор» — все запрещенные в России организации) создал «Группу поддержки Междуморья»¹⁴.

Фактически уже начата работа по созданию подпольной военизированной структуры будущего Междуморья, т. н. сети «Реконкиста», состоящей из радикальных националистов, объединённых ненавистью к «либералам из Брюсселя» и «империалистам из Москвы». Организация таких нелегальных силовых групп, имеющих к тому же реальный боевой опыт, невольно приводит к пугающим параллелям с временами холодной войны и операцией «Гладио»¹⁵. В рамках этой операции в западноевропейских странах была создана подпольная военизированная — по факту террористическая — сеть, находившаяся под контролем американских спецслужб. Сеть создавалась под предлогом «неминувшего советского вторжения», а в действительности была инструментом политического террора против антиамериканских левых сил. Если в то время террористы прикрывались демагогией «защиты Европы от коммунистического заговора», то их нынешние преемники ставят целью строительство панъевропейской националистической федерации, одинаково враждебной Москве и Брюсселю.

Междуморье при этом является частью более широкого набора концепций, вдохновленных консервативными и ультраправыми идеями. Главным олицетворением Междуморья выступает польская партия «Право и справедливость». Антироссийская и проамериканская, она также настроена антилиберально и выступает против европейских институтов. Отношение сами европейских структур к таким странам как Польша и Венгрия достаточно напряжены не только по военно-поли-

тическим причинам. Брюссель не может принять националистическую и антидемократическую фронду этих восточноевропейцев. В таких условиях Междуморье становится одним из идеологических инструментов, которые должны «узаконить» право стран Центральной и Восточной Европы на отличную от Западной Европы идентичность и позволяют им претендовать на право быть «настоящей» Европой. Так, например, Кшиштоф Щерский, глава кабинета польского президента и его советник по международным вопросам, представляет Междуморье в качестве польского варианта ответа на кризис, перед которым оказался сегодня ЕС¹⁶.

При этом национализм сторонников Междуморья осложняет сотрудничество между ними: на польско-украинское партнерство оказывает сильное влияние непрекращающаяся «война памяти» вокруг ответственности каждой из сторон за насилие в годы Второй мировой войны. Тем не менее многие украинские националисты с восторгом относятся к Междуморью. Они взяли концепцию на вооружение, демонстрируя преимущество идеологии и личностей среди ультраправых деятелей межвоенного периода, времен холодной войны и их сегодняшних наследников. Возвращение Междуморья на Украину тесно связано с широкой кампанией по реабилитации ООН и УПА, а также их главного героя Степана Бандеры.

Угроза строительства национал-консервативного антиевропейского и антироссийского Междуморья является сегодня ключевым вопросом европейской безопасности. Ведь обе мировые войны разгорелись из огня локальных конфликтов, вспыхнувших в регионе Центральной и Восточной Европы. Здесь же, «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике», пролегал главный «фронт» холодной войны, с окончанием которой началось его «недружественное поглощение» атлантическими структурами.

Именно при президенте Трампе вошли в резонанс со стороны США и Польши 1) в идеологическом плане, через националистические устремления, 2) в политическом плане, через стремление нанести удар по России и по Германии, 3) в военном плане, через потребности Вашингтона в усилении инфраструктуры в Европе и милитаризм Варшавы. Яростно антироссийская политика, готовность участвовать в американских провокациях против России и единства ЕС делают Польшу, Румынию, Прибалтику и, конечно, Украину самыми надёжными союзниками США в Европе.

Закономерно поэтому, что в ходе своего выступления на Мюнхенской конференции по безопасности в февраля 2020 г. госсекретарь США Майк Помпео пообещал выделить 1 млрд долларов странам, входящим в Инициативу трёх морей. По словам главы американской дипломатии,

эти инвестиции важны для «защиты свободы и демократии во всём мире»¹⁷. В действительности же США стремятся использовать восточно-европейцев против России и Западной Европы, в том числе в энергетической сфере. США надеется с помощью государств Восточной Европы прийти и закрепиться на европейском энергетическом рынке, а также сорвать строительство «Северного потока — 2».

Междуморье может стать самым эффективным американским клином, вбитым в западную оконечность большого Евразийского континента. Оно навсегда похоронит стремление к строительству общего пространства безопасности и демократического сотрудничества от Лиссабона до Владивостока. Нельзя допустить, чтобы химеры Междуморья вновь погрузили Европу и весь мир в хаос нового конфликта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *MacMillan S.* What «New Europe»? The Europeans are divided, but not over Iraq. [Electronic resource]. URL: [http:// mon.gov.pl/dokumenty/](http://mon.gov.pl/dokumenty/); дата обращения 17.02.2020.

² Trump's speech in Warsaw (full transcript, video) [Electronic resource]. URL: [https:// edition.cnn.com/2017/07/06/politics/trump-speech-poland-transcript/index.html](https://edition.cnn.com/2017/07/06/politics/trump-speech-poland-transcript/index.html); дата обращения 17.02.2020.

³ Польша сообщила о рекордных затратах на модернизацию армии в \$48,9 млрд [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/02/2019/5c783ca69a7947d72cb462d5>; дата обращения 17.02.2020.

⁴ Подробнее см.: *Ларуэль М., Ривера Э.* Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа. М., 2019. — 64 с.

⁵ European Freedom Council Formed at Munich Meeting // *Svoboda*, 15 July 1967. [Electronic resource]. URL: http://ukrweekly.com/archive/pdf2/1967/The_Ukrainian_Weekly_1967-27.pdf; дата обращения 17.02.2020.

⁶ *Birkholz S.* “Die stärksten Verbündeten des Westens:” Der Antibolschewistische Block der Nationen 1946–1996. Geschichte, Organisation und Arbeitsweise eines... Zerschlagung der Sowjetunion. Hamburg, 2017. P. 54. Для более подробного знакомства с инфраструктурой украинского влияния в США и послужным списком Катрин Чумаченко, см.: *Краешинникова В.* Пушки августа — нацисты, НАТО и цветные революции // Политический класс. Август–сентябрь 2009. URL: https://www.invissin.ru/publications/guns_of_august_nazis_nato_and_color_revolutions_political_class_magazine/?sphrase_id=2910209; дата обращения 17.02.2020.

⁷ Lithuanian–Polish–Ukrainian Brigade LITPOLUKRBRIG [Electronic resource]. URL: <http://litpolukrbrig.wp.mil.pl/en/91.html>; дата обращения 17.02.2020.

⁸ *Fedorenko K., Umland A.* “How to solve Ukrain’s security dilemma? The idea of an Intermarium coalition in East-Central Europe” // *War on the Rock*. August 30, 2017. URL: <https://warontherocks.com/2017/08/how-to-solve-ukraines-security-dilemma-the-idea-of-an-intermarium-coalition-in-eastcentral-europe/>; дата обращения 17.02.2020.

⁹ Электронные письма «Стратфора», содержащие слово Intermarium на Викиликс, [Electronic resource]. URL: <https://search.wikileaks.org/gifiles/?q=intermarium&mfrom=&mto=&title=¬itle=&date=&nofrom=¬o=&count=50&sort=1&file=&docid=&relid=0#searchresult>; дата обращения 17.02.2020.

¹⁰ Washington Returns to a Cold War Strategy // Stratfor Worldview. 27 January 2015. [Electronic resource]. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/washington-returns-cold-war-strategy>; дата обращения 17.02.2020.

¹¹ Лекция Джорджа Фридмена “Beyond the European Union: Europe in the Middle of the 21st Century, Видео YouTube, 1:15:26, размещено “EFNI 2012” (Europejskie Forum Nowych 59Ide i [European Forum of New Ideas]), October 25, 2012, https://www.youtube.com/watch?time_continue=2858&v=ywrjTZrEgF4, таймкод [47:48]; дата обращения 17.02.2020.

¹² Grupa Lotos // Forbes, as of May 1, 2013, [Electronic resource]. URL: <https://www.forbes.com/companies/grupa-lotos/>; дата обращения 17.02.2020.

¹³ President Andrzej Duda on the Three Seas Initiative’s Summit // President of Poland. 17 September 2018. [Electronic resource]. URL: <http://www.president.pl/en/news/art,844,president-andrzej-duda-on-the-three-seas-initiatives-summit.html>; дата обращения 17.02.2020.

¹⁴ В Киеве прошла 2-я Панъевропейская конференция // Украинский традиционалистский клуб. 3 ноября 2018 г. [Electronic resource]. URL: <http://uktk.org/2nd-paneuropa-conference-was-held-in-kyiv/.x>; дата обращения 17.02.2020.

¹⁵ Гансер Д. Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М., 2017.

¹⁶ *Szczerski K.* Utopia europejska: kryzys integracji i polska inicjatywa naprawy. Krakow, 2017.

¹⁷ The West Is Winning:’ M. Pompeo Makes Speech At Munich Conference, February 15, 2020 [Electronic resource] <https://www.state.gov/the-west-is-winning/> дата обращения 17.02.2020.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Минувшее столетие не было простым для Восточной Европы. Слишком много амбиций сталкивались в этом небольшом регионе, слишком мало желания сотрудничать проявляли местные политики. Увы, Восточная Европа начала 2020-х гг. во многих аспектах напоминает себя же столетней давности: стремительный рост национализма, авторитаризма и милитаризма. Одним из проявления этих опасных тенденций стало возвращение из исторического небытия, казалось, навсегда дискредитировавшей себя идеи Междуморья. Сегодня Польша вновь претендует на региональное лидерство, открыто противопоставляя себя России и почти открыто — Западной Европе.

Ситуация ухудшается и зловредным внешним влиянием. США, окончательно отбросившие остатки приличий при Трампе, цинично поощряют непомерные амбиции Польши. Вашингтон откровенно работает на дестабилизацию Старого света, не чураясь ставки на националистические силы. Восточную Европу США видят как форпост своего влияния, откуда они смогут наносить удары по России и единству Евросоюза. При этом интересы и судьбы самих восточноевропейцевнисколько не беспокоят США. Они для них всего лишь разменные фигуры на «великой шахматной доске». У американской империи не бывает союзников, только вассалы или противники.

Грезящая новым Междуморьем Польша, однако, не только член НАТО, она также и член Европейского союза. И существует заметное противоречие между военно-стратегическими установками польской элиты на союз с США и рациональной экономической, политической и гуманитарной необходимостью развивать отношения со своими европейскими партнёрами. Западноевропейские лидеры, Франция и ФРГ, хотят видеть Польшу ответственным и уважаемым членом европейского сообщества, а не плацдармом для американских авантюр. Недавно французский президент Макрон выступил с идеей воссоздания «Веймарского треугольника» — формата трёхсторонних консультаций между

Парижем, Берлином и Варшавой. Но удастся ли французам и немцам повлиять на поляков и вернуть им чувство политической реальности — большой вопрос.

Нынешняя политика польской элиты не даёт повода для оптимизма. Кажется, что все болезненные уроки прошлого так и остались невыученными. Не имея достаточных ресурсов и слепо веря в собственные исторические фантазии, лидеры в Варшаве, как и их исторические предшественники, настойчиво ведут свою страну в стратегический тупик. Из любого тупика, впрочем, есть выход, но, чтобы найти его, Польше потребуется развернуть свою политику на 180 градусов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буневич Дмитрий Сергеевич, к. и. н., директор Института русско-польского сотрудничества

Крашенинникова Вероника Юрьевна, к. и. н., директор Института внешне-политических исследований и инициатив

Лаврёнов Сергей Яковлевич, д. полит. н., профессор, заведующий отделом Приднестровья и Молдовы Института стран СНГ

Макушин Александр Владимирович, сопредседатель фонда «Историческая патриотика»

Матвеев Геннадий Филиппович, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Носович Александр Александрович, политолог, директор Балтийского исследовательского медиа-центра (Калининград), обозреватель аналитического портала RuBaltic.ru

Рафал Ридель (Rafał Riedel), доктор политологии (PhD in Political Science), профессор Опольского университета (Польша)

Симонова Татьяна Михайловна, к. и. н., независимый исследователь

Синицын Фёдор Леонидович, д. и. н., доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству

Суржик Дмитрий Викторович, к. и. н., ученый секретарь Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук

Трухачёв Вадим Вадимович, к. и. н., доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Айненкель А. — 65
 Андропов Ю. В. — 90, 104
 Андрушкевич А. — 139
 Араки С. — 50
 Асатиани А. — 83
 Асатиани С. — 83
 Байтуган Б. — 84
 Балинов Ш. — 85
 Балуевский Ю. Н. — 129
 Балыков С. — 85
 Баммат Х. — 84
 Бандера С. А. — 67, 168
 Бартошевский В. — 109
 Бедронь Р. — 139
 Бек Ю. — 47, 49, 51, 62, 65, 88, 101
 Бенедикт XVI (Ратцингер), папа Римский — 104
 Бенеш Э. — 51
 Бехаддин Х. — 84
 Бжезешский А. — 93
 Бжезинский З. — 6, 90–95, 97, 104, 111, 117
 Бабиш А. — 158
 Билецкий А. Е. — 167
 Билюй И. А. — 85
 Блещак М. — 135
 Бончковский В. — 87–88, 102
 Брежнев Л. И. — 90, 104
 Брынукус Ю. — 139
 Буш-младший Дж. — 130–131, 163
 Василевский Л. — 79
 Вачелл Дж. Л. — 47
 Венцковский А. — 26
 Вильсон В. — 77
 Волос М. — 66
 Вольдемарас А. — 80
 Гамелен М. — 46
 Гвазава Г. — 86
 Гегечкори Е. — 83
 Гедройц Е. — 12, 81, 87, 89, 103, 104, 107–109, 111–115
 Герек Э. — 5
 Геремек Б. — 94
 Голушко Т. — 82, 87, 101
 Гомулка В. — 5
 Горбачев М. С. — 6, 91–91
 Грегорович С. — 60
 Даладьё Э. — 46
 Деникин А. И. — 26, 80
 Джабагиев В.-Г. И. — 98
 Джонс Дж. — 166
 Дзержинский Ф. — Э. 80
 Дмовский Р. — 27
 Дольфус Э. — 146
 Дуда А. — 9, 134–135, 141, 166
 Жегота-Янушайтис М. — 21
 Жолтек С. — 140
 Жордания Н. — 86
 Захариадзе А. — 83
 Зачвилиховский С. — 87
 Звягина Д. А. — 61
 Земан М. — 158
 Земке Я. — 138
 Зурабшвили И. — 83
 Ибрагимов В. — 85
 Иванов И. С. — 109
 Имнадзе К. — 83, 101
 Иоанн Павел II (Войтыла), папа Римский — 90, 94, 104
 Иоффе А. А. — 24
 Исхаки А. — 84–85, 88
 Исхаков С. — 96
 Казароли А. — 91, 104
 Казимир Великий — 19
 Кайо, принц — 50
 Канарис В. — 67
 Карлов Ю. Е. — 91
 Качиньский Л. — 8, 110–113
 Качиньский Я. — 8, 110–113, 135, 145, 150–151
 Квасьянский А. — 110, 137
 Кеннард Х. — 47
 Керзон Дж., маркиз — 20, 80
 Клемансо Ж. — 78
 Кlich Б. — 111
 Коваль П. — 91, 103
 Козырев А. В. — 7
 Колчак А. В. — 78
 Коморовский Б. — 113, 136
 Коновалец Е. — 82
 Копач Э. — 152
 Корвин-Микке Я. — 140
 Корнат М. — 62, 92, 96, 104
 Косиняк-Камыш В. — 137
 Костюшко Т. — 5, 87
 Костяев Ф. В. — 25–26
 Кох Э. — 68
 Красинский З. — 75
 Кутшеба Т. — 52
 Кшивицкий Л. — 81
 Лавров С. В. — 129
 Лапиньский Т. — 87
 Левандовский Ю. — 90
 Ленин В. И. — 3, 24–25, 27, 80
 Липский Ю. — 51
 Литвинов М. М. — 78
 Любачевский Т. — 85
 Любнаур К. — 136
 Маевский Ю. — 89
 Мазовецкий Т. — 94, 105
 Маккиндер Х. — 76, 80, 92
 Макрон Э. — 171
 Мамед Эмин Расулзаде — 86
 Матерский В. — 92
 Михаловский Р. — 85
 Медведев Д. А. — 7, 112, 130
 Меркель А. — 137
 Меровский Ю. — 12, 81, 89, 197–108, 110–115
 Микучич С. — 90
 Миллер Л. — 138
 Моравецкий К. — 8, 139, 139
 Моравецкий М. — 9, 135, 146
 Мосицкий И. — 31
 Мохнацкий М. — 75
 Мухамед Ибрафил-бей — 84
 Нагорский А. — 95
 Новак А. — 78
 Новак-Езоранский Я. — 94–95, 106
 Норвид-Нойгебауэр М. — 43
 Ноэль Л. — 46
 Олеховский А. — 109
 Орбан В. — 145, 158
 Орджоникидзе Г. К. — 80
 Папроцкий С. — 89
 Пелчинска-Наленч К. — 93, 105
 Пелчинский Т. — 49
 Петлюра С. — 81
 Петру Р. — 136
 Пилсудский Ю. — 3–4, 6, 21–23, 26–27, 29–30, 34, 36–37, 45, 50–54, 60–64, 66, 75–76, 78–79, 81–82, 87–89, 107, 115, 146, 164–166, 169
 Помяновский Е. — 108
 Путин В. В. — 7, 9, 129–130, 137–138, 158
 Радек К. Б. — 24
 Рамишвили Н. — 81, 83, 87
 Рамсфельд Д. — 163
 Расул-заде Мехмет Эмин-бей — 84
 Ратцингер И., см. Бенедикт XVI
 Рейган Р. — 90, 105
 Рейхенау В. фон — 34
 Розвадовский Т. — 22
 Рузвельт Т. — 76
 Рузвельт Ф. — 5
 Рыдз-Смиглы Э. — 37, 52
 Саакашвили М. — 112
 Савинков Б. В. — 81
 Святловский Б. — 92
 Сейдамет Д. — 81, 85–86, 88, 102
 Сикорский Р. — 114, 136
 Скоропадский П. П. — 66, 82
 Скубишевский К. — 92, 94, 105
 Смаль-Стоцкий Р. — 88
 Сметона А. — 80
 Солженицын А. И. — 9
 Спасович В. Д. — 75
 Сталин И. В. — 5, 80
 Стахевич Ю. — 81–82
 Султан-Галиев М. — 85, 102
 Сунш-Гирей М. — 84, 86
 Суорда Э. Р. — 47
 Сухенк-Сухецкий Г. Я. — 82
 Суходольский Б. — 87
 Сушко Н. — 67
 Схетына Г. 136
 Трамп Д. — 10, 163, 168, 171
 Туск Д. — 7, 112, 136, 151–152
 Тухачевский М. Н. — 3, 21
 Фабрици К. — 34
 Филиппович Т. — 75, 80
 Фори Л. — 35–36
 Фох Ф. — 51
 Френсис Д. — 77
 Фридман Дж. — 165–166
 Хантингтон С. — 91, 104, 156
 Харашкевич Э. — 84–85, 87–88, 101
 Чажастый В. — 138
 Чайковский (Садикпаша) М. — 87
 Чарторыйский А. Е., князь — 98
 Чемберлен Н. — 47, 51
 Черчилль У. — 5
 Чичерин Г. В. — 25
 Чокаев М. — 86
 Чхеидзе Н. — 81
 Чхенкели А. — 83
 Шакирова Ш. — 84
 Шамиль Саид-бей — 88
 Шептицкий С. — 29–30
 Шетцель Т. — 82, 88, 101
 Шиммельфеннинг Ф. — 160
 Шушнитт К. — 146
 Щерский К. — 168
 Эсхил — 74
 Ющенко (Чумаченко) К. М. — 165
 Ющенко В. А. — 165
 Ян Собеский 87
 Янукович В. Ф. — 114
 Ярузельский В. — 6
 Ярры Р. — 67

ОГЛАВЛЕНИЕ

Междуморье. К столетию химеры От редакторов	3
ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПОЛЬШИ ЗА РЕГИОНАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ В НАЧАЛЕ XX в.	17
Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы Геннадий Матвеев	19
Крах — цена ошибочных военно-политических расчётов: военная машина Второй Речи Посполитой Александр Макушин, Дмитрий Суржик	29
«ПРОМЕТЕИЗМ» КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ» ПОЛЬШИ	57
Доктрина «прометеизма» в политике Второй Речи Посполитой и Третьего рейха Федор Синицын	59
«Прометеизм» в польском сознании: теория и практика Татьяна Симонова	74
«Восточная политика» Гедройца—Мерошевского или «прометеизм 2.0»? Дмитрий Буневич	107
СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬША И ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	119
Развёртывание инфраструктуры НАТО в современной Польше: краткие итоги и основные выводы Сергей Лаврёнов	121
Образ России у политических партий Польши Вадим Трухачёв	134
Альтернатива для Европы. Что предлагает Польше и её союзникам внутренняя политика «Права и справедливости» Александр Носович	144
Новый рыцарь холодной войны в Центральной Европе — Польша Рафал Ридель	154
Возрождение Междуморья — американская игра против Евросоюза и России Вероника Крашенинникова	163
Заключение	171
Сведения об авторах	173
Именной указатель	174

**Польша в борьбе за Восточную Европу
1920–2020**

Редактор *К. А. Залесский*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *И. В. Рязанова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 28.2.2020
Формат 165×235 мм. Усл. печ. л. 14,3.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-907171-17-6

ПОЛЬША В БОРЬБЕ ЗА ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ 1920–2020

«Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент... Главная цель — ослабление и разгром России»

*Доклад 2-го (разведывательного) отдела Главного штаба Войска Польского,
декабрь 1938 г.*

«Нет сомнений в том, что Россия является агрессором... Если будут такие... инициативы... как тема дальнейших санкций, Польша точно будет подключаться к этой инициативе»

Анджей Дуда, президент Польши

«Русофобия стала государственной доктриной, и основные СМИ Польши... проводят эту линию: Россия является угрозой, Москва хочет дестабилизировать Евросоюз...

И здесь нет разницы между правыми партиями в Польше... Но зачем России нужно нападать на Польшу? Никто этого не объясняет»

*Лешек Миллер, премьер-министр Польши
в 2001–2004 гг.*

«Ввиду возрождения
мощи России, реализация
при поддержке США концепции
Междуморья, направленной
против России, станет
неизбежной»

*Из «Геополитического дневника»
американского частного
разведывательного агентства «Стратфор»*

